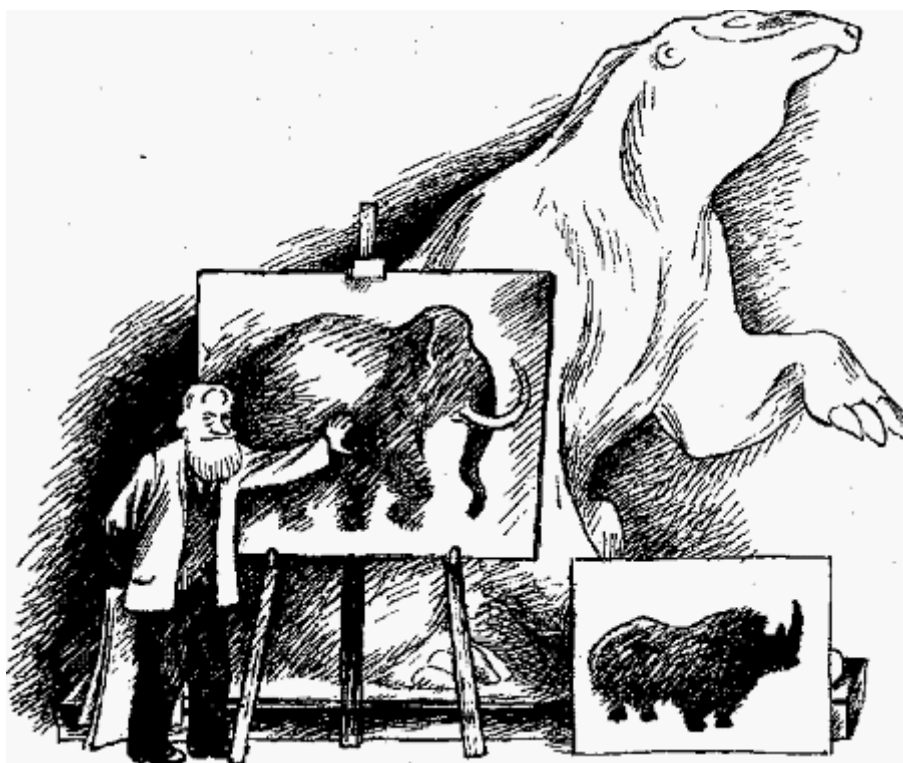

Бакулина Элеонора Дмитриевна, Яблоков Алексей Владимирович. "ВОЛШЕБНЫЙ БРАСЛЕТ". М., "Детская литература", 1971.

ВОЛШЕБНЫЙ БРАСЛЕТ

ЧТО ЕДЯТ МУРАВЬИ?

Мальчишку все звали Тимкой, хотя настоящее его имя было Тимофей. Но называть Тимофеем человека в одиннадцать лет не принято. Тимка был этому очень рад. Последний раз его называли Тимофеем недели две назад, когда он принес домой дневник, в котором красными чернилами размашистым почерком классной руководительницы было написано: "Прошу родителей зайти в школу, Ваш сын отвлекается на уроках". Вот тогда у отца был с Тимкой крупный разговор, который начинался словами: "Тимофей, объясни мне..." После этого не было сомнений, что Тимка звучит гораздо лучше, чем Тимофей.

Тимка жил в Москве, на широкой старинной улице около Новодевичьего монастыря. Иногда бабушка выдавала Тимке копеек тридцать и посылала в булочную купить пару ситников и четвертинку черного. Тимке нравилось ходить в булочную: он чувствовал себя большим и самостоятельным человеком. А так как большие и самостоятельные люди всегда сами выбирают себе дорогу, то и Тимка ходил в булочную разной дорогой. С этого-то, наверное, все и началось: с той тихой улочки, на которой стоял старый большой дом с огромными окнами. Выход из этого дома был не на улицу, а во двор, а над калиткой висела вывеска: "Государственный музей".

В музее работали люди, которые были всегда очень заняты. Тимка догадывался, что главным был невысокий и подвижной старик, с быстрыми и ласковыми глазами, огромной белой бородой лопатой. К этому старику с уважением обращались студенты, приходившие на экскурсии в музей. Но всего больше удивился Тимка, когда однажды на экскурсию в музей пришли совсем взрослые и даже пожилые люди, среди которых он узнал учительницу биологии из их школы.

— И если бы вы только знали, как слушала Мария Семеновна этого старика, когда он говорил про обезьян! — захлебываясь, рассказывал Тимка во дворе друзьям. — Я тихонечко стоял позади и все слышал, только не все разобрал. Зато какой там огромный мамонт стоит и какая совсем маленькая лошадь, величиной с собаку!

Два или три раза в неделю в музее собирались большие ребята седьмых-восьмых классов. Они приходили не со школой, а сами по себе, по одному, по два. Все они хорошо знали друг друга, и у них были очень важные общие дела. Они часто говорили про какие-то выезды, у них был свой председатель и еще был ППД. Он был важнее председателя, потому что то и дело ребята говорили: "ППД сказал", "ППД просил", "ППД послал". Потом они уходили в глубь музея и не выходили до самого вечера. А Тимке уже пора было идти домой ужинать.

Однажды Тимка не выдержал. Он подошел к старику с седой бородой, когда тот шел от троллейбусной остановки к музею.

— А можно мне прийти в музей вечером вместе с другими ребятами? — собравшись с духом, спросил Тимка.

Старик ничуть не удивился, даже не приостановился и на ходу спросил:

— Ты хочешь заниматься в кружке?

— Да, — твердо сказал Тимка.

— А в каком ты классе? В четвертом? Тогда приходи в музей следующей осенью, в сентябре. Запомнил?

Они уже почти дошли до дверей музея, и Тимка, которому совсем не страшно было идти с этим быстрым стариком, вдруг вспомнил:

— А кто такой ППД?

Тут старик приостановился и внимательно взглянул на Тимку:

— ППД — это я. Меня зовут Павел Павлович Дегтярев, сокращенно ППД, просто и удобно. Я не обижаюсь на ребят — привык за сорок лет, а они довольны. Ну, а об остальном узнаешь осенью. Да, кстати, ты куда поедешь летом?

— На дачу, — тихо сказал Тимка.

— Мы в этом году изучаем питание муравьев, — продолжал ППД. — Вот и ты попробуй узнать, чем они питаются. Нарисуй разные муравейники. Всё приноси в первую среду сентября сюда. До свиданья. — Старик остановился, посмотрел на мальчишку. — А впрочем, если хочешь, можешь пойти сейчас со мной, сегодня последнее заседание кружка.

Тимка был счастлив. Тихий, как мышь, уселся он на самый задний ряд в небольшом, битком набитом зале.

— Ребята, — начал Павел Павлович, — все вы получили летние задания. Занятия в этом году закончим разговором о трех великих законах природы, знать которые должен каждый. Первые два закона открыл великий Дарвин и назвал их **борьба за существование и естественный отбор**. Он доказал, что жизнь одних живых существ обязательно связана с жизнью других и, если кто-то в природе погибает, его место тотчас занимает новый организм.

Павел Павлович ходил между притихшими рядами и говорил, показывая на картинки, чучела, карты:

— Жизнь не стоит на месте! Сегодня живут одни, а завтра — совсем другие существа. Посмотрите на этих гигантских ящеров, по смотрите на вымерших предков лошади. Эти организмы уступили место новым, ушли с великой арены жизни, оставив после себя измененных потомков. Естественный отбор привел к этому замечательному результату: выживали только те, которые оказывались самыми сильными, самыми выносливыми — и так шаг за шагом изменялось все живое... Третий закон — **закон отношения человека к природе**. Люди, все человечество — только часть природы, и мы должны не "покорять" природу, а, узнав ее законы, использовать их для улучшения и разумного изменения природы. Природные богатства должны не скудеть, а множиться. И потому в завтрашнем человеческом обществе биология будет одной из самых нужных специальностей. Только биологи смогут сказать, как нужно обращаться с живой природой, чтобы не нарушить замечательного равновесия, которое установилось в течение миллионов лет. Великие умы человечества видели опасность нарушения этого равновесия. Один из самых светлых и глубоких мыслителей сказал в прошлом веке: "...культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет после себя пустыню". Вспомните-ка сами, кто сказал эти слова...

Взволнованный шел домой Тимка.

"Так, значит, вот какой ППД! Здорово! Почему он предложил все разузнать про муравьев? Интересно, в самом деле, чем питаются муравьи?"

Часто потом вспоминал Тимка этот короткий вечер. А через несколько недель с Тимкой случилось...

НА ВОЛОСКЕ ОТ СМЕРТИ

Дачный поселок, где летом жил Тимка, стоял на высоком лесистом берегу небольшой речки, рядом с деревней Мокруха. С одной стороны к поселку примыкала большая и светлая березовая роща, где в конце лета, если выйти из дому пораньше, всегда можно было набрать корзину грибов: белых, подберезовиков, чернушек. А уж дождевиков и грибов-зонтиков, которые деревенские считали поганками и не собирали, росло сколько угодно. С другой стороны — со стороны речки — к поселку вплотную подходили молодые сосновые и еловые посадки, среди которых тут и там возвышались старые могучие ели и березы.

В посадках муравейники были высокие, и их было много. Рыжие лесные муравьи деловито сновали по своим дорожкам. У одной из таких дорожек, как-то после завтрака, и занял наблюдательный пост Тимка. В руке у него был карандаш с записной книжкой, в кармане — пинцет и большой огурец (Тимка очень любил огурцы и, когда уходил гулять, всегда прихватывал с собой несколько для подкрепления). Дома бабушке он сказал, что пошел погулять и вернется часа через два.

Замешкавшиеся было муравьи при появлении Тимки через минуту вновь побежали бесконечной чередой: один поток от муравейника, другой навстречу и помедленнее — к муравейнику. Те муравьи, что бегут от муравейника, бегут пустые и быстро, те, что к муравейнику, — с грузом, помедленнее. Вот два муравья тащат еловую хвоинку, вот еще такая же пара, вот третья. Ясно: строительный материал для муравейника. Веточка, за которую уцепились еще три муравья сразу, наверное, балка для потолка в переходе внутри муравейника.

А вот что-то интересное — небольшая гусеница.

— Гусеница больше муравья вдвое и еще живая... Да нет, не ее муравей тащит, а она ползет вместе с муравьем, что прицепился сбоку. Так-так! Все ближе и ближе к муравейнику! Не дает ей муравей свернуть с чистой дорожки... Запишем: гусеница... — тихонько бормотал Тимка. — Ага, вот и жучишка какой-то... Черный, с синеватым отливом. Ну, этот, кажется, мертвый, и тащат его два муравья. Интересно, зачем этот муравей несет зеленый лист к муравейнику? Разве муравьи едят листья?.. Запишем про

лист... Ну, а это вообще непонятное что-то: один муравей тащит другого. А вот еще такая же пара. Может быть, это раненые? Но кто их ранил? Надо посмотреть: куда это тащат муравьев? — не выдержал Тимка. — Может, просто один решил на другом прокатиться... А ну-ка я вас подцеплю пинцетом!

Он ловко ухватил пинцетом сразу двух муравьишек, да так сжал, что те сразу и погибли. Охота за муравьями настроила Тимку на боевой лад, и он принялся уже не наблюдать и записывать, а ловить, отнимать, а то и губить одного муравья за другим. Маленький охотник подобрался к муравейнику и решил было поглядеть, что делается внутри этого холма из хвои и веточек. Вот в руках у Тимки оказался кусок сухой ветки.

Раз!.. Сучок глубоко врезался в мягкий купол муравейника.

Муравьи испуганно забегали.

Раз! Раз!.. Работа спорилась, и скоро в муравейнике зияла глубокая дыра.

...Что-то больно стукнуло Тимку по затылку... Он перестал крутить палку и с опаской огляделся. Никого нет. Только ветка крепкая качается над ним.

"Пожалуй, напрасно я все-таки разрушил муравейник: ничего не увидел — все те же хвоинки кругом, и ничего больше... — сокрушенно вздохнул он. — Хотя ладно, построят новый... Или заделают дырки в этом, вон их сколько, не пересчитаешь!" — рассуждал Тимка.

— А куда ведут дорожки от муравейника? — вслух спросил себя Тимка. — Может, пройти до конца дорожки и посмотреть, что там делают муравьи?

Ему вдруг очень захотелось уйти куда-нибудь подальше от муравейника. Низко наклоняясь, он двинулся вдоль муравьиной дорожки между небольших сосенок. Пять, десять, пятнадцать шагов... Муравьиная тропка не исчезает и даже не становится меньше.

Стоп! Прямо перед Тимкой глубокая песчаная яма. Здесь брали песок для строительства, и сюда Тимка уже приходил вместе с папой за хорошим крупным песком для аквариума,

Деловитые муравьишки спешили прямо вниз в яму, не сворачивая ни вправо, ни влево.

"Где же муравьиная дорога? Это становится интересным..." — подумал Тимка и решительно прыгнул в яму.

Яма была широкая, но не особенно глубокая. Когда Тимка встал на дно, его голова торчала над верхним краем ямы. Муравьи бежали теперь прямо перед его глазами, не надо было даже наклоняться, чтобы рассмотреть их. Они даже стали казаться чуть-чуть побольше.

"Как ловко и быстро движутся их шесть лапок! Ого! Какие мощные челюсти вот у этого мураша! Если подставить палец, то он так и перекусит его пополам..." — Тимка даже вздрогнул.

Летний день был в разгаре. Солнечные лучи, горячие и ослепительные на поляне, слабели и чуть-чуть зеленели, когда доходили сюда, в гущу сосновых стволов.

Кругом было так тихо и спокойно, как бывает в послеполуденные часы жаркого дня в середине недели.

"Хорошо бы чего-нибудь поесть, — подумал Тимка и вытащил из кармана огурец. — А теперь поглядим, что понадобится муравьям в этой яме!"

И Тимка (снова принялся следить за деловой суетой муравьев. Ему пришлось присесть на корточки и заглянуть за песчаный выступ на стенке ямы — туда вела муравьиная дорога, огибая торчащий корень сосны. Здесь тропинка круто поворачивала вниз и ныряла в дырку в песчаной стене.

"Откуда взялся этот муравей с зеленым кусочком листа в правой лапке?" — удивился Тимка.

Муравей-регулировщик стоял на повороте, высоко приподнявшись на задних лапках, помахивал зеленым листом, словно приглашая Тимку двинуться вперед. Тимка без колебаний встал на четвереньки и чуть-чуть продвинулся вперед.

"Странно, все муравьи пропали. Где же они? А нет ли их за этим выступом? Нет никого... — Тимка огляделся. — Да тут, оказывается, яма не кончается: дальше широкий проход, а сквозь него виден яркий свет. Вот это да! Ура! Я, кажется, нашел выход из пещеры к берегу реки! Вот можно будет поиграть с ребятами!" — чуть было не закричал от радости Тимка.

Видневшаяся впереди река казалась совсем близкой. Вот блестит вода, вот чуть покачиваются ветви берез над самым берегом... Тимка двинулся дальше, забыв про муравьев. Но — странное дело! — чем больше он проникал в глубь пещеры, тем дальше отодвигалась река и тем выше и шире становился проход, тем все необычнее становилось вокруг. Свет впереди уже не казался солнечным, он был какой-то голубоватый, мерцающий. Песчаные стенки пещеры стали мягкими и теплыми.

"Пахнет разогретым асфальтом, смешанным с лимоном, или нет, пожалуй, больше резиновыми сапогами и мармеладом", — подумал Тимка.

От этого запаха засвербило в носу. Тело будто покалывали тысячью маленьких иголочек. Ему стало страшно.

— Неужели я успел уйти под землей так далеко? — пробормотал Тимка.

Он споткнулся обо что-то твердое и растянулся. Из глаз его посыпались искры, и в тот же момент незнакомый старческий голос ворчливо прошамкал:

— Не успел поздороваться, а уже искрами кидается!

— Так ведь я же не нарочно, — начал было оправдываться Тимка, но вдруг вспомнил, что он под землей, на мягком, пушистом настиле пещеры, где только что — ну вот секунду назад! — не было ни одной живой души и разговаривать ему вроде бы не с кем. Мурашки пробежали по Тимкиной спине, он не смог пошевелить ни рукой, ни ногой.

А тот же ворчливый шамкающий голос продолжал:

— Ну что же ты лежишь на полу? Или тебе, может быть, нравится лежать на ковре моей Пещеры Приемов? — И совсем уже другим, хвастливым тоном продолжал: — Верно, приятный пол в этой моей пещере?

Тимка проворно вскочил на четвереньки, огляделся. Прямо перед ним стоял невысокий, странно одетый старикашка. Трудно было рассмотреть его подробно, потому что свет шел из-за спины старика. Тимка разглядел только ноги в ярко-зеленых чулках и в красивых желтых деревянных башмаках. Легкий плащ покрывал плечи незнакомца и доходил ему до колен. Плащ был сделан из материала, до удивления похожего на бересту, снятую с середины ствола большой березы: такой же белый и с такими же небольшими черными штришками тут и там.

— Здравствуй, Тимка! Дай-ка руку, я помогу тебе встать! — С этими словами незнакомец подошел, протянул маленькую руку. Хотя старичок был совсем маленький, он подхватил Тимку под мышку и, как перышко приподняв над полом, аккуратно опустил рядом с собой.

"Ну и силища!" — подумал было Тимка и, забыв ответить на приветствие, зататорил, решив разом все выяснить:

— А вы тоже живете в нашем поселке? Вы пришли в эту пещеру со стороны реки, да?

— Не все сразу, не все, не все... — перебил его шамкающий старичок. — Сначала давай-ка пройдем немного вперед. В этом углу пещеры слишком темно, а искры из тебя больше не вылетают, хе-хе, не вылетают, не вылетают... Мы действительно живем с тобой в одном поселке, — говорил старичок, ведя Тимку за руку вперед. — Точнее сказать, ты, хе-хе-хе, именно ты, живешь вместе со своими родителями у меня во владениях. А в пещеру, — старичок хохотнул: ха-ха-ха... — в пещеру в этот раз я, как бы поточнее тебе объяснить, не пришел, конечно, а появился из другой моей пещеры, которую ты, может быть, да, пожалуй, очень-очень может быть, скоро увидишь. Может быть...

Тимке все больше не нравился этот неправдоподобно маленький рот и этот непонятный разговор с повторениями и смешками.

"Пожалуй, надо бежать отсюда, пока не поздно!" — подумал он и быстро оглянулся вокруг, прикидывая, куда лучше шмыгнуть.

— А вот и поздно! Хе-хе-хе! Теперь уже поздно! — прищутив глаза, насмешливо заворчал старик, определенно прочитав Тимкины мысли, крепче сжал его ладонь

своими сильными пальцами и добавил тем же противным голоском: — И думать забудь о том, чтобы убежать отсюда! Забудь, забудь, забудь! Хе-хе-хе!..

Они продвинулись еще на несколько шагов в глубь пещеры. Становилось все светлее и светлее. Наконец Тимка и старичок оказались в самом центре пещеры. Но нет, пожалуй, пещерой это место назвать было бы неправильно, так же как не назовешь пещерой станцию метро. У Тимки по привычке уже было открылся рот, так ему захотелось, позабыв страх, спросить насчет конструкции пещеры. Но тут его взгляд остановился на старичке, и вопрос так и замер: вместо небольшого и странно одетого человека рядом с Тимкой стоял...

"Нет, этого не может быть, я, наверное, заснул, и все это мне снится", — пронеслось в голове.

Перед ним возвышался огромных размеров серо-зеленый доисторический ящер: ни на что другое это существо не было похоже. Огромное чешуйчатое туловище заканчивалось мощным хвостом со страшными, наверное, роговыми шипами, торчавшими в разные стороны; массивные лапы, поддерживавшие туловище, опирались на когти, каждый из которых был размером с руку Тимки. Треугольная голова казалась маленькой для такого огромного тела. Из широко раскрытой кроваво-красной пасти чуть высовывался кусок серовато-розового языка, по которому стекали капли сверкающей слюны.

Тимка хоть и остоленел от неожиданности, но почему-то не особенно испугался. Он любил чудесные превращения, с удовольствием ходил в цирк и даже сам делал всякие фокусы, выискивая их описания в разных популярных журналах, вроде "Юного техника", "Химия и жизнь" или "Знание — сила".

Он не испугался всерьез, а был весьма обеспокоен таким странным превращением деда в ящера. Собравшись с духом и встав на цыпочки, чтобы быть все-таки поближе к голове чудовища, он прокричал:

— Дедушка...

— Ха-ха-ха! — раздался не то свист, не то клекот, и голова чудовища описала над Тимкой большой круг. — Он называет меня дедушкой! Да я твой пращур, а не дедушка! Да знаешь ли ты, сколько времени я живу здесь?

— Кажется, знаю! — смело перебил ящера Тимка. — Таких, похожих на тебя ящеров я видел в Палеонтологическом музее. Там было написано, что жили они, кажется, двести миллионов лет тому назад, в меловом периоде, когда даже еще не было никаких млекопитающих! Верно?

— Ишь ты! В общем, верно, — более миролюбиво рыкнул ящер. — У тебя, я смотрю, голова не всегда глупая бывает. Ладно, пока хватит тебя пугать, давай поговорим.

С этими словами ящер начал уменьшаться и превратился опять в уже знакомого старика.

— Сказки любишь? — спросил старик своим обычным шамкающим голосом. — Можешь не отвечать, и так знаю-знаю, что любишь. Не было еще в моих владениях мальчишки, который не любил бы сказок. Про леших и лесовиков слышал-слышал?

— Так вы и есть леший? — даже оторопел от неожиданности Тимка.

— Ну, раньше нас так иногда называли люди. Тебе, я вижу, интересно знать мое настоящее-настоящее имя. Так вот, я не леший, а Великий и Могучий Хранитель Вит. Ну конечно, всякие там страсти-мордасти, что вы про леших рассказываете в своих сказках, это я могу делать, могу. Ну, например, закружить, заплутать туристов, особенно если они север с югом путают. Бабе какой-нибудь, что коз гоняет по лесу да рубит рябины, чтобы накормить их, в страшном виде показаться — все это, конечно, тоже мои шутки, мои. Да зачем далеко за примерами ходить; вспомни-ка, что ты делал наверху, на земле, только что? Зачем палкой ковырял муравейник? Зачем? Зачем? — Вит высоко подпрыгнул да так и остался висеть в воздухе, болтая своими деревянными башмаками почти у Тимкиного носа. — Мало я тебя по затылку стукнул! Эх, мало! Надо бы посильнее двинуть, чтобы забыл навсегда, как моих помощников и друзей всего леса тревожить. У тебя, кажется, был пинцет? Правильно мама тебе его давать не хотела утром, правильно...

Тимка тут даже вздрогнул от неожиданности, и противное чувство страха и тревоги опять охватило его.

"Откуда знает этот старикашка о том, что было утром дома? Ну, предположим, он просто подсмотрел несколько минут назад, как я ворошил муравейник, но дома-то его определенно не было! А мама точно не хотела давать пинцет..." — пронеслось мгновенно в голове Тимки.

— Правильно мама не хотела давать тебе пинцет, правильно, — повторял между тем старикашка на разные лады. — Впрочем, мы его сейчас, кажется, используем для дела!

С этими словами он опустился на пол пещеры и протянул маленькую руку к Тимке. И вдруг рука стала утоньшаться. С ужасом Тимка смотрел, как рука, гибкая, тонкая, как карандаш, превратилась в змейку и проскользнула к нему в карман, обвилась вокруг пинцета и с легкостью вытащила его. Теперь знакомый пинцет держала толстая и короткая рука старикашки. Теперь уж Тимке стало по-настоящему страшно.

"Как бы поскорее выбраться отсюда, от этого непонятного старика?" — снова подумал он.

И старикашка, опять словно прочитав его мысли, подхватил:

— И не думай, что сможешь без моего согласия уйти отсюда! Но об этом немного позже, позже. Сейчас главное — посмотреть, что можно сделать с таким замечательным пинцетом.

Он подбросил пинцет вверх, поймал его, снова бросил, на этот раз в сторону. Но пинцет, вместо того чтобы удариться о стенку пещеры, начал медленно вертеться вокруг старикашки и Тимки, становясь по пути все больше и больше. Вот он уже ростом с человека, вот уже раза в два больше... Вит сделал какой-то жест рукой, и пинцет оказался рядом с ним. Без всякого видимого напряжения Вит направил пинцет, чуть пододвинул его и — чик! — схватил Тимку за правую руку. По телу Тимки пробежала дрожь, он съёжился от мгновенной боли и расширенными от ужаса глазами увидел, как его правая рука, которую Вит отщипнул пинцетом, медленно поплыла в сторону.

— Славно! Исправно! — радостно завопил Хранитель Вит и прицелился пинцетом снова.

Тимка опомнился, страх придал ему силу, и он прыгнул что есть мочи в сторону. В следующий миг острая боль опять пронзила все тело: так и есть — ноги как не бывало!

А Вит знай себе похохатывает:

— Ловко я его схватил! Не хуже, чем он муравьев!

— Дедушка! Не буду больше трогать муравьев! — захныкал, дергаясь на полу, Тимка.

— А зачем из дроздиного гнезда на елке на прошлой неделе яйца вытащил?

— Ай-ай! Не трогайте меня, пожалуйста! Я хотел попробовать яичницу из них! Отпустите меня домой! Я никогда-никогда не буду разорять гнезд!

Слезы бежали из Тимкиных глаз, он весь трясся от страха и ужаса, ожидая, что вот-вот страшный пинцет схватит его опять.

— Ладно, — неожиданно успокоившись, сказал Хранитель Вит, — посмотрим, что будет дальше, посмотрим.

Тимка перевел дух и перестал плакать. Только внутри него все дрожало.

"Ну, пропал я! Вот мама расстроится, наверное..." — мелькнуло в голове.

— Конечно, расстроится! Да еще как расстроится! И ребята играть будут без тебя, и в классе твое место будет пустое! И не про си меня, — старик остановил Тимку, который хотел, видно, что-то сказать, — я не могу ничего для тебя сделать. Не могу! Всякий плохой поступок должен быть наказан — есть такое правило, есть. А если ты в свои одиннадцать лет столько вреда природе умудрился наделать, то что же будет, когда ты подрастешь? Что будет тогда? Слышал про бульдозериста, что чуть не утонул прошлым летом?

Тимка хорошо знал историю про бульдозериста. В поселке рассказывали, что пьяный бульдозерист вечером свернул с дороги и проехал по посадкам на своей мощной машине, поломал и изувечил много деревьев, прежде чем свалился с крутого берега в речку. Машину вытащили через несколько дней, а водитель, который чудом спасся, говорят, с тех пор работает продавцом в киоске — боится садиться за руль.

— Пришлось прибегнуть к крайним мерам, — продолжал старичок, — чтобы прекратить этот разбой в природе. А из тебя, наверно, как раз такой бы бульдозерист и вышел. Возись потом с тобой, мучайся... Я уж лучше прямо сейчас с тобой разделаюсь! Прямо сейчас!

Тимка потерял всякую надежду выбраться отсюда живым и приготовился к неизбежной гибели.

Но старичок вовсе не спешил: на него, видно, напала охота поговорить.

— Слышал про скважину артезианскую, что пробурили в пионерском лагере на бугре? Думаешь, мне жалко воды подземной? Да бери хоть тысячу ведер в день, мне хватит. Так нет, ведь что удумали эти мудрые головы: открыли трубы и без толку выпустили целое озеро воды. Молодцы, — ядовито продолжал он, — властелины природы! Лужайки внизу и новые сосновые посадки затопили — раз! Мое подземное озеро осушили чуть не до дна — два! Ключи перестали бить в округе и две деревни остались без воды — три! Деревья большие на холме засохли без подземной воды — четыре! Без мозглые! Вот посмотрю, и, если впрок им урок этот не пойдет, придется поучить кое-кого. Уж придется! — Старичок раскраснелся, берестяной плащ на нем топорщился, длинные серебристые волосы на бороде разошлись веером. Видно было, что он очень, очень сердится. — Итак, силы в человеческих руках прибавилось. А как правильно да с пользой для природы и для себя использовать эту силу? Послушай, а может, сразу перевести всякую живность подальше, оставлю только песок с глиной, глину с песком, посмотрю издали, как жить будете! Потом-то, конечно, сами станете зелень да живность раз водить — без них жить-то нельзя, — да десять потов сойдет, пока все наладите, — опять чуть успокаиваясь, продолжал Хранитель Вит.

Тимка уже заметил: он очень легко сердился и тут же быстро успокаивался.

— Я такую штуку уже сделал около железнодорожной станции лет пять назад. Там один шлак да золу с песком, шлак да золу оставил, куда ни пойдешь. А жалко было на вас, на людишек, смотреть. Как мухи, поползли в больницу: кто с больными, пылью испорченными, легкими, кто с глазами красными, кто с кожей воспаленной. Потом надоумил я двух-трех, кто показался мне получше других, а они уже всех остальных подбили. И что ты думаешь: видел, какой парк сделали около школы? Там даже белки не боятся людей, я уж не говорю о воробьях да синицах. Поняли там наконец, что чем больше народу становится на земле, чем больше поселков и городов, тем драгоценнее и нужнее каждая зеленая веточка, каждый муравей на дорожке! Нужнее! Драгоценнее!

Тимка уже заметил, что когда Вит начинал особенно сердиться, его борода расходилась серебряным веером и с кончиков волос слетали небольшие искорки. Сейчас искры погасли, и борода стала принимать обыкновенный вид.

"Ну, кажется, перестал сердиться", — облегченно передохнул было Тимка.

— А знаешь, что мне пришло в голову? — снова, уже спокойнее, начал Вит. — Чем время не шутит, вдруг из тебя еще приличное существо вырастет? Может, не случайно ты решил закрыть палочками гнездо трясогузки в ямке, чтобы туда не пробрался одичавший кот и не сожрал птенцов? Хорошее дело сделал, хорошее! Да и еще, помнится мне, были какие-то хорошие дела: посадил в гнездо выпавшего дрозденка и не дал туристам срубить молоденькую елочку... Решено: задам-ка я тебе пару задач, задам-ка. Справишься — на всю жизнь запомнишь и польза от тебя будет, нет — расправлюсь с тобой в два счета. Но как бы это получше все оборудовать?

Было приободрившийся Тимка снова приуныл: ни жив ни мертв сидел он на мягком полу пещеры и только устало хлопал красными от слез глазами.

— Вернуться к людям он должен только тогда, когда научится: уму-разуму, да, только после этого... — бормотал Хранитель Вит. — Значит, он должен смотреть и соображать, смотреть и делать выводы... Ага! Для такого случая, пожалуй, подойдет мой малый браслет. — Старик отодвинул повыше берестяной рукав на правой руке и отстегнул тяжелый многоцветный браслет, составленный из восьми камней. — Держи! — протянул он браслет Тимке.

Тимка безропотно взял браслет, втайне ожидая какого-нибудь подвоха. "Нет, все, кажется, обошлось, руки и ноги пока целы".

— Посмотри-ка на браслет, посмотри-ка! Какие камни знаешь, называй, — потребовал Вит, и борода его чуть взъерошилась.

Браслет был искусно сделан из прямоугольных, чуть продолговатых камней разного цвета. Камни были плотно подогнаны один к другому и соединены таким образом, что каждый из них мог чуть выдвигаться от соседних.

Красный, фиолетовый, зеленый, желтый. Камни засверкали перед глазами Тимки. Вот один совсем прозрачный, ну конечно же, это горный хрусталь, — такой кристалл стоит у папы на столе, вделан в чернильный прибор.

— Горный хрусталь!

— Предположим... — проворчал старикашка.

— Этот прозрачный темно-желтый — янтарь! — уже увереннее сказал Тимка, вспомнив мамино колечко с точно таким же камнем.

— Ишь ты, правильно, — услышал он подобревший голос и увидел, как волоски бороды улеглись один к одному.

— А этот, — Тимка держал в пальцах темно-красный камень, — этот, наверное, рубин или гранат!

— "Или — или"! Гранат это! — услышал Тимка недовольство в голосе своего мучителя. — Дальше называй!

Как ни старался Тимка, другие камни назвать он не мог. Он видел их, конечно, много раз и на картинах. Вот этот совсем простой камень, чуть прозрачный и с коричневатыми прожилками, он встречал даже на речке, но как же он называется? Старик, видно, обрадовался, что Тимка не может вспомнить название камней, и принялся снова стыдить его:

— Эх ты, Тимка, Тимка! Живешь на русской земле, книжки читаешь, картинки смотришь, а камней не знаешь. Смотри — вот пестрая яшма, вот голубой сапфир, а этот, с золотыми переливами, — тигровый глаз, а этот зеленый с прожилками стыдно не знать тому, кто любит уральские сказки, стыдно!

— Малахит?

— Слава богу, хоть тут догадался! Ну вот и все восемь камней. Надень-ка браслет на руку. Ну, смелее, смелее! — подбадривал он Тимку, нерешительно крутящего браслет

в руках. — Просовывай, просовывай руку... Вот так! — удовлетворенно закончил он, увидев, что браслет плотным широким кольцом охватил запястье левой руки Тимки. — Ну, мне, пожалуй, пора! Погуляй-ка, погуляй-ка здесь пока один. Мне пора, пора... — И он ловко подскочил вверх, повис в воздухе и тихонько запел-заверещал:

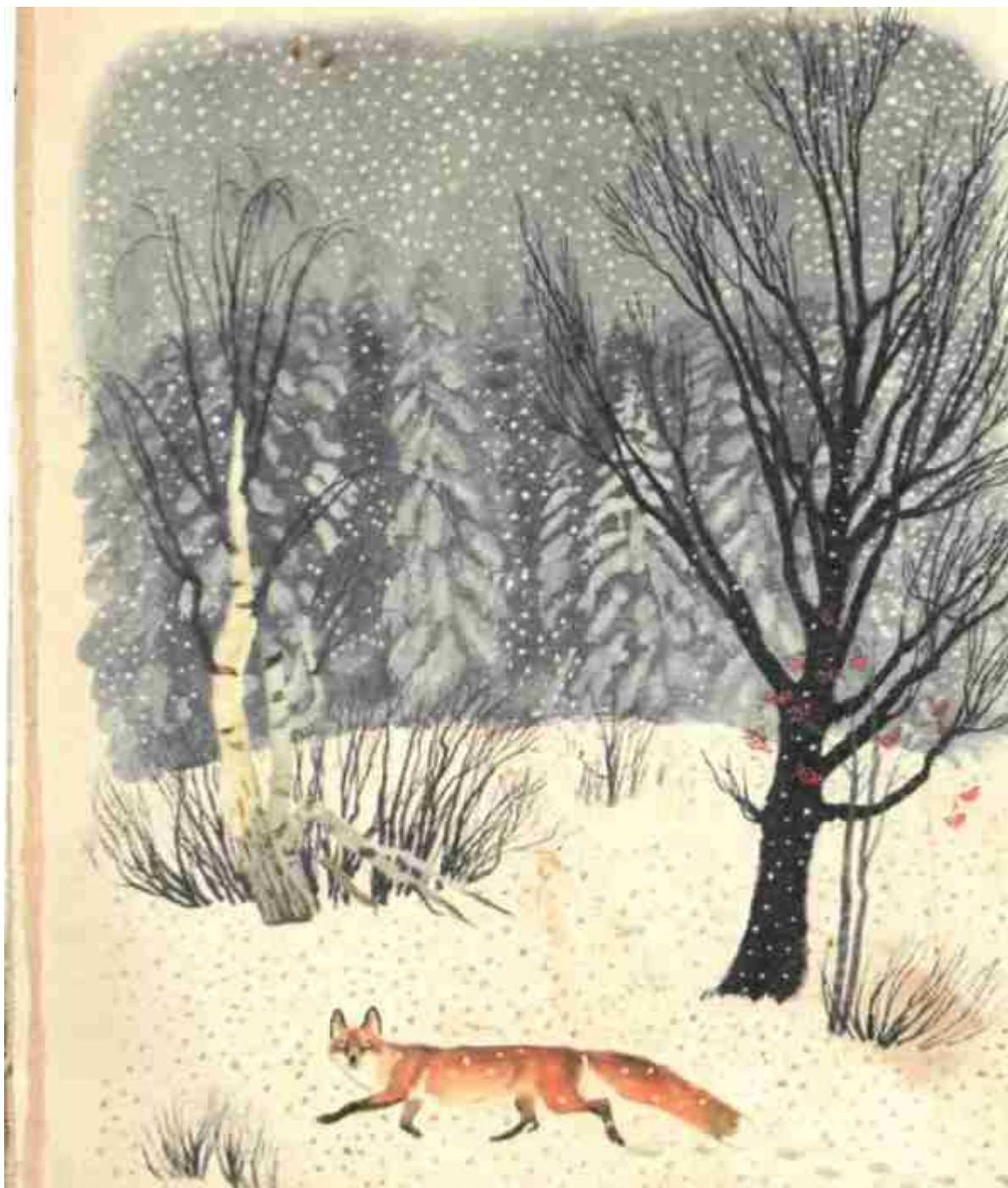
Восемь камешков заветных —
От восьми дверей запретных.
Будешь двери открывать,
Тайны жизни узнавать...

И пока бормотал он эти слова, делался все меньше и меньше. Вот уже с кошку... вот с яблоко величиной... вот не больше маленького кузнечика...

Не найдешь — пропадешь,
Не найдешь — про-па...
Не най...шь... —

донесся до Тимки откуда-то из пространства тоненький голос, а на том месте, где только что был Хранитель Вит, никого не стало.

ОДИН В ПЕЩЕРЕ

Старикашка растворился где-то вверху, и в пещере стало тихо-тихо. Тимка, живой и невредимый, стоял посредине огромного подземного зала. На левую руку был надет тяжелый браслет.

"Что же это я теряю время? — подумал Тимка, который не любил долго сидеть без дела. — Надо скорее рассмотреть всю пещеру..." — решил он.

И как, только Тимка подумал об этом — вся пещера засветилась еще сильнее, а пропадавшие вдаль ее стены будто придвинулись поближе.

Прямо перед Тимкой поднималась крутая стена. Она снизу доверху была покрыта, как черепицей, огромными зеленовато-голубыми еловыми лапами. Точно такие же голубые лапы на елках видел Тимка у кремлевской стены на Красной площади и очень тогда удивлялся, узнав, что на свете есть голубые ели. Кое-где поверх лап лежали пышные ослепительно-белые снежные шапки, искрящиеся всеми цветами радуги. На концах лап висели грозди красно-бурых смолистых шишек, и по ним прыгали большие серые птицы с ярко-красными грудками.

"Снегири", — вспомнил тут же Тимка.

От стены будто бы тянуло холодом, и Тимка поежился, хотя было совершенно ясно, что вся стена и легкое движение веток, шелест морозного ветерка и треск прыгающих птиц какой-то невидимой преградой отделены от него.

Тимка повернулся. Соседняя стена пещеры словно была покрыта ярким ковром: она была усыпана багровыми и бронзовыми, золотыми и пурпурными, медными и пунцовыми осенними листьями. Среди разлапистых, огромных листьев клена, спокойно раскачивающихся на неслышимом ветерке, мелко дрожали на тонких черешках листья осины, бурыми пятнами выделялись дубовые ветки, нежно розовели полупрозрачные листочки бересклета.

Среди этих разноцветных россыпей то тут, то там раскачивались оранжево-красные гроздья рябины, как будто светились изнутри прозрачные, рубиновые ягоды калины и боярышника, образуя пестрый ковер.

Третья стена...

"Ну какая же это стена!" — подумал Тимка.

Третья стена была и в самом деле не стеной, а... солнечной лесной полянкой на берегу речки в жаркий июльский полдень. Ни ветерка, ни облачка на светло-голубом летнем небе. Глазастые бело-желтые ромашки тихо покачивались в траве, которая чуть вздрагивала от пробежавшего по земле зверька; сиреневато-голубые колокольчики — какие растут только в лесу — с ярко-желтыми пестиками и тычинками приветливо кивали головками. В одном углу этой волшебной стены были разбросаны цветы иван-дамари, похожие издавлек на гаснущие угольки костра. В другом углу причудливым образом переплелись ярко-желтые кувшинки на толстых крепких ножках с нежными, чарующими глаз чашами водяных лилий. Ни единого звука не доносилось отсюда. Но когда Тимка прислушивался, ему чудился отдаленный мелодичный треск кузнечиков.

"Зима, осень, лето... — подумал Тимка про только что осмотренные стены. — Наверное, последняя должна быть стена-весна..."

И точно: последняя стенка пещеры являла собой весну во всей ее неповторимой красоте. Нежно переплетались тонкие, почти голые веточки берез и ив. На них качались маленькие распускающиеся, совсем еще светло-зеленые листочки — такого цвета не увидишь ни осенью, ни летом. Веточки вздрагивали от тяжести неторопливых и лохматых, цепких майских жуков. На тех березовых ветках, где еще не распустились листочки, висели длинные сережки, и любое их движение поднимало облачка желтой пыльцы. Эта пыльца перемешивалась с еще более яркой пылью распустившейся ивы. В нижней части в орнамент стены вплетались голубые огоньки подснежников, ярко-белые пятнышки ветрениц, желтые шарики купальниц.

Тимка еще раз быстро огляделся кругом, желая сразу побывать и в зиме, и в весне, и в лете, и в осени — никогда раньше он не замечал, что в лесу может быть так красиво. Он сделал шаг в сторону зимней стены, и его ноги тотчас же потонули во влажном и теплом мху, которым был покрыт весь пол в этой удивительной пещере.

"Да что же я рассматриваю эти стены? Мне же надо искать выход! — Тимка содрогнулся, вспомнив ужас, который он пережил, когда Хранитель Вит наказывал его за глупые и подлые делишки. — Я, конечно, больше не буду вытаскивать яйца из гнезд или отрывать у муравьев лапки, но все-таки хорошо бы поскорее выбраться отсюда!"

Внимательно, шаг за шагом, начал Тимка обходить пещеру вдоль стен.

"Что же там такое пел старикашка про какие-то дверки, которые надо найти? Никаких дверок не видно в этих стенах!" — думал Тимка, шагая вдоль зимней стены и удивляясь, как она огромна вблизи. Он думал, что обойти всю пещеру можно, сделав каких-нибудь сто шагов... Вот уже сто шагов только около одной стены, а ей и конца нет!

Наконец измученный Тимка добрал до осенней стены и присел на пол, соображая, что же делать дальше. Огромная, пустая и тихая пещера, полная света и тепла, казалась ему таинственной и угрожающей.

"Наверное, придется сидеть здесь, пока не умру от голода... Недаром Хранитель Вит говорил, что пропаду я здесь. Лучше бы уж сразу прикончил! — с отчаянием подумал Тимка. — А хорошо бы сейчас поесть!"

— Да где здесь найдешь еду! Вот если бы кругом был лес, я не испугался бы, — прошептал сам себе Тимка, вспомнив, как в прошлом году они с папой приносили из леса и орехи, и грибы, и ягоды, и щавель и как отец объяснял ему, что в лесу без еды умный человек никогда не останется. — Вот найти бы малинник, какой мы нашли в прошлом году, когда ходили за грибами в дальний лес! Сколько ни срывай ягод — их кругом видимо-невидимо... А нет ли здесь хотя бы веточки малины или куста орешника с орехами? Надо посмотреть повнимательнее на летней стене...

Почти бегом, утопая по щиколотку в теплом моховом покрове, Тимка пересек пещеру. Странное дело; теперь она опять вроде небольшая! Вот и летняя стена — полянка на берегу реки. Малинник может быть рядом с рекой, там, где погуще кусты и небольшой пригорок.

Тимка шагнул вперед раз, другой, потом протянул вперед руку, боясь наткнуться на невидимую преграду, отделяющую пещеру от этого луга и леса. Но никакой преграды не было: он просто подошел к пригорку, у подножия которого были заросли малины.

"Ура! Да какие вкусные здесь ягоды! И почти нет крапивы!"

Горсть за горстью отправлял Тимка в рот душистые лесные ягоды, двигаясь вперед и теперь уже радуясь, что пещера такая большая. Но вот кусты малины стали встречаться все реже, а ольха и крапива все чаще. Тимка оказался недалеко от края летней стены, где покрытый лилиями водоем смыкался с весенней стеной. Стараясь найти еще ягоды, он раздвинул густые заросли, и... перед ним среди густых переплетенных веток открылся овальный, с окошко величиной, гладко отполированный выпуклый камень. Издалека его было трудно заметить, потому что он был темно-зеленого цвета с красивыми, замысловатыми прожилками. Тимка оторопело уставился на этот неожиданно появившийся камень и вдруг сообразил, что он наконец нашел!

— Это же и есть, наверное, дверка? — сообразив, громко сказал он. — Но как же открыть ее? Как?

"Как же открыть ее? Как же открыть ее? Как же открыть..." Гулкое эхо многократно раскатилось по пещере. Тимка вздрогнул, испугавшись отраженного звука своего голоса. Но вот в пещере стало абсолютно тихо, так тихо, как никогда не бывает на поверхности. И снова голос Тимки зазвучал в этой тишине неожиданно громко.

— Как же мне открыть эту дверь? — повторил он еще раз, оглядываясь вокруг и ища какую-нибудь палку, которую можно было бы подсунуть под массивный камень.

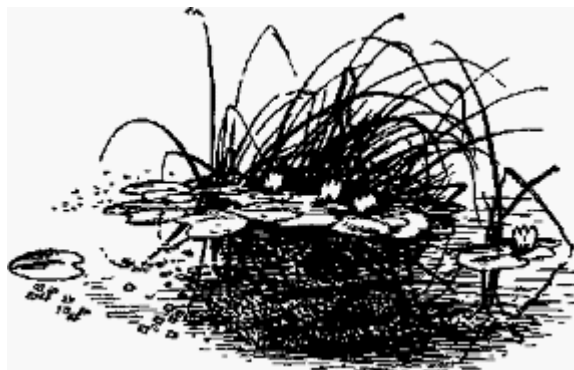
Бесполезно; ни палки, ни сучка не было кругом. В ровной зеленой каменной поверхности отражалась растерянная Тимкина физиономия. Он попробовал покачать камень из стороны в сторону, взявшись руками за края. Тоже бесполезно; руки скользили по гладкому камню, не находя опоры. Приложил ухо к полированной поверхности и прислушался. Оттуда, из-за камня, раздавались приглушенные странные звуки.

— Значит, там не продолжение этой таинственной молчаливой пещеры!

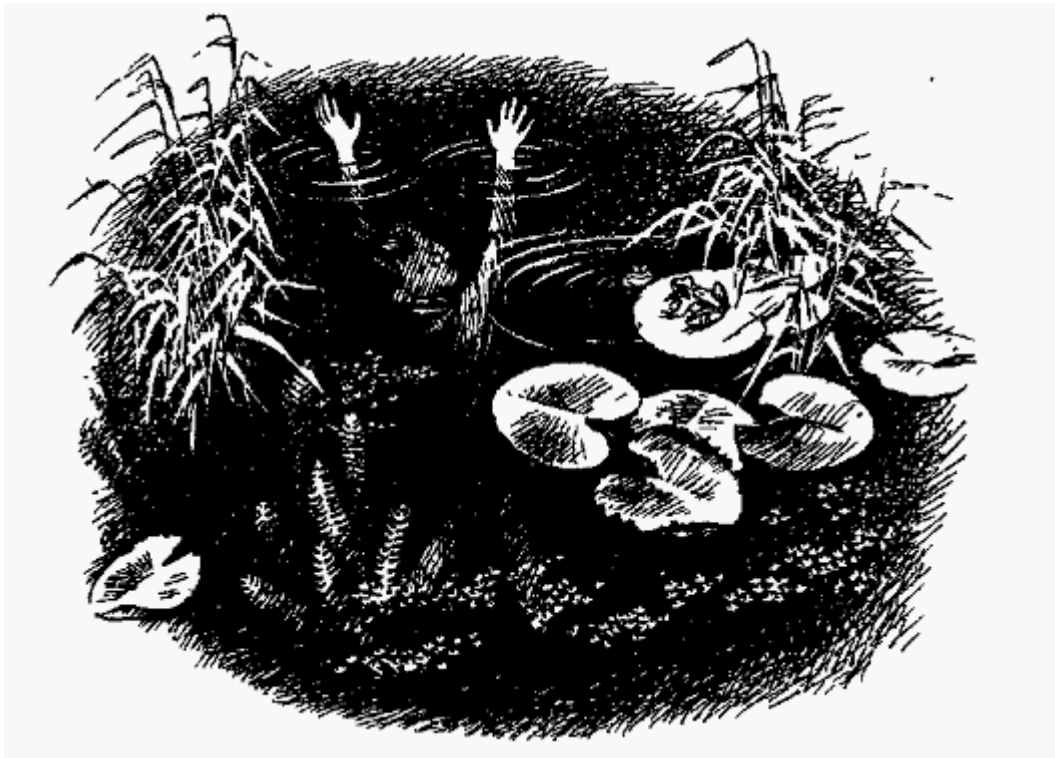
Тимка сначала осторожно ("Не появился бы Хранитель Вит!"), а потом все более решительно начал стучать в дверь кулаками. При одном из ударов что-то непривычно звякнуло о дверцу.

— Это же браслет, который дал мне Хранитель Вит! И дверка сделана из такого же малахита, как один из камней браслета! Я, кажется, догадался, в чем загадка этой дверки! А ну, открывайся! — И Тимка поднес малахитовый камень браслета к поверхности дверки. Но она не открылась и на этот раз. — Но недаром дверка из такого же камня, — упрямо шептал Тимка, внимательно — в который раз! — осматривая овальную массивную плиту малахита.

И не напрасно: на верху плиты едва заметное аккуратное четырехугольное углубление. "Такой же формы, как камень в моем браслете!" — догадался Тимка и решительно приложил браслет малахитовым камнем к дверке. Камень браслета как будто сам чуть выдвинулся и плотно вошел в углубление. Раздался легкий треск, и... малахитовая дверка широко раскрылась. Не раздумывая, Тимка шагнул вперед.

ЗА МАЛАХИТОВОЙ ДВЕРКОЙ

Не раздумывая, Тимка шагнул вперед и замер: его ноги тотчас же увязли в иле. Он стоял на дне какого-то водоема. Лучи солнца, падавшие сверху, пронзали воду, окружавшую его, золотисто-желтыми колоннами света. У ног вились гирлянды переплетенных водорослей. Поверхность воды была совсем близко от головы, примерно в полуметре. Тугими толстыми струнами поднимались из глубины стебли кувшинок и лилий; их круглые большие листья плавали над ним черными и зелеными пятнами. Тимка встал на цыпочки и поднял вверх руки — пальцы высунулись наружу. Но странное дело! Ему совсем не захотелось всплыть наверх: на дне озера было тепло и уютно.

Писк и скрежет, трещанье и уханье, шелест и скрип слились в общий гомон и после гнетущей тишины молчаливой пещеры оглушили растерявшегося Тимку. Он внимательно прислушался. И вдруг обычное весеннее кваканье лягушек стало складываться в слова, слова во фразы...

— Завтра, завтра! Ква-ква! Если будет теплая погода! Ква-к-ва! Завтра, если будет теплая погода, я буду откладывать икру! Ква-кви-ква! Завтра! Ура-куок!

— Не опоздай! Куов-ва! Куов-ва! — вторил первой лягушке басовитый голос второй. — Может — куок! куок-овк! — может, лучше это сделать сегодня? Квакк! Кракк! Кекс! Уже тепло! Уже хорошо! Опоздаешь!

В этот разговор, напоминающий переключку друзей в шумном зале, влетали другие слова, обрывки чужих разговоров. Приглядевшись получше, Тимка скоро обнаружил и самих говоривших. Это были большие лягушки, распластавшиеся у поверхности. Их почти не видно было — снизу белые брюшки сливались со светлой поверхностью воды. Лягушки лежали, высунув из воды лишь голову и свободно свесив вниз непомерно длинные задние ноги. Многие из них держались за краешки листьев кувшинок и лилий, а некоторые вылезли на листья и сидели, пригретые теплыми лучами весеннего солнца.

"Вот так чудеса! — подумал Тимка, догадавшись, что попал на дно весеннего озера. — Вот так чудеса! Почему же я никогда раньше не понимал языка лягушек? Он, оказывается, такой простой и красивый! Хорошо бы выучить его как следует и научить ему всех ребят в классе! Куак-куакк-куокк! Александр Македонский жил в четвертом веке до нашей эры. Вот здорово можно подсказывать!"

В Тимкиной голове моментально созрели дерзкие планы создания "Подсказцентра" и разветвленной его сети под таинственным названием "Лягуш" — "ловкие, ясные, гибкие, умные, шмелые" (что такое "шмелые", Тимка и сам не знал, но всякому понятно, что очень похоже на "смелые").

"Ребята нашего класса — "лягуши" — будут переговариваться между собой только на лягушачьем языке, и никто не будет знать, о чем мы разговариваем!" — размечтался Тимка.

Его планы внезапно были расстроены парой крупных лягушек, которые нырнули вниз и неожиданно уселись у него на плече. Тимка почувствовал их холодное прикосновение и сразу же вспомнил, что он находится во владениях страшного и непонятного Хранителя Вита и, возможно, никогда не увидит ни своих друзей, ни родителей, если не найдет каких-то таинственных законов, о которых так противно пел этот березовый старикашка, растворяясь в пещере.

А чудеса кругом продолжались. Впрочем, все происходящее казалось чудом только для Тимки: кругом шла та обычная жизнь, которая незаметна нелюбознательному глазу и мимо которой и ты, читатель, с друзьями и один каждый год весной проходишь безразлично мимо. Необычно было, пожалуй, только то, что в царстве Хранителя Вита что-то странное творилось со временем: Тимка пробыл здесь несколько минут, а для обитателей озера прошло много часов. Те две симпатичные лягушки, которые сидели у него на плече, вскоре отплыли на место помельче, поближе к берегу. Они долго-долго невнятно переквакивались между собой (было далеко, и Тимка не разбирал всех слов), наконец, обхватив друг друга лапами, застыли в странной, скрюченной позе. Тимка не знал, сколько еще пролетело времени, пока он был в озере (для него прошло не больше минуты), когда он увидел около лягушек небольшую кучку мелких-мелких шариков с темными пятнышками посередине.

— Да они, оказывается, откладывают икру! — сообразил наконец он. — Но почему она такая мелкая? Ага! Вот в чем дело! Оказывается, икринки набухают после того, как попадают в воду! Почему я этого раньше никогда не видел? Интересно, сколько же икринок в этом комке? Наверное, штук сто, не меньше. Дай-ка посчитаю поточнее...

Тимка запустил руку в комок икры и пересчитал икринки, оказавшиеся на ладони. В одной только горсти их было около сотни, а таких горстей в комке несколько десятков.

— Вот тебе и сотня! Да тут не меньше нескольких тысяч! — решил он и тут же засомневался в своих расчетах. — Что же это получается? — бормотал Тимка. — Одна пара лягушек даст несколько тысяч новых лягушек на будущий год. А сейчас взрослых я вижу лишь несколько десятков. Куда же денутся остальные сотни тысяч икринок?

Тимка никогда не был особенным любителем арифметики. Но тут его разобрало любопытство, и он принялся осматриваться кругом, решив подсчитать, сколько же он видит пар лягушек с икрой.

"Ква! Ква! Ква! Ква! Ква! Ква! Ква!"

Вот уже семь пар больших лягушек выпустили икринки недалеко от него, на теплом и мелком месте у берега. А вдали кричало еще много лягушек, которых Тимка просто не мог сосчитать.

— Эй! Кввуакк! Квуакк! Куа-куаа-а-ааа-куааа-к! Зачем столько икринок отложила ты, глупая? — неожиданно даже для самого себя громко проквашал Тимка вопрос, который так и вертелся на кончике языка.

Большая зеленая Рана Ридибунда — так звали эту красавицу лягушку — совсем не удивилась невежливому вопросу и прекрасно его поняла.

— Сам увидишь! Кеук-кеуррк! Сам увидишь! Смотри и не болтай глупостей! Кау-рр-ок! Квуакк! А мне здесь делать больше нечего! Прощай! Куо-куокк-куорр-куас!

Легким и изящным движением лягушка повернулась и плавно поплыла прочь в глубокую часть озера. На мелком месте остался большой комок икры, он плавал у самой поверхности и даже чуть выступал из воды.

— Ну и посмотрю — квау-кк! куок-кк! — что же будет дальше! Ква-аак! — немного обиженно проквашал Тимка ей вдогонку.

Все-таки странные дела творились со временем во владениях Хранителя Вита. Пока Тимка в течение нескольких минут рассматривал да подсчитывал икринки для населения озерца, прошло не меньше нескольких дней. Зацвели новые растения по его берегам, ближе к поверхности подтянулись водоросли, которые сначала вились у самого дна. Вода, нагретая солнцем, потеплела, и икринки заметно изменились. Большинство икринок увеличивалось в размере, и скоро не черные точки, а скрюченные как запятые, маленькие существа, стали заметны в центре каждой икринки. Так было не со всеми икринками — в некоторых почему-то развитие шло медленно, а другие совсем, видно, погибли: помутнели, заволочились белесой пленкой.

Комок икры плавно колебался вместе с легкими волнами, чуть переворачивался, словно неуклюжее живое существо. Отвернулся Тимка на какое-то время, чтобы посмотреть, что делается вокруг, а когда взглянул снова на свой комок, увидел нечто ужасное: на икру напали два больших, плоских, глянцевых и черных жука-плавунца. Мощные челюсти работали без остановки, и лишь остатки прозрачных оболочек икринок летели в разные стороны.

"Если бы пропадали только мертвые, погибшие икринки, было бы не жалко!" — подумал Тимка, наблюдая это страшное побоище.

Наконец он не выдержал и осторожно пальцем отогнал плавунцов от икры. Но тут же появилась новая опасность: откуда ни возмись, налетели, точнее, наплыли стрекозиные личинки — тоже страшные подводные хищницы. У этих милых особ челюсти были посильнее и пострашнее, чем у плавунцов: снова остатки разодранных икринок дождем

полетели в разные стороны. Пришлось Тимке и тут вмешаться; защищая свою подопечную икру.

Запятые в икринках тем временем стали уже двигаться: то выпрямятся, то согнутся, то выпрямятся, то согнутся. И осталось, конечно, уже не столько, сколько было вначале: штук сто не стали развиваться вообще, помутнели, штук сто съели плавунцы, штук двести разорвали и поранили стрекозиные личинки.

"Если дело пойдет и дальше так, то скоро от моей икры ничего не останется", — подумал Тимка.

Но он не знал еще, какая новая беда надвигается. А беда буквально свалилась с неба. На утренней заре на мелководный заливчик опустилась стая диких уток. Тут-то и начался настоящий утиный пир, а на Тимкин взгляд — страшное икряное побоище. Тимка в ярости схватил за ноги проплывающую над ним утку. От неожиданности та подняла ужасный крик. Мгновение — и перепуганная стая взмыла вверх.

— Убирайтесь прочь! — И Тимка погрозил им вдогонку кулаком.

А что же с икрой? И он с грустью отметил, что в его комке уцелело не больше сотни икринок. С другими кладками дело обстояло и того хуже: тут и там плавали маленькие кучки икры по несколько штук в каждой. Но это был еще не конец несчастьям. К полудню поднялся сильный ветер. Волнистой рябью покрылось озеро. Волны лизали жалкие островки икры и легонько, будто играючи, подталкивали их все ближе и ближе к берегу. Новый порыв ветра, всплеск волны — и икра лежит на сухом берегу. Лишь Тимкин комок уцелел, ветер был добр к нему. И когда озеро стало мелеть под теплыми лучами весеннего солнца, ветерок отогнал икру на более глубокое место.

— Ура! Наконец-то появились головастики! — обрадовался Тимка, увидев, как из икринок, разрывая прозрачную оболочку, выплывали маленькие продолговатые существа.

Странные это были существа. Как ни старался рассмотреть их Тимка получше, ни глаз, ни ног найти не мог. Только длинное тело с толстой головой да смешной хвостик. Потыркались, потыркались эти безглазики в разные стороны и пристроились почти все на поверхности водорослей — кто на листочках, кто на стебельках. Кто повыше, кто пониже. Конечно, и тут не обошлось без жертв — налетали и плавунцы, и стрекозиные личинки, и даже рыбы мальки разевали свои пасти и глотали беззащитных лягушачьих детенышей. А время идет быстро: для Тимки полчаса, а для пруда уже неделя прошла. Сидели-сидели головастики на водорослях и начали потихоньку соскребать с них нежную зеленую кожу.

— Ясно, — бормочет Тимка себе под нос, — значит, прорезался рот! А какие смешные роговые зубчики — настоящие терки... Таким зубатым самое время стать самостоятельными. Ну вот и хвост подрос, и жабры выросли — теперь и кислорода из воды можно вылавливать побольше, и плыви себе куда хочется!

"Ну уж теперь-то не пропадете!" — думает Тимка, радуясь за своих питомцев.

Не тут-то было. Чем больше становятся головастики, тем вкуснее, видно, делаются для всякой другой живности в озере. Раньше только подводная мелюзга на них нападала, а теперь и кто покрупнее за разбойное дело принялись. Щурята да окунишки даже

специальные охоты на головастиков устраивают. Бросятся головастики поближе к берегу, а тут на них кулики да утки нападают.

— Ну уж это слишком! Каукк-каукк-квекк! — сердито закричал Тимка на большого Рана, подбиравшегося к головастику с явным намерением проглотить его.

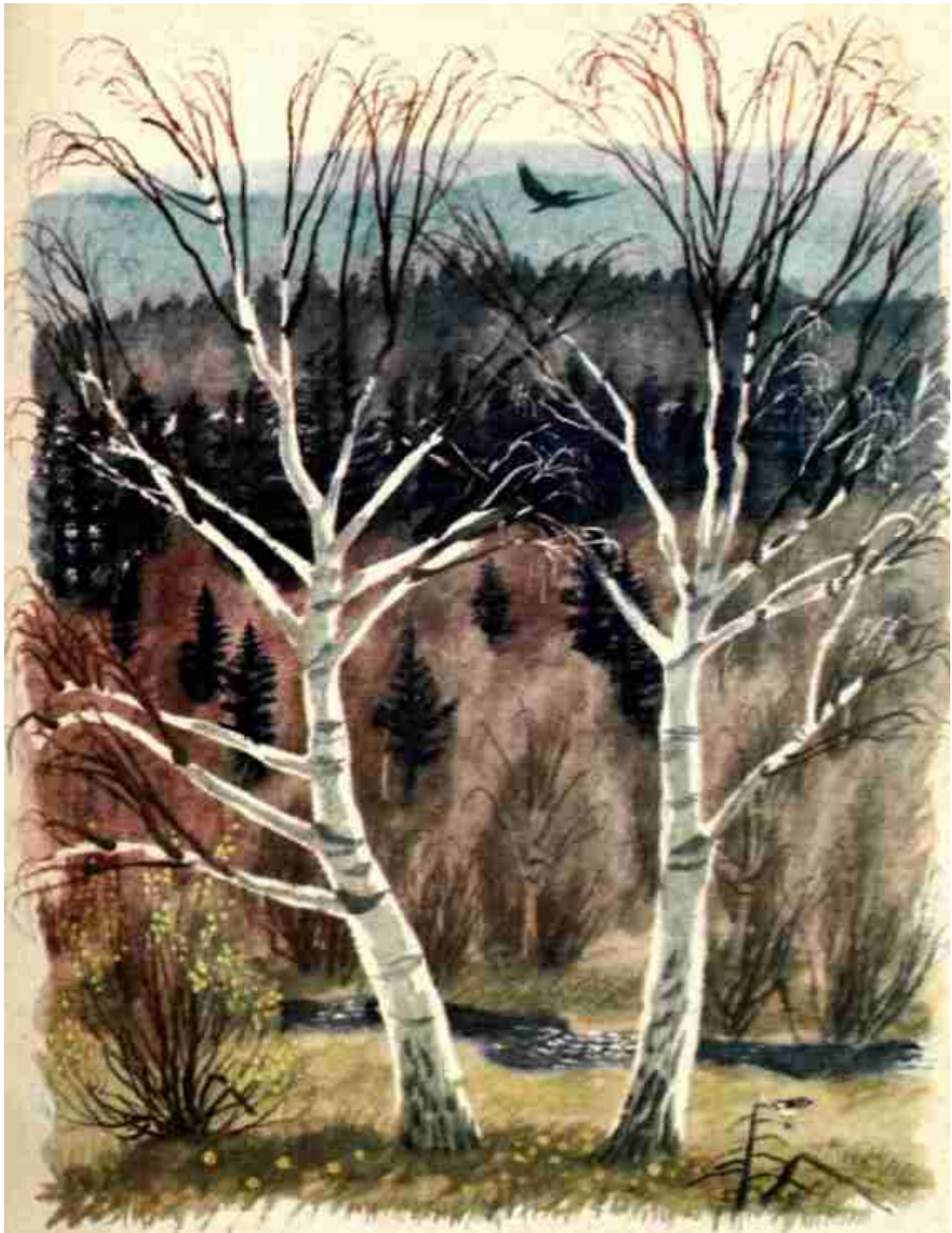
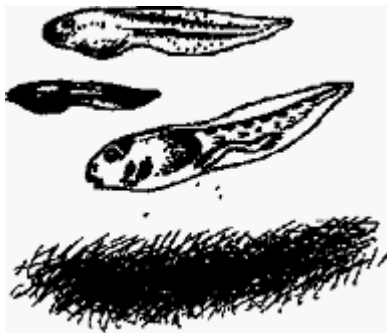

Об этом огромном зеленом Ране Тимка уже слышал от обитателей водоема. Он был самым рослым в лягушачьем мире. Оказывается, Ран не только любил охотиться на мух и комаров, высиживая в засаде и ловко хлопая языком, но он каждый год не пропускал того времени, когда головастики подрастают и собираются в стайки под большими листьями лилий. Тут-то он и нападал на них, нисколько не смущаясь тем, что это были его родственники. Спасались только самые проворные и осторожные, которые вовремя замечали приближение Рана и успевали удрать и замереть неподвижно под самым листом или затаиться в глубине у дна.

Тимка замахал руками и решительно двинулся на Рана. Тот с удивлением поглядел на Тимку и недовольно заквакал, отплывая в сторону.

"Ну, теперь я, кажется, понял, почему у лягушек так много икры! Если бы икринок было мало, они все бы и погибли в первые же дни жизни, — подумал Тимка, — а так, наверное, хоть несколько да дорастет до взрослых лягушек..."

Только он это подумал, как наступила мертвая тишина, пропало озеро с его лягушачьим царством и пожирателями головастиков, потух солнечный свет, и Тимка непонятным образом, сухой и невредимый, оказался в Пещере Времен Года, откуда он начал свое путешествие за малахитовую дверцу.

НОВАЯ ЗАДАЧА

В пещере по-прежнему было тихо-тихо, светилась летним солнцем одна стена, голубела весенним небом другая, переливалась осенними красками третья, и искрилась снежными шапками четвертая. Пожалуй, все было в пещере точно таким же, как и в тот момент, когда Тимка шагнул за порог малахитовой дверцы. Но нет, кое-что изменилось: невидимая прежде за ветвями кустов малахитовая дверка, через которую Тимка недавно прошел в весеннее озеро, четко выделялась в стене.

— Кто-то что-то увидал, кто-то что-то отгадал!

Тимка вздрогнул от неожиданности, услышав сверху знакомый тонкий, писклявый и слегка шамкающий голосочек; в тишине подземного зала он раздавался очень четко, и слышно было каждое слово. Сверху, увеличиваясь с каждой секундой, спускался к Тимке Хранитель Вит, в своем берестяном плаще, ярко-зеленых чулках и больших желтых деревянных ботинках. Он не двигал ни рукой, ни ногой, только его серебристая борода слегка колыхалась от движения воздуха.

— Все видел, все знаю, можешь не рассказывать про головастиков! — не давая сказать ни слова Тимке, заговорил старичок. — Кое-что увидел с моей помощью в болоте — и очень хорошо! Знаешь, теперь так трудно живется головастикам весной и летом. Ну-ка скажи мне: зачем Рана столько икринок откладывает? Зачем? Зачем?

Теперь Тимка не особенно боялся Хранителя Вита и быстро, как на уроке, ответил:

— Очень много икринок и головастиков погибает. Если икринок будет мало, их всех съедят плавунцы, стрекозы, утки, лягушки, рыбы...

— Правильно, — прервал его Вит, — посмотри на браслет. Тимка взглянул на браслет и увидел, что малахит браслета стал

чуть-чуть прозрачным и в нем что-то двигалось. Он поднес браслет ближе к глазам и ясно различил в глубине камня большого неуклюжего головастика, слегка шевелящего

хвостом. Этот оживший камень в браслете резко отличался от остальных — красивых, переливающихся разными цветами и оттенками, но холодных и неподвижных.

— Ну, я пошел по другим делам! Посмотрю, что будешь делать дальше! Посмотрю, что найдешь еще! А мне некогда тут рассиживаться. Только помни: не узнаешь, не найдешь, не поймешь — пропадешь!

Не узнаешь — пропадешь!

Не найдешь — пропа...

Не пой... — про...

Голос Хранителя опять замер где-то вверху пещеры, и вновь наступила гнетущая тишина.

— Ну, если я не пропал за первой дверкой, то почему бы не попробовать найти остальные? — вслух проговорил Тимка, чтобы подбодрить себя в этой молчаливой пещере. — Теперь мне все ясно: надо искать новую дверку и узнавать, что там делается... Вот, наверное, следующая дверка должна быть на этом месте стены, здесь как будто тропка какая-то проходит. — Разговаривая так сам с собой, Тимка внимательно разглядывал каждую травинку, каждый камешек на стенке у основания пещеры, где ему почудилась тропинка.

Ага! Есть тропинка незаметная, вот она стала побольше... Тимка шагнул прямо в стену, она чуть отодвинулась, тропка обозначилась яснее, яснее, и вот на тебе! Дверка! Ну конечно же, снова каменная дверка!

"Ишь ты, какая она на этот раз красивая — желтоватая, с коричневыми и черными прожилками! И опять без единой трещинки или щелки. Ни петель, ни ручек нет. А ну-ка, какой камешек из браслета подходит к ней?"

Тимка повертел браслет на руке и обнаружил чудесный кусочек пестрой яшмы, который как раз подходил по цвету к этой дверце.

— Надо теперь найти место, куда приложить этот камень... — увлеченно шептал он. — Сверху вроде ничего не видно, внизу тоже нет подходящего углубления. Постой-ка, — скомандовал он сам себе, — а здесь, на боку дверки, что за щербинка? Не это ли замочная скважина для моего камешка?

Так и было: стоило Тимке вставить браслет кусочком яшмы в эту выемку, как дверка бесшумно открылась, и Тимка смело шагнул вперед, навстречу новым приключениям.

Шагнул и опять, как в прошлый раз, замер, пораженный. Он-то собирался еще долго-долго бродить по подземным лабиринтам пещеры, отгадывая загадки Хранителя Вита, а тут прямо перед ним стояла... их дача. На террасе хлопчет бабушка, видно, готовит обед. Мамы нет, еще не приехала из города, да и солнце высоко — греет сильно, до обеда осталось часа два, не меньше.

— Вот чудеса! Уж не приснилась ли мне пещера Хранителя Вита? Ба-а-бушка! Ба-баа!.. — позвал Тимка. — Да послушай же! — закричал он во весь голос, видя, что бабушка даже не повернула головы на его голос. — Бабушка! Я такое видел!

Забыв обо всем, Тимка рванулся в сторону с дорожки прямо к террасе... и не смог сделать ни шагу. Нет, ноги не прилипли, и никто не тянул сзади, просто он не продвинулся ни на шаг вперед, хотя все мышцы работали, ноги вроде бы бежали и все

было совершенно нормально. Чувствуя неладное, Тимка рванулся еще сильнее, но результат был тот же: дача с бабушкой стояла рядом, в нескольких метрах от него, но сколько он ни бежал, ни на сантиметр не продвигался вперед. Тимка хотел было испугаться, но неожиданно для себя рассмеялся, подумав, как нелепо выглядит он со стороны, дрыгаясь на одном и том же месте.

"Ладно, рано или поздно бабушка посмотрит в мою сторону и увидит меня! Она уж что-нибудь придумает, чтоб вытащить меня отсюда. Не может быть такого, чтобы сила старикашки распространялась и на нее тоже, — с надеждой подумал Тимка. — Надо, пожалуй, помахать посильнее руками, чтобы бабушка увидела".

Он сначала махал руками, потом, сняв с себя майку, принялся размахивать ею. Безрезультатно. Бабушка раза два посмотрела в его сторону, но, наверное, ничего не заметила, потому что спокойно продолжала что-то делать на террасе. Между тем Тимка устал, и постепенно его восторг по поводу неожиданного возвращения домой сменился унынием: он остается в плену у Хранителя Вита.

— Посмотри на меня! Посмотри на меня! — до Тимки донесся слабый голос.

Тимка удивленно оглянулся кругом, но никого, кто бы мог его позвать, не увидел.

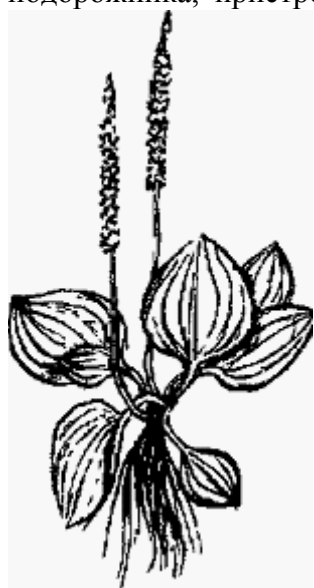
— Посмотри на меня! Посмотри на меня! — снова и снова прозвучали тихие слова.

Звуки были приглушенные, шелестящие и неслись откуда-то снизу. Тимка сел на корточки и с еще большим вниманием стал оглядываться кругом, чуть не носом ползая по дорожке и по траве рядом. Опять никого.

— Куда посмотреть? Куда? Кто ты?! — не выдержал Тимка и, к своему ужасу, прошелестел, а не проговорил эти слова.

— Ну вот и хорошо, что ты заговорил на нашем языке, — донеслось откуда-то сзади.

Он быстро обернулся и не увидел никого, кроме двух приземистых кустиков подорожника, пристроившихся у края дорожки, там, где еще не начиналась высокая трава.

Именно от них и неслись шелестящие звуки, складывающиеся — как это ни странно! — в ясные и четкие слова.

— У меня есть что сказать тебе! Есть что сказать, пока ты понимаешь наш язык.

— Подорожник разговаривать не умеет! Не обманывайте меня!

— Ну, разговаривай тогда с кем хочешь,

посмотрим, кто тебя поймет! Ведь ты кричал своей бабушке, — услышал он в ответ, — и

она тебя не услышала и не поняла! А попробуй позови эту березу!

Невольно подчиняясь совету, Тимка позвал березу, стоящую у дома:

— Здравствуй, береза! Ты меня понимаешь?

— Здравствуй, Тимка! Но мы с тобой уже виделись сегодня много раз! Почему ты мне раньше никогда не говорил "здравствуй"?

Тимка прикусил язык от удивления: "Ну и ну! Видно, в самом деле я разговариваю на языке растений! Но ведь у растений нет языка, нет слов и нет речи — это-то я отлично знаю!"

— У кого на руке волшебный браслет, тот знаком с Хранителем! — словно отвечая на его мысли, прошелестела береза. — Только Хранитель Вит понимает наш язык, только он может разговаривать с нами. Он или его друзья с волшебным браслетом. А все-таки неплохо, когда тебе говорят "здравствуйте"! — береза зашелестела тысячами своих листочков, закачала ветвями и снова замерла, греясь на солнышке; казалось, что она задумчиво улыбается.

— Ну кто был прав? — услышал Тимка снизу голос подорожника. — Я тебе что говорил? Хватит удивляться, а расскажи-ка мне лучше, зачем ты у меня вчера оторвал целый лист! Зачем?

— А я обрезал палец осокой и не хотел показывать ранку бабушке — она бы залила ее йодом! Вот ты не знаешь, как щиплет йод, когда им мажут свежий порез?!

— Зато я знаю, как бывает больно, когда отрывают целый лист! — недовольно зашелестел подорожник. — А главное, лист мне очень нужен в эти дни. Вот оторвать бы у тебя руку или ногу!

— Нет, пожалуйста, не надо об этом говорить, — зашептал Тимка, с испугом оглядываясь по сторонам и невольно ощупывая рукой карман: здесь ли его пинцет? — Я тоже знаю, как бывает плохо, когда у тебя отрывают руку или ногу. А ты жадина! Ведь у тебя много листьев, зачем их столько?

— Ты разве не знаешь, что без листьев я не могу жить? Как бы я дышал без листьев? Откуда бы у меня взялись силы для жизни, если бы не мои зеленые листья, которые так хорошо ловят солнечные лучи? А особенно нужны мне эти силы теперь. Посмотри, сколько на мне цветов, их всех надо выкормить и вырастить из них хорошие семена!

— О каких цветах ты говоришь? — с удивлением зашелестел Тимка. — Я не видел никогда цветов на подорожнике. И сейчас я вижу только какие-то зеленые крысиные хвостики, торчащие вверх между листьями!

— Сам ты крысиный хвостик! — с обидой прошелестел подорожник и замолчал. Помолчав немного, он продолжал обиженным голосом: — Посмотри на мой замечательный колосок на крепкой высокой ножке! Посмотри, какие чудесные цветы сидят на этой ножке, какие у них красивые тычинки с большими коричневыми пыльниками!

Тимка наклонился пониже и — что бы вы думали? — увидел, что высокий стебель подорожника в самом деле весь плотно усажен мелкими-мелкими цветами. Он-то думал раньше, что это какие-то чешуйки, а на самом деле это были цветы с прозрачными лепесточками, с большим длинным пестиком и четырьмя нежными тычинками в каждом. Тычинки были полны пылью, и от каждого покачивания она слетала с них маленьким коричневым облачком. В верхней части колоса цветочки еще не распустились, в средней из каждого торчал только пестик, а полностью раскрытые цветы были только в нижней части колоска; самые нижние цветы, видно, уже отцвели и чуть побурели.

— Прости, пожалуйста, меня, — начал оправдываться Тимка, — но я на самом деле никогда раньше не думал, что у тебя столько цветов!

— Вот тебе и "не думал"! Смотреть надо внимательнее вокруг себя! Ты еще и не знаешь, сколько у меня семян бывает! В каждом цветке штук по семь-восемь, а во всем колоске их несколько тысяч! Теперь понимаешь, что выкормить столько цветов мне трудновато! А тут еще ты со своей болячкой оторвал самый лучший листок.

— Постой-постой! Зачем же тебе выкармливать столько семян? Ну у лягушек, я понимаю, жизнь тяжелая — пока-а еще дорастут до больших, так их останется из тысячи одна-две. А у тебя-то, у тебя какие заботы? Расти себе и расти! Дождя не боишься, солнца не боишься, ветра не боишься. На тебя даже наступать можно сколько хочешь — вот на самой дорожке растешь и хорошо себя чувствуешь! — стал стыдить Тимка очень уж, по его мнению, расхныкавшийся подорожник. — Никто тебя не ест — наверное, ты невкусный. В букеты тебя не собирают — ты не очень красивый. Косой тебя не косят — слишком маленький...

— Все это так, а жизнь все равно очень трудная! — начал оправдываться подорожник. — Во-первых, тесно очень: смотри, сколько других растений кругом растет — им всем надо и место наверху для листьев, и место в земле для корешков. Во-вторых, для того чтобы вырастить здоровые семена, надо, чтобы на мои зрелые пестики попала пыльца с других подорожников. А тут то ветер подует не вовремя и пыльцу принесет тогда, когда у меня пестики еще не готовы; то дождь пойдет и смоет пыльцу; то жучище прилетит какой-нибудь неуклюжий — столько пестиков обломает да цветков повредит, что уж лучше бы не прилетал, не приносил на себе пыльцу с других подорожников. Посмотри-ка внимательнее на колосок. Видишь, сколько пустых цветочков? Отцвели, а семян не завязалось!

— Да что я тебе все рассказываю, — продолжал шелестеть подорожник, — сам можешь увидеть все: ты же с волшебным браслетом. Выбери несколько семечек на моем колоске да посмотри, что с ними будет.

"Было бы здорово посмотреть, что будет с семенами! — подумал Тимка. — Вот, например, что будет с семенами из этого цветка? Сколько их тут? Ага, штук восемь! Вот и посмотрию..."

Только он так подумал, как время для подорожника чудесным образом побежало невероятно быстро. Вот уже перед ним на дорожке и наступила осень, подул ветер,

семечки из колоска рассыпались в разные стороны. Тимка внимательно смотрел на выбранные им семена — они все легли недалеко друг от друга. Четыре попали на дорожку, два отлетели вбок и упали между травинками, одно упало прямо вниз, между листьями подорожника (там скопилось много-много семян), а последнее закатилось в щель между двумя небольшими камешками.

"Ну все-таки, — подумал Тимка, — шесть семечек в хорошие места попали, наверняка из них вырастут новые растения".

А между тем на дорожке появилась группа маленьких рыжих муравьев. Их членистые усики-антенны непрерывно двигались из стороны в сторону, выискивая, что бы можно утащить в муравейник. Два последних муравья уже тащили какую-то упиравшуюся гусеницу.

Вот передовой муравей заметил семечко подорожника, лежащее на дорожке. Он замер, словно обдумывая что-то, потом тщательно ощупал его усиками-антеннами и решительно схватил челюстями. Чуть отставший товарищ его немедленно юркнул вправо — нет ничего; влево — ага, есть, и еще такое же! — и без колебаний схватил второе семечко. Тимка с замиранием сердца следил за третьим муравьем. Но тот не заметил других семян, лежавших поодаль, и пробежал мимо.

Пошел густой осенний дождь. Скоро на дорожке появилась тонкая струйка ручейка, которая все росла, набухала, и наконец один берег потока подобрался к третьему семечку. Струйка воды подхватила его, лениво крутанула и понесла с тысячью других семян и мусоринок куда-то вдаль.

"А что же с другими семенами?" — подумал Тимка и стал рассматривать, что происходит с остальными.

Между тем наступила зима, и рассматривать особенно было нечего — все покрылось снегом. Тимка не испугался, он уже привык, что в этом мире Хранителя Вита можно наблюдать за происходящим, как будто за прозрачной стеной, как в аквариуме. На вот уже весеннее

солнышко растопило снежную корку, и Тимка с облегчением обнаружил, что два семечка, которые попали между травинками, спокойно принялись расти навстречу теплым солнечным лучам. Проросли и два семечка, оставшиеся на дорожке.

"А из-под камней никакого росточка не показалось, — отмечает Тимка, — наверное, слишком глубоко провалилось семечко. Не проросли и семена, скопившиеся между листьями старого подорожника: здесь было так много семечек и так влажно от воды, что они все, видно, сгнили".

Четыре оставшиеся растения быстро набирали силу: вот уже развернулись розетки листьев около земли. Особенно славно росли и те, что поближе к середине дорожки — вот-вот появится и цветоножка с цветками. Но тут случилось непредвиденное — откуда ни возьмись, пришел сам Тимка с метлой (странно

было Тимке смотреть на себя со стороны) и вырвал с корнем это самое большое из оставшихся, а на крайнее у дорожки наступил так сильно, что все листья его поникли и только что появившийся колосок с цветами сломался.

"И зачем это я протопал по краю дорожки!" — с огорчением подумал Тимка и принялся искать среди густой травы два последних растения. Их легко было найти в траве — рядом с ними поселился погребок. Его светло-зеленый стебелек хорошо выделялся среди других темно-зеленых растений. Двум маленьким подорожникам, конечно, тесно было в траве, и даже их розетки не расстилались по поверхности, а торчком поднимались вверх. Но листьев у них было много, и вот-вот оба должны были зацвести.

Да, казалось, что они вот-вот зацветут, а вместо этого оба цветка стали быстро-быстро желтеть, чахнуть, вот и листья их повисли бессильными тряпочками, и оба растения погибли. А погребок рядом расцвел пышным цветом.

"Вот тебе и хорошая жизнь! Ни одного семечка из моих подопечных не успело вырасти до взрослого растения! — рассердился Тимка. — Почему же погибли два последних подорожника? Сейчас раскопаю и посмотрю, что там делается".

А под верхним слоем земли крепкие корешки погребка густо оплели корешки подорожника, срослись с ними и тянули соки из них.

"Ну конечно, разве выживешь рядом с таким бессовестным паразитом! Но как же тогда вообще ухитряется выживать подорожник — ведь у него столько неприятностей в жизни?! Пожалуй, действительно и подорожнику живется не проще, чем лягушкам... И недаром столько семян приносит каждое растение. Из всех этих тысяч, хорошо, если выживут несколько... Эге-ге! А что было бы хорошего, если бы все семена выросли? — начал спорить сам с собой Тимка. — На следующий год от одного вырастет несколько, через год от нескольких этих — несколько раз по столько, и скоро весь сад зарос бы только одними подорожниками! Во-первых, в этом ничего хорошего нет, а во-вторых, им тогда бы пришлось воевать друг с другом за землю, воду и свет... Вот и правильно выходит, что гибнет много семян..."

Не успел Тимка закончить свой спор, как вновь оказался посредине Пещеры Времени Года на густом моховом ковре. Как сюда попал — не понимает, но обрадовался, будто домой вернулся:

— Ага, значит, пока все правильно узнаю!

Оглянулся кругом: ничего в пещере не изменилось. Тихо-тихо кругом. Не выдержал этой тишины Тимка, закричал:

— Дедушка! Хранитель Вит!

Прокатилось по пещере эхо, и полная тишина снова обступила Тимку.

— Что делать мне? Куда теперь идти? — опять вслух, но потише произнес он, обращаясь скорее к себе: ему приятно было слышать свой, человеческий голос, а не шелест листьев, несущийся изо рта.

Тимка взглянул на браслет. Рядом с малахитовым камешком ожила, заструилась жилками поверхность яшмы. Казалось, на ней вырос подорожник, слегка покачивая своим высоким колоском.

"Эх, жалко, так и не сумел поговорить с бабушкой, предупредить, что могу опоздать к обеду! Вот будет нагоняй от мамы! — подумал Тимка, но тут же спохватился: — Еще неизвестно, смогу ли я вообще выбраться отсюда, от этого таинственного Хранителя Вита".

Однако, скажем прямо, последняя мысль теперь не доставила Тимке особенного огорчения, и он подумал об этом скорее по привычке, а совсем не потому, что ему хотелось поскорее отсюда выбраться. Наоборот, любопытство, этот извечный друг и враг человечества, захватило его в плен и повлекло за собой.

"Что же скрывается за другими камнями браслета?" — только этот вопрос назойливо крутился в голове. Но молчали и агат, и янтарь, и сапфир, и мрачно темнел гранат, и даже тигровый глаз, казалось, зажмурился...

— Где же искать следующую дверцу? Наверное, камень-ключ от следующей дверки должен быть либо рядом с малахитом, либо рядом с яшмой, а значит, это янтарь или агат!

КТО ДОЛЖЕН ЗДОРОВАТЬСЯ ПЕРВЫМ

— Агат или янтарь... Агат или янтарь... — вслух размышлял Тимка.

Где же могут скрываться такие дверки в стенах пещеры? Он еще раз внимательно посмотрел на браслет: рядом с малахитом чернел агат, а рядом с яшмой матово переливался желтоватый янтарь.

— Предположим, желтых, янтарного цвета, дверок много может скраться на осенней стене за желтыми листьями, их там и не увидишь... издали... Да и всю стенку осеннюю никогда не просмотришь как следует — очень уж она велика и высока... Пожалуй, лучше поискать черную дверку... Но где же может скрываться в пещере черная дверка? На зимней стене вроде бы нет черного цвета... На летней стене тоже нет... На осенней опять же ничего черного не видно, и на весенней не должно быть... Не должно быть, не должно быть, — на разные лады запел Тимка, чтобы подбодрить себя звуками собственного голоса. — Не должно быть, не должно быть... Ну хоть немножечко бы черного найти где-нибудь! — в порыве огорчения вскрикнул он. — Хоть немножечко! Вот никогда не думал, что в лесу нет нигде черного цвета! Как же нет черного! Какой же я осел! А на берёзе черные пятна есть? Есть! Ну-ка, где здесь березовый ствол? Ну разве я не говорил! — торжествуя завопил Тимка, обнаружив на стволе большой березы, что стояла у весенней стены, большие черные полосы и метины. Они-то и придавали белоствольной березке ее неповторимый узор, по которому всякий издали отличит березовый ствол от покрашенного столба. — А теперь посмотрим, не скрывается ли за чернотой агатовая дверка? — внимательно осматривая ствол березы, приговаривал Тимка. — Нет, только кора чернеет здесь; сразу видно, лопнула, когда береза стала большой и толстой. Во-он там, вверху, что-то уж очень много черного... Не дверка ли?

Пришлось вскарабкаться по сучкам повыше. Ствол березы стал гладким и без трещин, а самые большие черные пятна располагались только в тех местах, где от ствола отходили толстые ветки. Тимка был так уверен, что где-то здесь должна скрываться агатовая дверка, что даже не особенно обрадовался, когда нашел ее за толстым корявым суком.

— Дальше все уже просто, — продолжал рассуждать Тимка, — найти надо впадинку на поверхности дверки... Ага, вот она здесь, теперь сверху; вставляю агат из браслета в эту впадинку, и вот она открывается... Ай-яй-яй! Держите меня, я падаю! — в страхе закричал Тимка, почувствовав, как ноги провалились в пустоту, и отчаянно замахал руками, будто крыльями.

Земля, покрытая кустарником и небольшими елками, была далеко-далеко внизу. Он сидел верхом на большом и толстом березовом сучке на вершине огромной старой березы и балансировал, чтобы не свалиться. На развилке соседних веток, что росли чуть пониже, у самого ствола, прочно лежало на первый взгляд бесформенное сооружение из сучков. Оно было большое и круглое, наверное, не меньше чем в половину Тимкиного роста. Сучки и ветки, лежащие в основании, были потолще и подлиннее, наверху — совсем тоненькие. Посредине было сделано овальное углубление, выстланное шерстью.

"Да ведь это же птичье гнездо!" — сообразил Тимка.

В центре, на шерстяной подстилке, лежали шесть голубовато-зеленых, с серыми отметинами крупных яиц. На краю стояла, привлеченная появлением Тимки, большая и совершенно черная птица. Верх головы, шея и поверхность крыльев отливали фиолетовым оттенком, на нижней стороне тела этот оттенок переходил в синеватый. Птица повернулась, слегка распустила крылья, став величиной почти с Тимку, раскрыла острый черный клюв длиной с Тимкин палец и прокаркала:

— Я всегда говорила, что люди удивительно невежливые создания! Каа-крук-кук! Кто должен первым здороваться: кто приходит или кто сидит на месте? Краа-крук!

— Ну конечно, кто приходит! Это я хорошо знаю, — стал оправдываться Тимка, — но я чуть было не свалился с этой ветки, когда появился, и так испугался, что забыл поздороваться. Здравствуйте, меня зовут Тимка!

— Здравствуй! Здравствуй! Меня зовут Кора. Я о тебе знаю от Хрранителя Вита. Он прредупредил нас, что ты появишься и тебе надо будет показать нашу жизнь. Это хорошо, это хорр-ррошо! Поживи с нами!

— А кто вы?

— Фу ты, глупый какой попался человек! Ты не узнал меня срразу, как увидел? Ай-ай! А еще сказки любишь! У бабы-яги кто служил? Ивана-царевича кто vyrручал из беды? Ворр-ррон! Вор-рон я и есть.

— А я думал, что ворон — это черный самец вороны, — начал было Тимка, но его тут же гневно перебила Кора:

— Нет, вы только послушайте, что говорит этот человек! Вор-рон — это самец вороны! Ха-ха! Кра-кра! Можно кра-кракнуть от смеха!

— Теперь я вижу, что вы побольше, чем вороны, и совсем черные, — не сдавался Тимка, покрепче ухватившись за сучок, который он оседлал.

В это время солнце, до того скрытое за облаком, выглянуло и осветило все вокруг. Тимка даже удивился, до чего красивой оказалась Кора. Металлический отлив перьев, важная осанка и спокойная уверенность придавали ей совершенно царственный вид.

— И еще вы очень-очень красивые! Гораздо красивее вороны! — польстил Тимка.

— Эрр! Брррсь подлизываться, каждый из нашего рода — вороны, грачи, галки, сороки, сойки — хоррош по-своему. Но мы — самые большие и сильные.

Тень набежала на лицо Тимки, и не успел он оглянуться и сообразить, что происходит, как что-то огромное, черное накрыло его сверху, и сильнейший удар твердым острием пронзил затылок. В следующий момент крепкие крылья с силой ударили его справа и слева. Тимка завалился на правую сторону и почувствовал, что неудержимо сползает и вот-вот свалится с ветки вниз.

Удар! Еще удар по голове! Тимка уже не чувствовал боли и лишь судорожно держался за сучок, думая только о том, как бы не свалиться с этой высоты. Руки были заняты, и он пытался слабыми поворотами головы увертываться от ударов клюва. Но силы оставили его...

"Ну, все, — обреченно подумал Тимка, — сейчас разобьюсь..."

Он повернул руку, в отчаянии в последний раз пытаясь покрепче ухватиться за сук, и в этот момент на солнце блеснул волшебный браслет. Удары сверху внезапно прекратились. Ветка закачалась и пригнулась под тяжестью большой черной птицы. Она миролюбиво уселась рядом с Тимкой на том же суку. Этот второй ворон был такой же красивый и, пожалуй, побольше, чем сидевшая на гнезде Кора.

— Краа! Краа! Ты чего срразу брраслет не показал? Я подумал, что это какой-то хулиган лезет рразорять мое гнездо.

— А я слышал, что среди образованных птиц, — начал наступление оправившийся от испуга и нападения Тимка, — первым полагается здороваться тому, кто приходит!

— Я решил, что ты враг, а с врагами не здороваются, а просто бьют. А вообще-то меня зовут Корак, — уже совсем миролюбиво сказал ворон. — Это о тебе говорил Хранитель Вит? Ну, считай тогда, что уже начал знакомство с нашей жизнью.

Тимка почувствовал, что у него истекают последние силы: онемели руки, ныла голова и он не может дольше удерживаться на этой тонкой, качающейся ветке. Он медленно повалился на бок и повис вниз головой, удерживаясь за сук одними только согнутыми ногами.

— Я, кажется, сейчас совсем упаду, — жалобно и тихо проговорил Тимка, ни к кому не обращаясь. — Я не привык долго висеть вниз головой на суку!

— Крак! Кр! Крх! — закаркала Кора. — Корак, помоги скорее мальчишке! Он сейчас и в самом деле полетит вниз, как сухой сучок и, наверное, так же как сучок, разобьется на кусочки.

Обе птицы засуетились вокруг. Тимка почувствовал сначала взмахи сильных крыльев рядом, потом эти широкие крылья поддержали его, а жесткие, твердые когти, смяв рубашку, слегка процарапали спину. Легкий толчок — и вот Тимка уже удобно сидит в глубокой развилке березового ствола, наконец-то прочно опираясь спиной о твердую поверхность.

— Эрр! Кора! Ты что же забыла про яйца! — прокаркал Корак.

— Сейчас, сейчас, уже сажусь!

Немного повозившись на гнезде, Кора уютно устроилась, закрыв собой все шесть голубовато-зеленых яиц.

Солнце между тем клонилось к горизонту. Потянул холодный ветер, и Тимка зябко поежился.

— Неужели вам не холодн-ддн-н-о на такой высот-тт-е! — спросил он, лязгая зубами.

— А ты разве замерз? — тут же встрепенулся Кора.

— Чего зр-рр-я спрашиваешь? Ведь на нем нет ни одного пер-ррышка, — откликнулась Кора. — Он голый, как наши птенцы, когда они только-только вылупляются из яиц!

— Пожалуй, пр-рр-идется посадить мальчишку в наше запасное гнездо, котор-рр-ое мы в этом году не заняли, — прокаркал Кора. — Там должно быть ему теплее, чем на ветке березы. — И, обращаясь к Тимке, продолжал: — Пр-рр-идется тебе слезть с нашего дер-рр-ева и взобр-бр-бр-аться на соседнее. Согр-гrr-еешься, кстати, по пути.

Тимке пришлось немало потрудиться, спускаясь с большой березы. Но после пережитого страха быть сброшенным с ветки ему все было нипочем; он смело преодолел все участки голого ствола, где спускаясь на животе, где подтягиваясь на руках.

Когда наконец Тимка спрыгнул вниз и ноги утонули во влажных прошлогодних березовых листьях, в лесу была весна, под березами расстилались большие проталины. Кое-где на окраинах лесных полянок еще лежал снег и искрился на солнце, как крупный сахарный песок. А на пригретых солнцем местах уже торчали, как ежовые иглы, острые зеленые травинки. Тимка с удовольствием рысцой зашагал за Кором, который медленно летел между березами.

— Давай-ка кар-рр-абкайся сюда, — прокаркал сверху Кора, сев на одну из берез.

У подножия этой огромной березы Тимка увидел россыпь весенних подснежников.

"А в лесу-то апрель", — подумал он.

— Ну и не апр-рр-ель еще! Карр! Совсем еще марр-рр-рт! — по правил его ворон, и Тимка даже не удивился; он уже привык, что в этом царстве Хранителя Вита другие иногда читали его мысли.

Подгоняемый желанием скорее отдохнуть, Тимка вскарабкался на высоченную березу и оказался у старого гнезда. Оно не выглядело обжитым, но в середине его сохранилось с прошлого года аккуратно выстланное шерстью углубление. "Наверное, пришлось потрудиться не один день Коре и Кору, чтобы натаскать такое количество шерстинок!"

Гнездо было большое и прочное. Тимка не задумываясь уселся в него и оказался будто в большой войлочной шляпе. Кора сел рядом на край гнезда и прикрыл его своим большим теплым крылом. Тимка и сам не заметил, как заснул...

И снится Тимке сон. Его руки покрываются перьями, и вот они уже превратились в огромные черные крылья, с таким же металлическим отливом, как у Кора. Вся голова и его курносый конопатый нос вытянулись в длинный черный острый клюв. Он уже не лежит в теплом гнезде, а со свистом рассекает весенний воздух высоко в поднебесье.

"Эх, как все хор-ррошо! Как прр-риятно быть ворр-рр-роном! Жаль только, придется теперь всю жизнь питаться падалью..." — с огорчением подумалось Тимке во сне.

— Вставай! Каа! Крааа! — услышал Тимка сквозь сон. — Вставай! Порра лететь на охоту!

Тимка открыл глаза и обнаружил себя сидящим в старом вороновом гнезде у вершины березы. На ней и на соседних березах появились листочки. Было раннее весеннее утро, чуть забрезжил рассвет. Рядом опаривал перья Корах, приговаривая:

— Скорее! Скорее! Пока доберемся до места, солнце уже встанет! Тимка посмотрел на свои руки — слава богу, хоть перьев нет на них! Для верности он провел рукой по лицу и потрогал свой нос: опять все в порядке, нет клюва.

"Ну вот и придется познакомиться с падалью", — мелькнуло у него в голове.

— Я полечу напр-рр-ямик, — продолжал Корах, — а тебе пр-рридется идти пешком. Не бойся, я тебя не упущу из виду и пок-ккажу дор-рр-огу. Мы пр-рр-ойдем лес в сторрону восхода солнца, потом будет небольшая рр-речка с лесистыми берегами. Там мы и будем охотиться. Запомни: поляны с небольшими бер-рр-езами... с небольшими берр-ррезами...

На берегу реки оказались большие поляны, наверное оставшиеся от недавней вырубki. Молодые березки тут и там качали своими нежными ветками с только что распустившимися листочками. Когда Тимка с Кораком оказались на поляне, солнце едва встало и промозглая сырость пропитывала все вокруг.

"Хорошо еще, — подумал Тимка, — что нет высокой травы, а то быть бы мне насквозь мокрому от росы".

Осторожно пригнувшись — не повеет ли откуда запахом тухлого мяса, — шел Тимка между березок. Корах был где-то рядом: Тимка слышал тяжелые взмахи его крыльев и треск веток.

— Как хорошо мы успели! Карр! Как хорошо мы успели! — тихонько каркал Корах, сев на тонкую березку, которая согнулась под его тяжестью.

Тимка с удивлением наблюдал, как Корах что-то схватывал на ветках и с видимым удовольствием глотал.

— Эге-ге! Да это майские жуки! — наконец-то рассмотрел Тимка. И в самом деле, на тонких ветвях березок висели кое-где, крепко

держась за веточки, серовато-коричневые лохматые жуки. Их было очень много, но схватить их было не так-то просто. Лишь прикоснешься к ветке, как они тотчас же падают вниз, поджав лапки, а уж в жухлой прошлогодней траве, которая покрывала всю землю, сколько ни ищи — не найдешь.

— Подожди здесь, — услышал Тимка карканье Корака, — я сейчас слетаю к гнезду и сменю Кору: ей тоже надо поесть, а здесь столько добычи!

Пока не прилетела Кора, Тимка занялся сбором майских жуков; он сначала расчищал под березой место от прошлогодней травы, а потом сильно качал тоненький

ствол березы. С веток градом сыпались майские жуки, которых он поскорее собирал в свою майку, превращенную в мешок.

— Почему так долго нет Кору? — беспокоился Тимка. — На верное, что-то случилось! Надо скорей бежать обратно!

Схватив майку с жуками, он бросился в лес к знакомой березе.

— Кора! Кора! Что случилось? Почему не прилетели на поляну? — закричал он во весь голос, подбежав к гнезду.

— Не кричи так громко! У нас большая радость! Поднимайся скорее.

В гнезде Тимка увидел четырех голых, противных, мягких, розовато-синих птенцов. Два яйца лежали рядом целые.

Кора заботливо осматривала свое потомство и приговаривала:

— Какие они у меня хорошенькие! Какие хорошенькие! "Вот так хорошенькие!" — подумал про себя Тимка, но вслух

протянул:

— Да, ничего птенчики! — боясь обидеть заботливую мать. И любопытствовал: — А что же с последними двумя яйцами? Ты их позже снесла?

— Не спеши! Под-дд-ждем не много... — отвечала Кора, аккуратно переворачивая яйца клювом.

И вдруг на одном из них появилось маленькое отверстие, сквозь которое показался бугорок и замер...

— Ну-ну-ну, — подбодрила Кора, —

действуй скорее!

Бугорок не шевелился. Кора нежно тукнула клювом по скорлупе, разбивая ее вокруг отверстия. И вот из скорлупы появился мокрый комочек, в котором Тимка лишь с большим трудом мог различить крылья, голову, ноги. Птенец был заметно меньше братьев и, наверное, гораздо слабее их. Шестое яйцо осталось лежать неподвижно.

— Теперь уже ясно: из него ничего не выведется, — сказала Кора и выбросила яйцо из гнезда.

Пять маленьких голых птенцов копошились на дне гнезда.

— Кора! А почему твои птенцы такие голые? Вот у уток и куриц птенцы сразу бегают за матерью, — не мог скрыть своего любопытства Тимка.

— Чудак! Краа! Краа! Птенцы-то голые не только у нас, но и у всех птиц, которые могут долго выкар-карр-мливать их в гнезде. У кур-рр-опаток, тетеревов, глухар-рр-ей, перрелелок нет своего постоянного дома. Как птенцы выведутся, все семейство пускается в путешествие. Очень много птенцов прри этом гибнет, — терпеливо объясняла Кора, внимательно следя за птенцами. — Знаешь, сколько птенцов бывает у всех этих лесных курр-рр-иц? Штук по десять, а то и по пятнадцать, а вырастет, как и у нас, один-два...

— Неужели только один или два останется? Почему же вы, такие сильные, не можете сохранить всех своих детей? — удивился Тимка. — Ну, я понимаю, лягушки или растения там всякие приносят семян или икринок видимо-невидимо: они их и не охраняют... Но ведь вы самые, наверное, сильные птицы в лесу и такие заботливые... Не верю, что у вас останется только один или два детеныша. Не верррр-рю! Краак! — решительно закаркал Тимка.

— Тогда поживи еще с нами... Кра-кра! — кракнула Кора. — Не вер-рр-ишь? Посмотрришь, повер-рр-ишь...

— Ну, Кора, на старрости лет ты стала очень болтливой! Пор-рра за дело приниматься! Смотрри, сколько теперрь у нас рртов! — решительно прервал их разговор Кора.

Тимка тоже взглянул в гнездо и увидел пять больших желтых раскрытых ртов, как большие желтые тюльпаны, колыхавшиеся на неправдоподобно тоненьких шеях. Птенцы даже не умели еще кричать, у них не было глаз, и они только тянулись и тянулись вверх навстречу родительским клювам. А в этих клювах пока ничего не было.

— А у меня есть целая куча жуков! — С этими словами Тимка протянул воронам свою майку.

— Как хорро-рошо! Хор-рошо! — прокаркала Кора. — Я так и не успела слетать покормиться из-за этих малюток. — И она начала с жадностью глотать жуков.

— Скоррее! Скоррее, Кора! Полетим за кормом для маленьких! — опять вмешался Кора,

— Ты думаешь, мы можем лететь вдвоем? — спросила Кора. — А как же оставить одних птенцов? Одно гнездо без присмотра?

— Попрросим мальчиш-шш-ку посмотр-рреть за птенцами! Скор-ррее! Скор-ррее за кор-корр-мом!

Тимка залез чуть повыше гнезда и удобно устроился в знакомой развилке. Птенцы притихли и опустили головы, почувствовав, видно, что родители улетели.

Вскоре прилетела Кора и принесла каких-то мелких гусениц. Стоило ей коснуться края гнезда, как все птенцы встрепенулись и, как по команде, вытянули вверх раскрытые рты. Кора быстро положила в каждый из ртов что-то съестное и улетела. Прилетел Корак, все повторилось в том же порядке. Но Тимка заметил, что рот птенца, который вылупился последним, всегда открывался позже и был чуть-чуть ниже, чем рты его братьев и сестер. Правда, совсем чуть-чуть, но отцу и матери некогда было рассматривать, кому достается больше, — они только успевали класть добычу в тянущиеся рты. И конечно, самым бойким доставалось побольше.

Птенцы росли очень быстро. У них открылись глаза, их лысые тельца стали покрываться нежным пухом, а потом среди этого пуха появились первые перышки. А самый маленький так и оставался самым маленьким: у него позже всех появились перья и день ото дня он становился все слабее и слабее. Теперь уж ему и вовсе не доставалось ни кузнечиков, ни жуков, ни лягушек, ни гусениц: его сильные сверстники перехватывали все прямо перед его клювом. И однажды утром Тимка увидал в гнезде не пять птенцов, а только четыре.

— Где же твой пятый птенец?

— Он погиб, — грустно вздохнула Кора, — и Корак отнес его подальше от гнезда... У нас могут жить только самые сильные и выносливые... Сегодня мы с Корраком полетим за кормом подальше, посмотрри, пожалуйста, за птенцами. Смотрри внимательно, как бы чего не случилось... В случае опасности позови нас погромче.

— И что может случиться с такими большими птенцами? — размышлял Тимка. — Еду им приносят, ночью их согревают родители...

Тимка еще раз внимательно посмотрел кругом. Вершина березы, на которой он сидел, равномерно покачивалась из стороны в сторону. Шелестела подросшая листва, внизу трещали дрозды, далеко-далеко куковала кукушка.

От нечего делать Тимка принялся сочинять песенку:

А ку-ку, ку-ку, ку-ку,
Сидит Тимка на суку,
Вместе с птицами живет,
Свои песенки поет...

Тихо мурлыкая песенку, Тимка грелся в лучах солнца и думал, долго ли ему еще придется жить с воронами. Вдруг зашуршало внизу. Хрустнула и упала вниз сухая ветка. Тимка, привыкший улавливать всякие новые звуки в лесу, насторожился и замер, повернул голову в сторону долетевшего шороха. Чуть пониже гнезда мелькнуло что-то рыжее. У Тимки сильнее забилося сердце и перехватило дыхание: он почувствовал недоброе.

"Чужой у гнезда! — сообразил он, когда второй раз, уже у самой развилки, увидел проворное рыжее тело величиной с кошку. — Опасность!"

— Скорее! Скорее! Кора, Корак! Кто-то лезет в гнездо!! Черная мордочка и два острых треугольных ушка показались на

стволе березы, и длинное юркое тело метнулось в гнездо. В тот же момент сверху бесшумно как камень свалился ворон. Кто это был, Тимка не успел разобрать, так быстро все произошло. На секунду гнездо скрылось за раскрытыми крыльями ворона. Пронзительный крик птенцов слился с клекотом разъяренной птицы и шумом ударов. Еще мгновение — и рыжее тело куницы скользнуло вниз по стволу, прочь от гнезда. Оба ворона еще долго преследовали разбойника, даже на земле набрасываясь на него и норовя ударить клювом.

— Кажется, опасность миновала, — перевел дыхание Тимка. — Но почему тихо в гнезде? — И с замиранием сердца он заглянул внутрь. — Живы! Шевелятся! Раз, два, три... А где же четвертый? Не может быть! Раз, два, три... Так и есть, только три птенца. Значит, вор ушел с добычей, — повесил нос Тимка.

Не успел он как следует расстроиться, как оставшиеся птенцы уже подросли. Не забудьте, время в царстве Хранителя Вита шло удивительным образом: для Тимки проходила минута, а вокруг него могли пролетать недели.

И вот настало время, когда трое из оставшихся птенцов вылетели из гнезда. Теперь Кора и Корак охотились вместе со своими детьми. Тут Тимка узнал, что вороны едят не только насекомых и лягушек. Они работают лесными санитарами — уничтожают падаль. Научили взрослые вороны своих детей и разыскивать гнезда мелких птиц, и вытаскивать оттуда яйца, а если подвернется случай, то выхватывать и птенцов. Показали, как нужно охотиться на больших рыбин, неосторожно поднимающихся к самой поверхности реки.

Но, конечно, самой интересной была совместная охота на полевок на соседнем ржаном поле. Там к концу лета в этом году в огромном количестве развелись полевки.

Эта охота на полевок была увлекательным состязанием в ловкости и быстроте. Птицы садились на вершину стога и терпеливо ждали, когда какая-нибудь жирная глупая полевка побежит от одной кучи хлеба к другой. Тут все решала быстрота крыльев: успеешь — и в когтях добыча, чуть зазеваешься — сиди жди снова. Время кругом летело быстро. Только прошли осенние дожди, как по лесу уже полетели снежные мухи, инеем покрылась жухлая бурая трава.

Зимой с едой стало потруднее, частенько вороны голодали. Пришлось им перекочевать поближе к жилищам человека, где можно бы поживиться на задворках скотобойни. В январе завернули самые жестокие морозы, а уже солнце нет-нет да и взглянет по-весеннему, И вороны, наверное самые первые птицы в лесу, почувствовали приход весны.

— Краааа-а! Крааа-аа! Смотр-трр-и, какой я кра-кра-кrra-си-вый и сильный! — кричал, поднявшись высоко-высоко в небо, Кора.

Его было чуть видно снизу. Но вот он стремительно бросается вниз, подлетает к Коре, парящей над лесом, и снова взмывает в немыслимую высоту.

— Краа! Кра-аа! — несется над закованным в морозный панцирь января лесом весенняя песня ворона.

Весна — значит, заботы о гнезде, о продолжении рода. Кора и КораК прожили вместе уже много лет. У них забот мало: подправь старое гнездо — и откладывая себе яйца. А вот их детям гораздо труднее. В январе, когда семья Кору и Корака распалась, два молодых ворона и одна ворониха улетели искать свое место в жизни...

— Кора! А ведь три птенца выжили из твоих детей, а не один-два, как ты мне говорила! — принялся допрашивать Тимка Кору. — Правильно, значит, я не верр-рр-ил тебе? Кра-хrrаа!

— Кrrаа-крааа! — вздохнула Кора. — Выжили, но пока они еще не стали совсем взр-ррослыми! Ты не представляешь, как тр-рруд-но найти место для гнезда! Один глупый птенец хотел было остаться на нашем месте, но мы с Кор-rrа-ком прrогнали его: пр-рришлось подр-рраться...

— А нельзя ему поселиться рядом с вами? Ведь места в лесу хватит на много гнезд? — продолжал выпрашивать Тимка.

— Ника-аак нельзя, чудаК-ак-акrr! Помнишь, когда мы съели весь корр-ррм около гнезда, нам приходилось летать на рр-речку и в др-рр-угие места, чтобы принести еду для птенцов? — напoмнила Кора. — А если бы в нашем лесу жили другие вороны? Коррм и вдали мы съели бы очень быстро, и птенцы у всех остались бы без пищи. В нашей жизни всегда лучше иметь четырех крепких птенцов, чем десять слабеньких!

— А почему твоим детям нельзя было поселиться рядом с вашим большим участком, за рекой, в другом лесу? Краак! — не унимался Тимка.

— Да потому — краа-к, кррак! — глупый ты человек, что в том лесу давным-давно есть гнездо др-рругих ворр-рронов-

— И у них тоже есть дети?

— Ккконечно!

— Но где же тогда будут жить ваши дети?

— Каждый должен сначала найти себе парр-рру: самец самку, а самка самца. После они должны улететь далеко-далеко, туда, где еще не живут ворр-рр-рроны. Или им удастся найти место, где старые ворр-роны погибли. Или они должны вырр-расти такими сильными, что смогут прр-рогнуть стар-ррых и ослабевших ворр-рон из гнезда... Но все это сложно, трр-рудно, карр-ар, как сложно... Да что ты меня все спрр-рашиваешь, у тебя же есть бр-рраслет: посмотри-трри сам, что будет с нашими детьми...

Стоило Тимке вспомнить о браслете, как время вокруг побежало еще быстрее. Вот летят вдаль три молодых ворона, которые еще так недавно были птенцами в его

подопечном гнезде. Их хорошо можно было узнать по матовому цвету поверхности перьев — только у совсем взрослых воронов перья отливают металлическим блеском. Вот эти молодые птицы встретились с такими же молодыми из других выводков. Вот они разбились на пары и устроили такие же игры, как Тимка уже видел у Кору и Корака. И вот молодые пары полетели в разные стороны.

"Но где же они будут делать гнезда?" — спрашивал себя Тимка, наблюдая, как после жестоких драк прогоняли молодых воронов уже давно жившие в разных местах старые.

Наконец одной из новых пар удалось построить гнездо на окраине небольшого городка, на ветвях древней липы городского парка. Две другие пары так и не нашли место для гнезда. Через некоторое время эти пары распались. Видно, прошло время, когда ворониха откладывает яйца: она, как и большинство птиц наших лесов и полей, может нестись только ранней весной. А если не отложит яиц весной, весь год остается без семьи.

Когда Тимку потом расспрашивали, как он все видел и узнавал, ничего толкового рассказать он не мог. Помнилось только, что скучать было некогда. Вот и сейчас,

поеживаясь от весеннего прохладного ветерка, сидя в той же удобной развилке березы, он с интересом наблюдал, как Кора и Корак приводят в порядок свое старое гнездо, то самое, где пришлось переночевать ему в первый день. И снова, теперь уже в атом обновленном гнезде, Тимка увидел шесть зеленовато-голубых яиц.

"Все повторяется сначала. Прошел целый год, как я живу с вороновой семьей, и сколько же мне придется здесь оставаться? — подумал он и спохватился: — Что же я видел здесь за год? Только ли жизнь воронов? Интересно, за этим ли только меня сюда отправил Хранитель Вит, как его называет Кора — Лесовик? Этот хитрый старикашка, наверное, и задумал что-то хитрое! "Пускай посмотрит вашу жизнь" — так, кажется, сказал он Коре про меня... Посмотрит жизнь... Жизнь как жизнь: отложили яйца, вывели птенцов, вырастили их, на следующий год снова то же самое! Едят в лесу что ни попадется, самих их никто вроде не трогает... Как не трогает, — перебил сам себя Тимка, — а одного птенца куница стащила — раз! А для самого маленького птенца корма не хватило и он погиб — два! А как молодые дрались со старыми за место для гнезда? Все получилось так, как сказала Кора. Только один молодой смог сделать себе гнездо, да и то неизвестно, выведет ли он птенцов на липе в городском парке. Вот так так! И у воронов — самых сильных птиц в лесу — так же трудно приходится молодым, как и у лягушки, как и у подорожника! Все! Я понял жизнь ворона! — И Тимка стал проворно спускаться вниз с березы. — Пойду теперь искать Хранителя Вита", — твердо решил он.

— А меня искать не надо — тут я, тут я и есть, — немедленно отозвался знакомый шамкающий голосок. Хранитель Вит сидел на березовом пеньке рядом с Тимкиной березой. — Понял воронову жизнь, да не совсем! — пробурчал он. — Ну скажи, на милость, скажи: что ты понял? Плохо живет молодым воронятам? Так ведь? Плохо живется?

— Ну, так... — неуверенно протянул Тимка, ожидая какого-то подвоха.

— Так, да не так! Так, да не так!

И Тимка увидел, как старик распахнул полы своего берестяного плаща и показал на пояс, составленный, казалось, из сотни разных самоцветов.

— Я мог дать тебе свой большой браслет, и ты побывал бы у всех живых существ в моих владениях, и у всех бы ты увидел то же самое, то же самое: родится много, выживает мало, на место погибающего старого встает здоровый молодой. Но всегда один или вместо пары — пара. Остальные гибнут. Гибнут! Но вот почему? Почему?

— Кажется, знаю, — неуверенно начал Тимка. — Если подорожник займет весь участок, то не окажется места для других растений. Другим-то травам тоже надо жить, они, наверное, и не дают сильно размножаться друг другу...

— Ай, молодец! Не зря я тебя отправил посмотреть на настоящую жизнь в моем царстве! Не зря! — радостно закричал старичок. — Да из тебя, я вижу, получается толк! Толк получается!! Правильно, все в природе связано: сохранилась жизнь одного — потерялась жизнь другого. Это мой первый великий закон — **закон сохранения жизни**. Всем моим созданиям трудно живется: либо сам должен кого-то съесть или потеснить,

либо тебя съедят или потеснят! — И повторил еще раз медленно: — Закон сохранения жизни! Но! Но! Но! Отнимать жизнь у других можно только для того, чтобы сохранить свою жизнь! Только для этого!

Хранитель Вит встал с пня, выпрямился и начал расти вверх. Вот он уже с березу величиной, вот его голова пропала в белых облаках... И вот его голос загремел сверху, и слова, как удары молота, отдавались у Тимки в голове:

— Иначе — жить — всем — вместе — будет — невозможно! Не-воз-мож-но! Понял? — Последнее слово Хранитель проговорил уже обычным голосом, сидя на пеньке, и, не давая Тимке ответить, продолжал: — Ну, считай, что первый класс в моей школе ты прошел. Но это только начало. Наш уговор помнишь? Не поймешь — пропадешь! — нараспев протянул он противным голосом. — Вот сделаю тебя маленьким птенцом да и посажу в гнездо к ворону! Сиди разевай рот да жди, когда тебя куница стащит! Ага, не хочешь? Ну ладно, ладно, — миролюбиво закончил он, заметив, как Тимка задрожал и переменялся в лице. — Могу, конечно, это сделать, но не буду. пока не буду. Какой там следующий камень в твоём браслете? Янтарь? Ну вот и ищи янтарную дверку. А я пошел по своим делам... пошел по делам...

— Дедушка! Карр-каар! — по привычке закаркал Тимка, потом спохватился и с некоторым трудом перешел на человеческий язык: — Я вас очень-очень прошу, предупредите всех, что я не пропал пока совсем... И пусть меня пока не исключают из школы, наверное, там идут занятия в пятом классе, — жалобно попросил Тимка, вспомнив, что с вороновой семьей он прожил целый год.

— Ладно, ладно, утрясем все как-нибудь, когда-нибудь! Ты, главное, смотри да ума-разума набирайся в моей школе. А там все утрясем, утрясем... — Голос становился все слабее. — Утрясем, потрясем, натрясем, растрясем, т...трясем ...сем...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

— Как ни крутись, а придется искать, видно, янтарную дверку! — говорил Тимка, вновь и вновь озираясь по сторонам в пещере Времен Года, где он очутился неведомо каким образом, и прикидывая, с какой стены начинать поиски. — Ну ясно, где такой цвет скорее всего можно встретить...

Тимка еще раз внимательно посмотрел на янтарный камень браслета. Камень отличался от других не только цветом, но и мягкостью, ведь он был не совсем камнем, этот кусочек окаменевшей смолы.

— Конечно, дверца должна быть на осенней стенке, — продолжал размышлять Тимка вслух, — очень уж похож янтарь на осенние желтые листья... Но откуда начинать искать? Стена такая большая.

Он медленно шел вдоль бесконечной стены, покрытой ярким осенним лесным нарядом. Вот красная осинка, вот буроватые дубовые листья, вот светло-желтые, почти белые листья липы, а вот эта яркая желтизна кленовых листьев, пожалуй, больше всего подходит для янтаря. Тимка подошел к стене и раздвинул переплетенные ветви с крупными, разрезанными на пять лопастей листьями клена.

— Под этой веткой нет... под этой тоже... а вот здесь, кажется, попало что-то похожее! — обрадовался он. — Ну так и есть — дверка!

Дверка была такая же гладкая и овальная, как и другие, с которыми познакомился Тимка, но очень толстая и выпуклая, как большая желтая голова какого-то неведомого существа. В ее полупрозрачной глубине угадывались загадочные, расплывающиеся длинные очертания.

— Интересно, куда приведет эта дверка? В озере был, в траве был, в лесу был... А ну посмотрим, что скрывается здесь...

И с этими словами Тимка вложил янтарь из браслета в углубление в самом центре дверки. Вложил осторожно и отступил на шаг, чтобы получше рассмотреть, что

откроется за нею. Но так уж были устроены дверки в этой пещере, что не успел Тимка что-нибудь рассмотреть из пещеры, как оказался уже по ту сторону дверки...

— Ну, кажется, начинаются настоящие приключения, — прошептал он, оглядываясь кругом.

Ничего подобного никогда раньше он не видел. Кругом в зеленоватом полумраке возвышались, как зеленые колонны, стволы большущих деревьев. Их вершин не было видно за длинными и широкими листьями и ветками других деревьев, колоннами потоньше и ростом поменьше, что поднимались кругом.

Почва была покрыта остатками сгнивших, полусгнивших и недавно упавших стволов. По ним ползали похожие на тараканов крупные коричневые и серые насекомые. То тут, то там на гниющих стволах виднелись розоватые, с голову величиной, шары какой-то слизистой массы. Наверное, именно от них — от этих шаров — шел приторный сладковато-пряный запах, от которого начинала слегка кружиться голова.

— Как в фантrome... — продолжал Тимка размышлять вслух.

(Фантромами они с папой называли всякие фантастические повести и романы — коротко и понятно.) — Неужели Хранитель Вит отправил меня на другую планету? — прошептал Тимка, вспоминая недавно прочитанный фантром о жизни на спутнике Альфа Эридана.

Через секунду это предположение еще больше укрепилося.

"Жж-жж! Жжж-жжж!.." Странное громкое жужжание раздалось сзади и прервалось резким шлепающим звуком: "Хлюп! Хлюп!" Он быстро обернулся на эти звуки. Один из розоватых слизистых шаров, что лежали на земле, был сплюснут каким-то большим темным телом. Любопытство Тимки пересилило страх перед неизвестным, и он нерешительно сделал несколько шагов в сторону шара.

Едва успел он подойти поближе, чтобы получше рассмотреть странный темныйдвигающийся предмет, как верхняя блестящая сторона этого предмета лопнула и с треском разлетелась на две половинки.

Перед Тимкой на земле копошился жук с кулак величиной; из-под верхних плотных надкрылий развернулись нижние полупрозрачные розоватые крылышки, послышался тот же жужжащий звук: "Жжжи! Жжжж!" Жук поднялся в воздух. На месте, где только что был шар, осталась лужица слизи, от которой распространялся еще более едкий и противный запах.

— Вот сядет такой на голову, и останется от нее тоже только мокрое место... — Тимку даже передернуло от омерзения и брезгливости. — Хотя, пожалуй, моя голова совсем не похожа на эти вонючие, слизистые шары... А вот бы поймать такого жучицу и принести в школу! Ну и будут же мне все завидовать! Как бы мне его поймать? — размышлял Тимка. — Пожалуй, надо затаиться у слизистого шара и подождать, а когда жук влезет на шар, схватить его за крылья...

Тимка присел на корточки за толстый ствол дерева у большого розового шара. Кругом то и дело шлепались вниз на шары жуки, но на Тимкин шар никто не садился.

"Ну уж только попадись мне в руки, — с внезапной злостью подумал Тимка, — все крылья отломаю..."

Тюк! Бум!.. Что-то легонько стукнуло Тимку по затылку, и голова знакомо загудела от удара — точь-в-точь как когда-то давно над разрушенным муравейником.

— Нет, пожалуй, лучше не буду ловить жука вообще! — внезапно решил Тимка. — Ну его! Лучше уж не трогать никого здесь, поскорее выбираться из этого гнилого места.

Очень трудно было идти среди гнилых стволов: остатки никогда прежде не виданных деревьев повсюду образовывали непроходимые завалы. Жаркий и влажный воздух был наполнен непривычными резкими запахами. Дело осложнялось тем, что Тимка не знал, куда надо идти. Он просто решил во что бы то ни стало выбраться из этого неприятного места и упорно двигался, придерживаясь одного направления. Заросли не кончались и как будто даже становились гуще. Это не смутило Тимку: он знал, что перед опушкой лес всегда становится гуще, и решительно двинулся прямо в чащу. Действительно, стволы деревьев стали потоньше, хотя и стояли они ближе друг к другу.

Вот уже Тимка с трудом пробирается среди гладких зеленых колонн и каких-то членистых шестов со странными тонкими перистыми зонтиками веток высоко наверху. Эти зонтики касались друг друга всеми своими веточками, и от этого внизу стоял немолчный шум, похожий на шум моря.

Но вот наконец и просвет. Стало светлее. Еще несколько шагов и...

— Ух ты! — только и смог воскликнуть Тимка, неожиданно оказавшись на краю крутого обрыва. Внизу колыхалось зеленое море листвы — бескрайняя равнина была покрыта зеленой травой. — Нет, пожалуй, это не трава, — спохватился Тимка, рассмотрев зелень получше, — не трава, а хвощ. Ну конечно, это все заросли хвоща. Только у него есть такие многоэтажные листья на стеблях-колоннах. А вот там подальше стоят папоротники. Вот странно: папоротники здесь растут на открытом солнечном месте!

И тут Тимку осенило: "Лес, через который я только что пробирался, точно такой же травянистый. Громадные зеленые членистые стволы — это, конечно же, хвощи! Но тогда это значит, что либо я стал очень маленьким, либо хвощ стал очень большим, — мучительно размышлял Тимка. — Я вроде бы остался прежним — и одежда на мне такого же размера, и пинцет, вот он, такой же, как и был раньше... Если бы я уменьшился, то с меня свалилась бы одежда и пинцет был бы во много раз больше меня... Нет, я остался прежним. Значит, это такие огромные хвощи. Кажется, я начинаю понимать, куда я попал! Доисторическое время! Но кого я здесь должен встретить? Уж не того ли ящера, в которого превращался Хранитель в пещере? Брр-рр..." — Крупные мурашки пробежали по Тимкиной спине, и он со страхом стал озираться по сторонам.

Шрр-трр! Шрр-трр!

Громкий шелестящий треск разорвал влажную тишину. Тимка поднял голову вверх и с удивлением увидел странной формы летательный аппарат с прозрачными крыльями, блестящими на солнце. Крылья мелко вибрировали, издавая тот треск, который и был слышен.

— Вот так стрекоза! Ого-го какая она огромная! Да она почти с меня величиной! Ай-яй-яй! Летит прямо ко мне! Спрятаться или показать браслет? Что делать?

Живой вертолет замер в воздухе. Тимка почувствовал, как тысячи маленьких глаз, собранных в два огромных полушария, внимательно его разглядывают, а две маленькие антенны настороженно приподнялись и замерли. Мерно задвигались страшные зубчатые челюсти. "Вот уж никогда в жизни не предполагал, что у стрекозы такие ужасные грозные челюсти", — думал Тимка, стараясь сохранить самообладание.

Натуженно треща крыльями, стрекоза медленно поднимала Тимку над землей. Вот уже лес, через который пробирался Тимка недавно, стал похож на зеленую равнину, заросшую хвощом.

Охваченный ужасом, Тимка понял, что у него нет никакого выхода: даже если он сейчас попытается вырваться из лап стрекозы, он упадет и разобьется, а если же он останется в этих лапах, то, наверное, будет пережеван страшными челюстями.

A black and white illustration of a dragonfly with a small figure riding on its back, flying over a field of tall grass. The dragonfly is shown in profile, with its long body and large, veined wings. The small figure is perched on the dragonfly's abdomen, holding onto it. Below them is a field of tall, thin grass or reeds, drawn with simple vertical lines and small horizontal strokes to represent blades. The entire scene is set against a plain white background.

Трррр-ррр! Пр-ррр! — трещали крылья стрекозы, и вдруг Тимка среди этого шелеста разобрал:

"Может, мне это почудилось?"

Но нет, вот снова среди треска крыльев он разобрал слова:

— Сстр-рраннно! Мокр-рр-ро!

— Ур-рра! Заговорр-рила! — невольно подражая стрекозе, радостно завопил Тимка. — Я так и знал! Говорр-ри сссскорр-ее, — Тимка никак не мог теперь говорить иначе, как на стрекозином языке, — этот лес — доис-ссс-торичччес-ссский?

— Для тебя — конешш-но! А для меня — рродной! Трр-пррр! Трр-пррр!

— Куда ты меня несешь?

— Пос-смотриш-шш-шь! Увидиш-ш-шь! Увидеть важ-жжнее, чем услыш-шшать!

— А ты на самом деле такая большая? Или только для того, чтобы меня утащить?

— Не пп-понимаю! Шшшто ты, шшто ты! Я вс-ссегда такая. В наш-шшем роду были еще больш-шше меня!

— А куда же вы все улетели и почему в моем времени нет таких больших стрекоз?

— Уз-зз-наеш-шшь! Увв-видиш-шш-шь!

Тимка тем временем несколько освоился в цепких объятиях стрекозы и наконец-то стал внимательно осматривать окрестности. Местность, над которой они пролетали сейчас, изменилась: бескрайние леса из гигантских хвощей и папоротников то расступались, обнажая вздымающиеся вверх крутые склоны красновато-коричневых гор, то широко расходились вокруг больших водоемов. Несмотря на то, что солнце чаще было где-то за непроницаемыми облаками и редко выглядывало, воздух был жарким и пекло нещадно. Вдали громыхали удары грома, и небо бороздили молнии.

Когда край грозы совсем близко подобрался к ним, стрекоза плавно опустилась на одну из красноватых скал, высоко поднимающихся над окружающей местностью. Скала была вся покрыта множеством трещин и щелей, а кое-где были хорошо заметны небольшие углубления вроде пещер. В одно из таких углублений и опустились наши путешественники.

Тимка с огромным облегчением разогнул ноги, совсем затекшие за время полета, и потянулся до хруста в косточках. Только хотел было присесть на бугорок, чтобы отдохнуть, в пещеру проскользнула еще одна такая стрекоза, вот и еще одна, еще... Скоро вся пещерка была буквально битком набита стрекозами. Некоторые были побольше, другие поменьше, чем стрекоза, притаившая Тимку. Многие из них дожевывали своими мощными челюстями какие-то кусочки.

Приглядевшись внимательнее, Тимка обнаружил, что они жуют и грызут остатки больших жуков, вроде тех, которых он видел в лесу, на слизистом шаре.

— Теперь понятно, почему у них такие крепкие челюсти и мощные лапы! — обрадовался Тимка. — Без них останешься голодным в этом периоде!

Словно угадав его мысли, "Тимкина" стрекоза затрещала:

— Мы стр-трр-рекозы сс-самые лучшие летуны и сс-самые главные в воз-зздухе! У нас нет вр-врагов! Трр-прр! — и гордо взмахнула крыльями.

Хлынул ливень. Такого ливня Тимка никогда еще не видал в своей жизни. Пока потоки воды закрывали выход из пещеры, стрекозы, тихо потрескивая, сидели на полу и стенах. Но как только ливень поутих и проглянуло солнце, все они, как по команде, ринулись к выходу и исчезли во влажном воздухе.

— Сейчас-сс жж-жуки особенно бес-сс-печны, — объяснила стрекоза, — и летают над верш-шш-инами деревьев. Сейчас-сс луч-ч-шш-ее время для охх-оты! Есссли бы не Повелитель Вит, я тож-жже полетела бы с-сс ними!

— И так всю жизнь? — недоуменно спросил Тимка.

— Что "всею жizzнь"? Ловим жж-жуков? Конеш-шш-но! Они такие вкус-сс-ные! Они такие больш-шш-ие!

— А где жж-же совсем маленькие стрекозы? Поч-ч-ему их нет? — не унимался Тимка, которому даже понравилось трещать на стрекозином языке.

— Вс-се наш-ши сс-стрекозы вылез-ззают из шш-шкурки личинки уже больш-шшими! Маленьким нет мес-сста сс-среди нас-с-с: они не сс-могут поймать больш-ших жж-жуков. Маленькие теперь-ррь жж-живут только около сс-самых озер! Там они охотятся на мелких жж-жуков. — Стрекоза хищно повела челюстями и продолжала трещать: — Мы этих маленьких стрекоз иногда с-схватываем и жж-ж-жуем, ж-жуем! Конеш-шш-но, они не такие вкус-сс-ные, как жж-жуки, но есть их мож-жж-жно! Наши личинки сс-схватывают все ддр-ругие личинки. Видиш-шш-ь, сколько кр-рругом воды? Чувствуеш-ш-ь, какой теплый и влаж-жж-ж-ный воз-зз-дух? Нам хорош-шш-о жж-живется здесь! — И стрекоза высоко приподнялась на всех своих шести лапах: гордость и важность прямо распирали ее.

— А куда мы летим? — наконец-то смог задать главный вопрос Тимка. — Куда ты меня ташиш-шш-ь?

— Куда велел Повелитель Вит!

— А куда? Куда он велел?

— Ссс-сама не зз-знаю! Увидим! Сказ-зз-зано — лететь только вперед! — И цепкие лапы снова обхватили Тимку со всех сторон.

Теперь он успел устроиться поудобнее и улегся так, что мог хорошо видеть все происходящее не только внизу, но и впереди и сбоку — его голова свободно поворачивалась из стороны в сторону.

Трр-прр-трр-ррр — натужно запели-зазвенели крылья, поднимая Тимку вверх. Вот и скала осталась где-то позади, вот пропали озера.

Чем дальше они летели, тем резче изменялась местность внизу. Бескрайние леса уступили место широким сухим полянам, да и сами-то леса изменились, в них появились другие, ветвистые деревья. Папоротники и хвощи остались только вблизи водоемов. Изменился даже воздух: стал более сухим и прозрачным. Исчезли постоянно висевшие облака, и солнце пекло беспощадно.

— Что-то сс-стр-трр-анное! Необыч-ч-ное! Трр-пррр! — прошелестела стрекоза. — Я очч-чень много летала рр-раньше, но не видала этих мес-сст! Мне трр-трудно зз-здесь летать: очч-чень ссухо! Сс-скорее вниззз! Трр-прр-ззрр!

Они приземлились на влажном берегу водоема на большой поваленный ствол толстого дерева.

— Я не зз-знаю, где мы, — тревожно прошелестела стрекоза, — мне нез-ззнакомы эти рас-сс-тения, эта вода... В ней я не виж-жжу наших личинок, плавает какая-то мелоч-ч-чь... Трр-прр!

— Берегись! — закричал Тимка стрекозе, с ужасом заметив, как с ближайшего высокого дерева на них метнулась огромная тень.

Предупреждение успело как раз вовремя. Не повернись стрекоза в тот же момент назад — погибнуть бы ей в огромных челюстях птеродактиля — крупного летающего ящера.

— Птерр-птеродактиль! Птерр-птеро-дактиль! — радостно затрещал Тимка, ничуть не испугавшись этого создания. — Я так мечтал когда-нибудь увидеть живых ископаемых ящер-рров! Ур-рра!

Птеродактиль, оказавшийся сравнительно небольшим экземпляром, видно, опешил от неожиданного отпора со стороны стрекозы и от шума, поднятого Тимкой. Он низко спланировал над самой водой, взмыл вверх и исчез в густом хвойном прибрежном лесу.

— Откуда вз-взяло-сс-сь это с-ссушес-сство? — в ужасе трещала стрекоза. — Почему я не виж-жжу яи одной настоящ-щей стре-коз-зз-зы? Только какая-то мелюз-зз-зга мельтеш-шшит в воз-зз-здухе. З-зз-а ними не ус-ссмотриш-шь!

— Больших, наверное, давно съели птеродактили! — предположил догадливый Тимка. — Судя по всему, ты перенесла меня в дrr-другое вр-рремя!

— Ну пус-сс-ть дrr-другое врр-время, — яростно заспорила стрекоза, — но где жж-же все больш-шшие, нас-сстоящ-щие сстрр-стрр-рр-рекоз-ззы? Наверное, они тепер-ррь жж-живут только у сс-скал. Полетим к сс-скалам! Посмотр-трр-им!

— Подожди-жди! — крикнул Тимка стрекозе. — Придется вооружиться чем-нибудь! — пробормотал он себе под нос и после недолгого колебания взобрался на ближайшее дерево.

Дерево было настоящее, с сучьями. Он с трудом отломал большую сухую ветку, которая могла служить отличным копьём. В лесу приятно пахло хвоей и разогретой смолой. У многих больших деревьев внизу стволов виднелись светлые потеки желтой прозрачной, смолы. Ручейки смолы сливались внизу друг с другом, образуя огромные смоляные наплывы. Тимка подошел к одному из таких наплывов и вдруг увидел на его поверхности прилипшего большого комара.

— А вот еще насекомое, а внутри — в смоле — еще и еще! Да тут целое кладбище! Это же настоящая смоляная ловушка! И эта смола потом станет янтарем! — догадался Тимка и посмотрел на янтарный камень браслета.

В споре со стрекозой Тимка оказался прав. Сколько ни летали они над скалами, над лесом, над озерами, ни одной большой стрекозы так и не встретили. Зато раза три подвергались нападению со стороны птеродактилей, и только копьё Тимки помогло им избежать больших неприятностей.

Стрекоза выглядела сначала совершенно обескураженной: как же это так — она, властительница воздуха, должна от кого-то спасаться!

— Пор-рра лететь дальш-шше! Полетим скорр-ее отс-ссюда! Мо-жж-жет быть, в ддр-других мес-с-тах .мы встр-трр-етим настоящих стрекоз-зз! Трр-прр!

— Подожди-жди минуточку! — задержал ее Тимка. — Давай расспросим кого-нибудь! Вот сидит маленькая стр-рр-екоз-за! — И Тимка наклонился к стрекозе величиной с его ладонь, которая спокойно сидела у воды на торчащем сучке.

— Скаж-ж-жи, пож-ж-жж-алуиста, ж-ж-ивут ли здесь большие стрекоз-зз-ы? Такие, как эта? — И Тимка показал на сидевшую за его спиной гигантскую стрекозу.

— Нет! Трр! Что ты! Что ты! Зрр! — еле слышно прошелестела маленькая стрекоза. — Они ж-жили давно-давно, когда еще Не было летающих ящер-рров.

— Куда же они делис-ссь потом? — не унимался Тимка.

— Говорр-рят, сначала ящер-рры подкарауливали их в пещ-щце-рах во время ночевки и дождей — тогда было гораздо больше дождей и стрекозы могли жить надо всей землей, а не только около озер... Потом появились такие же летающие ящеры, какие жж-живут сс-сейчас-сс. Они-то и съели всех оставшихся больших сс-стрекоз-зз. Выж-жжили только сс-самые быс-сстрые и юр-рр-кие: кто ус-спе-вал улиз-ззнуть от ящер-рров. Самые быс-сстрые и юр-рр-кие и были с-самыми маленькими. Они откладывали маленькие яички, из них выводилис-ссь маленькие личинки, из маленьких личинок вылуплялись маленькие сс-стр-тррекоз-зз-ы. Я полетела, пррощ-щайте! Тьрр-прьрр! Бер-ррегитес-ссь ящ-щеров! — И маленькая стрекоза исчезла вдали.

— Слыш-шшала? — обратился Тимка к своей стрекозе. — Вот тебе и "сс-самые ссильные"! Нашлас-ссь и на вас-сс сс-сила! Не грр-грус-ссти! — Тимке стало жалко громадную стрекозу, понуро слушавшую рассказ маленькой. — Я думаю, скор-рро и ящ-щерам придетс-ся туго: должны появиться птицы. Ах да, ты еще не зз-знаешь, что это такое! Ну да ладно, увидишь еще. — И после недолгого молчания Тимка закончил: — Если долетим...

— Дер-ррж-жисс-сь, дер-ррж-жис-ссь! Полетели сс-скорр-рее! Трр-прр-рр! — сердито прошелестела стрекоза, больно хватая Тимку лапами. — Мне прр-прр-иказз-вано тебя тащ-щить! Пр-пр-прриказ-зз-но! Трр-прр!

Тимка еле успел схватить свое копьё.

Снова понеслись под ними леса, поляны, озера, скалы... Наступал вечер, и надо было где-то останавливаться на ночлег.

— Перр-рреночуем в этой пещер-ррке! — протрещала стрекоза, опускаясь у входа в небольшое углубление сбоку утеса, возвышающегося у самого берега большого озера. — Зз-здес-ссь, каж-жж-ется, никого нет.

Тимка на всякий случай сначала ткнул в темную глубину пещерки копьём. Здесь действительно никого не было, хотя резкий неприятный запах и куча помета на полу заставляли предполагать, что в ней кто-то бывал раньше. Но было уже поздно и искать другого пристанища просто не было времени. Тимка улегся у одного края пещеры, стрекоза прицепилась всеми шестью лапами за каменистую, с выступами противоположную стенку...

...Проснулся Тимка от сильного треска крыльев и еще какого-то шума. Сначала он не мог ничего понять в темноте; ясно было только, что стрекоза отчаянно бьет крыльями, а кто-то внизу пещеры громко сопит. Не раздумывая, Тимка схватил копьё — к счастью, оно оказалось под боком — и затрещал стрекозе:

— Поднимайся к потолку сс-скорр-рее! — и что есть силы стал наносить удары копьём туда, откуда слышалось сопение.

Раз! Два! Копьё то попадало во что-то мягкое, то впустую ударялось о стену пещеры. Наконец Тимка почувствовал, что прижал это "что-то мягкое" к противоположной стенке.

"Что же делать дальше? — стал лихорадочно соображать он. Кругом стояла кромешная тьма. — Если я отпущу копьё, враг либо бросится снова в атаку, либо убежит. И я никогда не узнаю, кто это... Ждать до утра в таком положении не хватит сил... Стрекоза не помощница: вон как дрожит, бедняга! Хорошо еще, что сидит уцепившись, наверное, за потолок".

— Осторр-рожд-жно! Держж-жись крепче! — предупредил Тимка стрекозу. — Отпускаю! — и осторожно ослабил нажим на копьё.

Существо, прижатое копьём к стене, тотчас же дернулось. Тимка почувствовал, как оно повернулось и выскользнуло из-под копьё. Раздался шорох мелких камней у входа, и наступила полная тишина, прерываемая лишь слабым треском стрекозиных крыльев.

До утра просидел Тимка с копьём наготове, ожидая нового нападения. Стрекоза тоже не решалась спуститься вниз и висела, уцепившись за потолок, слабо потрескивая крыльями.

Едва рассвело, Тимка принялся за осмотр места битвы. На полу кое-где виднелись следы крови, у стрекозы были сломаны две ноги, разорвано правое заднее крыло и сильно покусано длинное членистое брюшко. По следам зубов можно было думать, что нападавшее животное было размером с небольшую кошку. Никаких следов от лап на каменистой почве разглядеть не удалось.

— Я не могу лететь с-сс тобой, — жалобно затрещала стрекоза, — я не подниму тебя тр-рр-емя ногами и на тр-трр-ех уц-цц-елевших кр-крр-ыльях...

— Ну и не надо! — обрадовался Тимка. — Я сс-сам как-нибудь добер-ррюсь из этого времени к сс-себе. Лети сс-скорее обратно.

— Пр-рр-рожай! Трр-ррр! — только и расслышал Тимка. Еще долго черной точкой виделся вдали его живой вертолет, но вот и она исчезла.

— Пожалуй, надо пробираться к берегу водоема и искать других стрекоз, — решил Тимка, — сейчас я смогу говор-ррить только с ними...

Спуститься с крутого склона было трудным делом. Под ногами осыпались камни, несколько метров пришлось проехать на животе. Из одной расщелины, откуда доносился уже знакомый неприятный запах, он спугнул небольшого темно-серого зверька с коротким хвостом и длинной зубастой мордочкой. Тимка хотел схватить копьё, но вспомнил, что оставил его в пещере. Зверь тем временем исчез в другой расщелине, подальше.

"Наверное, вот такой и напал на нас ночью, — подумал он. — Странно, что я никогда раньше не слышал про такого зверя. Крыса — не крыса, кошка — не кошка..."

Наконец и подножие холма. Тимка определил, что от него до края озера не больше нескольких десятков метров. Он решительно направился к воде и... остановился как вкопанный! Долина, которая расстилалась перед ним ярким зеленым ковром, была настоящим лугом с настоящей травой и цветами.

— Так вот еще чем отличался лес и поляны в прошлом — там не было настоящей травы и разных цветов! — воскликнул Тимка с неожиданным удивлением. — И как это я раньше не заметил!

Тимка еще не знал, что все многообразие форм и окраски цветов в природе связано с тем, что цветы стараются привлечь побольше насекомых, чтобы те переносили их пыльцу.

Раньше, в прошлые исторические эпохи, действительно не было цветов, то есть цветковых растений, они возникли и распространились лишь потом, вместе с развитием огромного количества видов насекомых.

Над лужайкой недалеко от Тимки стремительно взлетела маленькая птица. Она гналась за стрекозой или бабочкой. Последний бросок был успешен — и вот она уже несет в клюве слабо трепыхающуюся добычу, садится на высокий прочный стебель конского щавеля и расклевывает ее, придерживая когтистой лапкой.

"Да, — подумал Тимка, — это тебе не ящер! От такой не спасешься быстротой да маневренностью. Тут уж приходится смотреть в оба... Интересно, как устроены глаза у стрекозы? У той большой, что тащила меня из доисторического времени, глаза вроде были очень большие и могли смотреть и вперед и в стороны. Эх, жалко, не посмотрел, как устроены глаза у той, средней стрекозы, что рассказала про гибель больших стрекоз. Ну да ладно, сейчас посмотрю на глаза этой мелюзги, вот только поймать бы хоть одну!"

Но поймать стрекозу, да еще без сачка, оказалось делом невозможным.

Откуда бы ни подкрадывался Тимка к сидящей стрекозе — сверху, сбоку, даже сзади, — она успевала вовремя взлететь и избегнуть опасности. Наконец он обратил внимание, что стрекозы часто присаживаются на травинки, стоящие совсем рядом с водой, а то и торчащие из воды. Некоторые из них спускались к самой воде и даже опускали кончик длинного брюшка в воду, задерживаясь в таком положении на несколько минут.

"Тут-то я вас и поймаю, голубчики!" — сообразил Тимка и занял наблюдательный пост около редких травинок, торчащих из мелкой воды у самого берега. Именно здесь, как он успел заметить, садилось много стрекоз. Прошло несколько минут, и — трр-пррр-пррр! — знакомое дребезжание крыльев раздалось над ним, и большая коричневая с синими полосами, идущими поперек груди и брюшка, стрекоза уселась на травинку. Травинка закачалась под ее тяжестью, стрекоза перелетела на соседнюю, более толстую, повернулась раза два-три, как будто проверяя ее прочность, и, тихонько перебирая лапками, спустилась к самой воде.

Подвинувшись совсем близко к ней, внимательно наблюдал Тимка, что же будет дальше.

— Опустила брюшко в воду! Вот здорово! Еще глубже! Водит кончиком брюшка по стеблю... Еще раз... Какое смешное яичко: длинное и тонкое! Ну вот теперь все ясно! Откладывает яйца на подводные растения. Тут-то я тебя и поймал!

Тимка быстрым движением схватил стрекозу, которая просто не обратила внимания на Тимку, поскольку была очень занята своим важным делом.

Тимка осторожно перехватил стрекозу поудобнее за сложенные крылышки и принялся рассматривать ее.

— Ну точно такая же, как и моя большая стрекоза! Такие же лапы с коготками и шипами, так же первые лапки поменьше, а последние самые большие... И брюшко такое же длинное, и крылья

такие же сетчатые, и челюсти такие же зубчатые и страшные... — И он мгновенно вспомнил, какие огромные челюсти были у "его" стрекозы. — А вот глаза чем отличаются? Глаза не похожие, не похожие... Эге, да они гораздо больше! Стоп, где же кончается один глаз и начинается другой? Глаза у нее занимают всю голову! Вот это да! — С восторгом открывал для себя Тимка все новые и новые подробности в строении стрекозы. — Такого у древних стрекоз не было — я бы обязательно заметил. Да и глазков в этих глазах стало гораздо больше! Так вот почему они такие глазастые! И как это я все раньше не видел, ведь сколько раз ловил стрекоз!

Стрекоза, которую Тимка держал в руке, тем временем всячески пыталась освободиться из плена. Она потрескивала сжатыми крылышками, сгибала и разгибала длинное брюшко, раскрывала рот и двигала челюстями.

— А теперь посмотрим, что делается с яйцами в воде. Я-то знаю, что большинство погибнет. Интересно было бы посмотреть, как из такого маленького яйца получается такая большая и красивая стрекоза? — И с этими словами он улегся на берегу реки, и его курносый нос почти опустился в воду.

Здесь, в воде, происходило нечто интересное. Маленькие и длинные яички, отложенные стрекозой, уже заметно увеличились в размерах, и скоро из них стали вылупляться крошечные личинки.

— Пока еще совсем не похожи на стрекозу, — отметил Тимка, — и какие они все разные! Есть зеленые, есть серые, а большинство совсем-совсем прозрачные. А, да тут, наверное, много личинок из яиц разных стрекоз? Хорошо бы посмотреть на них поближе.

Сказано — сделано! Раз — и Тимка выхватил в пригоршне воды сразу несколько мелких личинок. Рассмотреть подробно, как они устроены, было трудно: очень уж мелкие. Видны были только шесть лапок, большая голова и широкое толстое брюшко. Сверху каждая была покрыта тонким, но плотным слоем хитина.

"Как рыцарь в латах!" — подумал Тимка.

Пока он рассматривал своих пленников в ладонке, хитиновый покров на спине одной треснул, и из него показалось тело личинки. Оно было мягкое. Личинка, сильно ворочаясь, протиснулась сквозь узкую щель старой шкурки.

— Да она теперь большая! — вскрикнул с восторгом Тимка. — Ну конечно, гораздо больше!

И в самом деле: личинка с мягким еще панцирем оказалась заметно больше покинутой пустой шкурки. Внешность ее совершенно не изменилась: с такими же лапками, головой, брюшком... Но она стала чуть-чуть потолще и подлиннее. Пустая шкурка всплыла вверх и закачалась на поверхности воды.

— Так вот откуда берутся такие пустые чехольчики-шкурки! А я думал, кто-то высасывает личинок и выплевывает остатки! Вот бы посмотреть, как вылупляется сама стрекоза! У личинки-то нет крыльев, а у стрекозы они должны откуда-то появиться... — лежа на животе перед рекой, мечтал Тимка. Его глаза по привычке внимательно следили за всем происходящим в воде. — Надо, оказывается, смотреть и над водой! — с торжеством заключил Тимка, обнаружив большую серую личинку, карабкающуюся вверх по стебельку, торчащему из воды. Вот вылезшая личинка замерла...

— Лопнула, лопнула шкурка на спине! Стрекоза появляется! — зашептал Тимка, боясь помешать этому необыкновенному событию.

Но до стрекозы было еще, видно, далеко. Медленно-медленно появилась из трещинки грудь, потом стала видна голова с огромными полушариями глаз, одна за другой стали появляться лапки. Эти слабые пока, мягкие и светлые лапки кое-как уцепились за стебелек, и стрекоза замерла, отдыхая. Наконец вытащила она и длинное брюшко.

— Какая же это стрекоза? Где же у нее крылья? — с недоумением рассматривал Тимка появившееся бледное существо.

На спине, где должны быть крылья, прилепились беловатые мятые комочки. Прошло немного времени. Комочки вдруг распрямились и засверкали на солнце всеми цветами радуги! Это были четыре прекрасных новеньких крылышка. Стрекоза медленно, как будто училась ходить, переползла со стебелька на поверхность листа. Большая и красивая, замерла она, нежась в теплых лучах солнца.

И Тимка вместе со стрекозой, забыв обо всем, наслаждался покоем и тишиной. Но покой в природе всегда обманчив. Перелетевшая вдали с камышинки на камышинку небольшая коричневатая птица с желтыми продольными полосками на груди издали углядела греющуюся стрекозу и почувствовала, видно, лакомый кусочек.

"Ти-тит-тиии-чжиии!" — прокричала она свою боевую песню и бросилась на стрекозу.

— На этот раз оставайся голодной! — сердито закричал Тимка, быстро вскакивая на ноги.

Испуганная птица шарахнулась обратно в камыш. Тимка взглянул на лист, где только что сидела новенькая стрекоза. Но там уже никого не было.

"Ну и хорошо, — с грустью подумал он. — Надо отпустить поскорее и этих малявочек", — и осторожно опустил в воду ладошку, сложенную лодочкой. В ней осталось совсем мало воды: то ли расплескалась, то ли испарилась, пока он наблюдал, как стрекоза разворачивает и сушит крылья.

Тимка осторожно опустил личинок в воду. А в воде шла обычная жизнь: маленькие личинки грызли растения, побольше — ловили циклопов и дафний, еще побольше — ловили маленьких личинок, совсем большие — охотились на плавунцов, мальков рыб, головастиков.

Интересно было наблюдать, как большие стрекозиные личинки схватывают добычу. Затаится такая хищница под листочком и ждет. Вот мимо проскочил маленький подводный клоп. Быстрый рывок всего тела вперед — и в этот же момент из-под головы выбрасывается длинная складная зацепка с двумя подвижными зубчиками на конце. Заарканенная жертва ловко подтягивается к голове, под самые челюсти.

— Откуда во рту берется эта длинная, широкая лапа? Надо посмотреть!

Тимка, исхитрившись, подхватил одну из таких крупных затаившихся личинок. Она отчаянно кусалась, и он чуть было не бросил ее обратно в воду, но удержался и осторожно перехватил ее пинцетом поперек тела у головы.

— Ясно, что это такое! — вслух размышлял Тимка. — Губа, настоящая губа, а совсем не седьмая ножка! Ладно, ладно, не кусайся напрасно! Сейчас отпущу...

И с этими словами он бросил личинку в воду. Вместо того чтобы снова затаиться, личинка неожиданно стремительно да как-то толчками понеслась от берега.

— Вот это да! — только и смог сказать Тимка. — Ну и скорость! Как же она так может быстро плавать? Неужели гребет ножками с такой силой?

Загадка раскрылась неожиданно. Следующая схваченная личинка выпустила из кончика своего раздутого водой брюшка такую сильную струю воды, что та пролетела далеко за спину Тимки.

— Реактивный двигатель! — сообразил он и принялся тихонько пугать затаившихся личинок, наблюдал, как они улепетывают на полной скорости, то сжимая, то раздувая брюшко и взбаламучивая воду вокруг.

Великая игра жизни и смерти, которая каждую секунду происходит всюду в природе, теперь становилась все понятнее Тимке. Вот на маленьких стрекозиных личинок нападает большой плавунец. Те мечутся, стараясь укрыться от него, а плавунец хватается одну за другой. Всех подряд? Нет! Только зеленых, тех, кто оказался здесь хорошо заметным на фоне светловатого илистого дна. Полупрозрачные и светло-коричневые избежали гибели.

— Если они останутся жить здесь, на таком же илистом дне, то, может быть, им и удастся спастись от быстрых, но подслеповатых, видать, жуков... — размышляет Тимка. — А среди зеленых зарослей останутся жить только прозрачные или зеленоватые личинки? Надо проверить...

Отыскать у берега место, густо заросшее водяной зеленью, было нетрудно. Тимка принялся высматривать стрекозиных личинок.

— Вот большие, им ничего не страшно, они сами кого хочешь съедят, им можно быть и заметными... Ну правильно, я так и думал. — Тимка был в восторге от своего открытия. — Здесь остались

жить из маленьких личинок только зеленые! Если из этих зеленых выживет только одна и она превратится в стрекозу, которая будет откладывать яички, то все ее личинки будут зеленые? Так, наверное, и появились все незаметные гусеницы и паучки? Оставался жить только тот, кто был незаметным, или более ловким, или чем-нибудь полезным отличался от своих братьев и сестер... Правильно! И у древних стрекоз маленькие тоже выжили не случайно.

...Звонящая тишина охватила все вокруг. Пропала река, стрекозиные личинки, птичье пение и веяние ветерка. Тимка от неожиданности зажмурился, а когда через секунду раскрыл глаза, увидел стены пещеры Времен Года.

— Молодец, молодец, молодец, молодец! — услышал он голос Хранителя Вита и обернулся.

Хранитель-Повелитель в своем обычном костюме выходил прямо на осенней стены, раздвигая ветки бересклета с ярко-розовыми плодами.

— Очень, очень хорошо все идет! — Он подошел и, не давая сказать Тимке ни слова, быстро и деловито продолжал, будто читал по бумажке: — Знаешь, кого ты прижал своим копьём к стенке пещеры, когда дрался ночью? Это был настоящий зверь — в то время только такие звери и водились! Из них потом уж получились всякие белки, слоны да человеки. И еще молодец, — продолжал тем же деловым голосом старикашка, — что задавал себе много разных вопросов. Только так в природе и нужно бродить человеку: побольше вопросов, побольше вопросов... больше вопросов... вопросов... вол... сов...

С последними словами Хранитель Вит стал исчезать. Вот он побледнел, краски его костюма поблекли... Все прозрачнее, прозрачнее... Теперь вместо Вита висело облачко, которое растворилось в воздухе! Тимка даже дух не успел перевести.

— Фу ты, опять исчез, — рассердился он, — даже не дал ничего спросить ни разочка! Ну уж в следующий раз, как увижу его, обязательно спрошу обо всем непонятном.

В ГОСТЯХ У ХОХА

— Ну, а пока скорее искать следующую дверку! — И Тимка принялся рассматривать свой браслет.

Он задумчиво перебирал камень за камнем. Вот малахит с головастиком, вот яшма с силуэтом подорожника, вот агат темный и слегка прозрачный, больше всего похожий на глаз ворона, вот, наконец, мягкий и теплый янтарь с ма-аа-ленькой стрекозой в глубине, как живое напоминание о прошлой жизни Земли.

"Какой же выбрать дальше камень?" — размышлял Тимка. Рядом с янтарем искрился тонкими гранями, как слезинка, прозрачный кристалл горного хрусталя. Ему вдруг захотелось полизать его и пососать, как сосульку, — до того он был похож на кусок чистого льда.

А ведь хрусталь и в самом деле как льдинка! — воскликнул Тимка. — Ясно, придется искать на зимней стене. Тимка решительно направился было к зимней стене, но, взглянув на свои голые ноги в сандалиях, замедлил шаги.

— Чего боишься-то? Чего? — раздался веселый голос Хранителя Вита.

Тимка быстро обернулся, но в пещере по-прежнему он был один.

— Чего боишься, говорю? У воронов год прожил в сандалиях? Со стрекозой за миллионы лет слетал? Под водой с лягушками переквакивался?

Тимка продолжал нерешительно переступать с ноги на ногу, ожидая, что скажет еще голос. А старикашка уже разозлился, и в голосе слышались нетерпение и даже угроза:

— Ступай, говорю! Ищи дверки! — И поласковее закончил: — Пока ты с браслетом, не бойся ничего в моем царстве.

Снова в пещере наступила тишина. Делать нечего, шагнул Тимка к зимней стене.

Вот еловые ветки, терпко пахнувшие смолой, вот сугроб под ними. "Брр! А в сугробе-то холодно! Не может же быть дверка внутри сугроба? Нет, уж лучше снова посмотрю под еловыми лапами. Вот под этими, например, со снежными шапками..."

"Пинь-пинь!" — раздалось над Тимкой. Он поднял голову и увидел красногрудого снегиря, сидевшего на соседней ветке и, казалось, с одобрением кивающего Тимке. "Пинь-пинь!..."

— Ладно-ладно, сейчас найду, — пообещал ему Тимка и еще тщательнее стал рассматривать ветки. — Вот и она!

Дверка, как во много раз увеличенный горный хрусталь из браслета, сверкала и искрилась в мягком свете пещеры. Тимка даже помедлил, прежде чем начал искать место для камня-ключа. Полированные грани дверки вспыхивали то красными, то оранжевыми, то зелеными искрами, стоило лишь осторожно наклонить голову вправо или влево.

"Пинь-пинь! Открывай скорее!" — послышалось в песенке снегиря.

— В самом деле, чего медлить? — спохватился Тимка и приложил камень к дверке.

Тотчас раздался легкий мелодичный звон, как будто зазвучала сотня хрустальных колокольчиков, дверка распахнулась, и Тимка смело шагнул вперед...

Шагнул — и отпрянул назад: прямо к его ногам набежала большая волна мутной вешней воды, а за ней колыхался широкий весенний разлив. Противоположный берег реки или озера — Тимка не мог этого сразу определить — был виден еле заметной темной полоской. По воде кое-где проплывали расколотые и обтаявшие на солнце льдинки; вот проплыла какая-то старая корзина, а за ней — вывороченная с корнем береза. Тимка посмотрел вверх по течению, откуда плыли льдины и деревья, и увидел небольшую лодчонку странной формы. Сначала он ее принял за длинный обрубок ствола большого дерева. Но нет, вот и острый нос, и закругленная корма...

Все ближе и ближе лодка, как будто управляется чьей-то рукой. Вот она тихо закачалась прямо у самого берега, рядом с Тимкой. Не раздумывая, он прыгнул в нее. От толчка, наверное, лодка развернулась носом от берега и снова вошла в поток весенней воды, несущейся куда-то вдаль.

На дне лежало легкое короткое весло. Лодка оказалась очень странной. Вся она была сделана из одного ствола дерева, аккуратно выдолбленного изнутри; только на корме и на носу оставлены деревянные перемышки. Никаких скамеек внутри не было. Таких лодок Тимка еще не видал, но, что такие бывают, слышал. Он хотел было сесть на борт, но лодка так сильно накренилась, что еще одно мгновение — и Тимка оказался бы в воде.

— Так дело не пойдет, — решил он и тихонько уселся на сухое гладкое дно. — Попробую погрести руками! — И Тимка зашлепал ладонями по воде. Через несколько минут он увидел, что толку от такой гребли чуть, и остановился.

Руки онемели и покраснели от ледяной холодной воды. Но теперь им овладело упрямство. Во что бы то ни стало захотелось направить лодку во-о-он к тому далекому низкому островку. А течение, того и гляди, пронесет его дальше. Он взял в руки весло, осмотрел его.

— Разве это весло? Это деревянная лопата какая-то! — бормотал себе под нос Тимка.

Сидя на дне лодки, грести одним веслом то справа, то слева оказалось неудобно. Пришлось подвинуться вперед и встать на колени. Лодка начала крутиться от каждого гребка то вправо, то влево и опять почти не двигалась вперед. Да и корма высоко поднялась над водой. Заметив это, Тимка перебрался поближе к корме, а лотом и просто сел на нее. Лодка выпрямилась. Теперь и грести оказалось удобно: знай себе гребь с одной стороны да направляй иногда лопатой, как рулем.

— Так-то лучше, — обрадовался Тимка, обнаружив, что теперь лодка стала совсем послушной. — А ну-ка давай плыви к острову! — И несколькими сильными гребками он повернул свою долбленку к уже близкому островку.

Островок оказался необычным. Весенние воды нанесли сюда много мусора: коряги, небольшие деревья, прошлогодняя трава, пучки водорослей, ворох гнилого сена. Все это зацепилось за стволы старых коряжистых ив, затопленных разлившейся водой.

Лодка ткнулась носом в этот плавучий остров, который казался очень прочным и устойчивым, и замерла. Тимка осторожно встал и шагнул на ближайшую корягу. Островок даже не шелохнулся.

— Вот и хорошо. Отдохну немного на острове, а потом поплыву дальше. Ведь должен же я кого-то встретить здесь, за хрустальной дверкой! — Тимка поднес руку с браслетом к глазам, еще раз посмотрел на горный хрусталь. Искрится, переливается, молчит...

Вскоре Тимка выяснил, что он не один на плоту: на поверхности одного из стволов он увидел следы.

— Наверное, большая птица садилась! — предположил было Тимка, обнаружив на следах ясные отпечатки перепонки, соединяющей все пальцы. — Может быть, утка сидела? Или нет, не сидела, а ходила взад-вперед по бревну. Но откуда тогда этот длинный след, словно черточка от мокрой палки между ногами? Наверное, от хвоста... Длинного хвоста. Ну нет! У наших птиц такого длинного хвоста не бывает. Вот чудеса... — продолжал вслух рассуждать Тимка. — У птиц не может быть такого длинного хвоста, а у зверей с таким хвостом не может быть перепонки на лапах.

Тимка еще раз внимательно осмотрел плот. Цепочка следов шла от толстого ствола ивы. Ива была, видно, очень старая, с треснутой корой и двумя дуплами невысоко над водой. Нарушая закон следопыта — никогда не ходить по следам, а всегда рядом, — Тимка протопал по бревну со следами и подошел вплотную к иве. Чуть ниже его носа, в стволе дерева, виднелось широкое дупло. Тимка, конечно, засунул туда нос и потянул им воздух. На него пахло сыростью, прелым листом и еще особым запахом, вроде того, что иногда бывает в закрытых помещениях зоопарка. Тимка замер и прислушался, стараясь разглядеть в кромешной темноте что-нибудь.

"Ничего не видно! Но тут, наверное, кто-нибудь живет! Надо на всякий случай поздороваться!" — решил он, наученный вороном, и вслух громко произнес:

— Здравствуйте! Я Тимка, пришел из Пещеры Времен Года от Хранителя Вита!

Ответа не было, только какое-то шевеление слышалось в глубине дупла.

"Отойду и подожду! — решил Тимка. — Если никто не появится, сяду в лодку и поплыву дальше. Кого-то ведь должен я встретить в этом путешествии!"

— Вот меня ты и должен встретить! — не то профыркал, не то прочмокал какой-то длинный-длинный и волосатый нос, показавшийся из дупла.

На конце этого носа, вытянутого в настоящий хоботок, виднелись две маленькие ноздри. Нос беспрестанно шевелился, поворачиваясь из стороны в сторону, и потихоньку выдвигался из дупла. Вот уже появилась пушистая, волосатая голова с еле видными глазками, вот за край дупла зацепились передние маленькие лапы с коготками и натянутой между пальцами перепонкой, и вот, наконец, на краю дупла сидит небольшой серовато-бурый зверек с необыкновенно красивой шкуркой. Спинка у него темная, серовато-бурая с серебром, а все брюшко совершенно белое, чистенькое.

Зверь ловко спрыгнул на бревно к ногам Тимки.

— Ха-ха-ха! Так вот какой хвост оставлял эти мокрые следы! — не выдержал и расхохотался Тимка. — Ха-ха-ха!

Хвост и в самом деле был необыкновенный. Большой, во всю длину тела зверя, гладкий, у основания очень толстый, а к концу плоский, сжатый с боков и покрытый крупными чешуйками.

— Ты чего смеешься?

— Ты меня, конечно, извини, я не знаю, как тебя звать, но очень уж ты смешной: лапы как у утки, морда с хоботом как у слоненка, а сзади к тебе, наверное, приклеили раздавленную автомобилем змею? Ха-ха-ха! — надрывался Тимка.

— Хи-хи-хи! — вдруг услышал Тимка и увидел, как зверек присел на широкие задние лапы, поднял передние и замахал ими. — Посмотрите на это чучело! Кто это его так аккуратно выщипал? Почему он такой голый? И что это за нелепые выросты сверху и снизу? Зачем ему четыре хвоста? Представляю, как он барахтается в воде!

Тимка в первый момент решил, что за ним стоит кто-то такой нелепый и нескладный, над кем смеется зверек. Но в следующий же момент он понял, что зверь издевается над ним самим, и густо покраснел.

— Я никогда раньше не видал таких зверей, как ты, — стал было оправдываться Тимка.

— А я никогда раньше не разговаривала с такими влюбленными в себя Тимками, которые считают, что все должны быть устроены так, как они сами, — сердито перебил его тоненький голосок. — Я выхухоль, и меня зовут Хохуля, — продолжал зверек более мягко, — и нет ничего удивительного, что ты не видел выхухолей раньше. Мы стараемся не показываться на поверхности.

— Вы живете, как кроты, под землей?

— Нет! — пронзительно крикнула Хохуля и даже топнула от злости лапкой. — Кроты маленькие, а мы большие, кроты тонут, а мы любим плавать, кроты слепые, а мы с глазами, да и что тут объяснять без толку! — все более сердился маленький зверек. — Эй! Хох! Вылезай! Посмотри, до чего бывают глупые Тимки на свете.

— Я человек, а Тимка — мое имя, — наконец-то вставил Тимка словечко.

— Все равно глупые, если могут спутать нас с кротами! — откликнулся второй зверек, вылезая из дупла. — Здравствуй, Тимка, меня зовут Хох.

— Здравствуй, Хох! Почему вы здесь все такие сердитые?

— Здорово живем! Приходишь к нам, начинаешь над нами смеяться, потом не можешь даже узнать, кто мы и чем отличаемся от кротов, а еще спрашиваешь!

— Не буду больше смеяться, только расскажите, пожалуйста: вы всегда живете в дуплах? Да?

— Видал, сколько воды кругом? Видал? Знаешь, на сколько поднимается весной вода? Все наши норы затопило, вот и перебрались сюда, пока вода не уйдет, — миролюбиво объяснил Хох. — Ура! Хохуля! Вода убывает, скоро можно вернуться домой! — закончил он совсем радостно.

— Эй, Хох! А нам, пожалуй, и вправду пора направляться к дому! — вступила в разговор Хохуля. — Пока доберемся, глядишь, и вода спадет. А ты, Тимка, садись на свое пустое бревно и плыви за нами.

— Да он не поспеет, пожалуй, за нами-то! — зачмокал Хох.

— Ну тогда плыви во-о-н к тому берегу и около большой ольхи ищи нашу нору. Будем ждать тебя.

Заинтересованный новым знакомством, Тимка осторожно уселся в долбленку, схватил весло и с силой оттолкнулся от плота. Почти одновременно с ним два сереньких комка бесшумно соскользнули в воду.

Тем временем вода все убывала и убывала. Островок становился все больше. Когда Тимка подплыл к заметному издали большому кусту ольхи, он оказался около высокого берега старицы. Здесь было тихо, по-весеннему припекало солнце, земля быстро обсыхала.

— Теперь остается только найти нору! — сказал сам себе Тимка. — Пойду-ка я по берегу...

Недалеко от большой ольхи, на пригорке, он увидел двух копошащихся выхухолей. Вид у них, как он сразу же определил, подойдя ближе, был крайне расстроенный.

— Очень плохо! — встретил его Хох. — Весенние воды размывли нашу старую нору... Видишь, вся она раскрылась. Вот здесь, в этой ямке, было наше главное гнездо, а вот этот ход был запасной...

— Пойдем скорее, поищем другую нору, ты сделаешь там новое хорошее гнездо, — нетерпеливо перебила его Хохуля. — Забыл, что у меня скоро будут дети? Им нужна хорошая нора, теплая подстилка и крыша над головой.

— Могу я чем-нибудь помочь? — заботливо осведомился Тимка.

— Нет, чем же ты можешь помочь нам? Иди вдоль берега и жди нас.

Оба зверя погрузились в воду и исчезли. Тимка тихо побрел по берегу. У поворота ему преградил дорогу Хох, такой же чистенький и сухой, как будто он и не был только что в воде.

— Здесь мы будем жить! Здесь есть небольшая старая нора, я ее сейчас оборудую для нашего жилья, — объяснил он Тимке, — и если хочешь жить около нас, останавливайся здесь где-нибудь рядом.

— Обо мне не беспокойся, я как-нибудь устроюсь, — заверил его Тимка. — Лучше объясни мне, как это ты ухитришься вылезать из воды сухим?

— А ты разве не знаешь о моей железе? Некоторым она не нравится, говорят, что очень сильно пахнет! А мне так она очень нужна: выжму немножко смазки на лапку и расчесу весь мех — он и не намокает.

— Как у утки, — подхватил Тимка, — она тоже смазывает свои перья жиром!

— Э-э, нет! У меня не жир, а мускус, он получше жира. Это во-первых. А во-вторых, у меня очень много тоненьких извитых волос — пуховых, они удерживают воздух в шерсти и не дают воде смачивать кожу.

— Вот здорово! Значит, вы плаваете в воздушной шубе!

— Конечно! Ну, я поплыву расширять нору! Уж теперь-то я не пожалею сил и сделаю нору как следует — и глубокую и длинную!

Чтобы больше не размыло ее весной! — И Хох исчез в воде.

Тимка принялся за сооружение своего жилища. Он связал одним гибким прутom густой куст ивы наверху. Внутри куста, среди раздвинутых веток, набросал несколько охапок сухой травы, и такой же травой он аккуратно закрыл сверху свой шалаш. Получилось маленькое и совсем незаметное сооружение, да к тому же совсем рядом с берегом. Отсюда Тимке было очень удобно наблюдать за всем происходящим, оставаясь незамеченным.

Только Тимка кончил возиться с шалашом, как из воды показалась мордочка Хоха.

— Ну как, хорошо устроился? Мы с Хохулей славно поработали. Недаром все наши родичи называют меня крепколапым. — И, не дожидаясь ответа на свой вопрос, Хох снова скрылся.

Тимке было хорошо видно теперь в прозрачной, отстоявшейся после паводка воде, как веслами заработали широко растопыренные лапки, и Хох, ловко изгибаясь, стал круто спускаться в глубину. Вот он еле заметной темной тенью достиг дна, и тут Тимка увидел, что по илистому дну идет глубокая ложбинка. Зверек скользнул вдоль этой ложбинки и исчез.

— Так вот где вход в нору! Я, оказывается, живу прямо над ней! — воскликнул удивленный Тимка.

Он уселся поудобнее, обхватил коленки руками и задумался, наблюдая окрестности. День был тихий и ясный, ни ветерка, ни облачка. Вот из камышовых зарослей выплыла большая кряковая утка, а за ней десяток сереньких комочков. У Тимки опять появилось знакомое уже ощущение, что время для него и для всех остальных существ кругом идет совсем по-разному.

— Я приплыл на островок, наверное, с полчаса назад, а здесь кругом уже весна!

И, продолжая наблюдать за утиным семейством, подумал: "Как все дикие животные умеют затаиваться! Сколько уж времени я торчу на берегу, а никого, кроме Хоха, не видел!"

Утка важно плыла и разговаривала на ходу со своими детьми. Теперь Тимка не мог понимать птичьего языка, но было ясно, что мама-утка чему-то очень важному учила птенцов. Вот на корягу, совсем у ноги Тимки, выскочила неведомо откуда большая зеленая лягушка.

— Уж не мой ли это знакомый Ран? Эй! Ран! — попробовал было квакнуть Тимка. — Как живешь?

Лягушка настороженно посмотрела на него и ничего не ответила.

"Эх, жалко, забыл лягушачий язык! Видно, правильно мама говорила, что иностранный язык нужно учить регулярно и ежедневно повторять слова..." — сокрушенно подумал Тимка.

Резкий всплеск привлек его внимание. У камышей на воде расходились круги. В центре этих кругов торчала чья-то усатая морда. Морда внимательно посмотрела по сторонам и скрылась под водой.

— Морда не выхухоли, — сразу же определил Тимка, — может, это бобр или выдра? Хорошо бы еще раз вынырнула...

Но сколько Тимка ни вглядывался в камыши, морда больше не показывалась. Но вот легкий шорох сзади донесся до его слуха. Осторожно повернув голову, он увидел, что густая трава на берегу слегка заколыхалась. Небольшой бурый зверек с длинным и плоским хвостом вылез на кучку прошлогодней травы, лежащей у берега, и принялся грызть молодую камышинку, которую притащил во рту. Две короткие передние лапки прочно удерживали стебелек, а две пары больших резцов, как заводные, быстро-быстро отрезали от стебля кусочек за кусочком. Кусочки один за другим исчезали во рту.

— Это определенно не выхухоль! — окончательно убедился Тимка. — Рыжий, гораздо больше, нет хоботка и перепонки на лапках... Кто это может быть? Не бобр, не выдра — их-то я узнал бы. Посмотрим, что будет делать он дальше. — И Тимка замер на своем месте.

Ондатра — это была именно она — догрызла стебелек до конца и повернулась к воде. Немного помедлила, вошла в воду и нырнула. Сверху Тимка видел, как зверек поплыл сначала в одну сторону, потом в другую вдоль берега.

"Наверное, что-то ищет, — решил Тимка. — Ого, да она совсем рядом с канавкой, ведущей в нору Хоха!"

Ондатра, обнаружив вход в нору, замерла и как будто вынюхивала что-то, решая, как поступить. Вот она медленно, воровато двинулась к входу и, помедлив, юркнула внутрь.

Тимка вздрогнул и почувствовал что-то недоброе. Надо бы предупредить Хоха и Хохулю! Но как? Он вскочил на ноги, снова присел, побежал по берегу, схватил какую-то палку, вернулся...

— Эх, почему я сразу не прогнал этого зверя от норы? Ведь она больше, чем выхухоль, и наверное съест их! — волновался Тимка. — А может быть, это вовсе и не враг, а друг?

Тимка не переставал наблюдать за входом в нору.

И не зря. Из входа в нору показался сначала длинный плоский хвост ондатры; пятясь и будто тормозя растопыренными лапами, она медленно вылезла вся. Тотчас за ней высочили один за другим Хох и Хохуля. Поднявшаяся муть помешала Тимке рассмотреть подробности дальнейшего. Но вот на поверхности появилась усатая тупая морда. Выпученные глаза злобно поблескивали. Ондатра быстро плыла прямо к берегу. За ней неотступно следовали обе выхухоли. Одним сильным движением ондатра выпрыгнула из воды, и в ту же секунду Хох, немного отставший, вцепился в кончик ее хвоста. Ондатра взвизгнула, круто изогнулась и схватила Хоха за загривок. Но тут, подоспела вылезшая из воды Хохуля и что было силы дернула ондатру за короткое круглое ухо.

Ондатра разжала челюсти, чтобы встретить нового врага, и — рраз! — ухватила Хохулю за заднюю ногу. Ондатра явно чувствовала себя на земле более уверенно, чем выхухоли, и яростно дралась. Из ее рваного уха и хвоста текла кровь, но и Хохуля еле волочила прокусанную ногу, а Хох с трудом ворочал головой.

— Ну, кажется, дело принимает плохой оборот! Была не была! И Тимка, до того сидевший неподвижно и следивший за ходом

драки, бросился вперед, схватил ондатру за хвост, рывком поднял ее с земли. Изогнувшись кольцом, та сумела приподняться и вцепилась острыми зубами Тимке в палец.

— Ай!

От неожиданности и резкой боли Тимка машинально махнул рукой, стряхивая прицепившегося зверя, и освобожденная ондатра, пролетев дугой, шлепнулась на пригорке, как-то неуклюже повернулась и, волоча хвост и припадая на переднюю лапу, бросилась наутек.

С прокусанного насквозь Тимкиного пальца капала кровь. У воды сидели, расправляя лапками помятый в драке мех, Хох и Хохуля.

— Мы хорошо ее проучили! — радостно заверещала Хохуля.

— Теперь долго не сунется к нам, — поддержал ее Хох.

— Но она вас здорово покусала, — с огорчением сказал Тимка.

— Ничего страшного! Мы и не так еще дрались раньше! Прошлой весной мы еле-еле отстояли от ондатр свои норы, — расчесывая мех, объяснил Хох.

Хохуля между тем спустилась в воду и исчезла в норе.

— Так это была ондатра? — воскликнул Тимка.

— Да. Их становится здесь все больше и больше. Говорят, раньше их не было совсем, и на озерах нам никто не мешал жить. А теперь в драках с ними гибнет немало выхухолей. А нам и без того осталось мало удобных мест для жизни... — грустно продолжал Хох. — Все меньше тихих озер, все меньше лесистых берегов.

— А откуда взялись ондатры?

— Не знаю, их раньше не было в наших местах. Они пришли из других краев. Они сильные и злые и часто занимают наши норы.

— А что они едят?

— Хорошо, что только зелень. Это-то нас и спасает: если бы они съедали всю нашу пищу, нам пришлось бы совсем плохо.

"Надо обязательно спросить у Хранителя Вита, откуда взялись ондатры в наших озерах", — решил Тимка.

— Послушай, Хох, а куда так быстро убежала Хохуля?

— Разве ты не знаешь, что у нас родились дети? — удивился Хох. — Четыре замечательных маленьких выхухольки. И Хохуля должна все время быть около них, пока они такие слабые и крошечные.

— Ой, как я хочу посмотреть на них! — вырвалось у Тимки.

— Сейчас этого нельзя, но, может быть, через некоторое время... Когда у них откроются глаза и они все покроются шерстью, я попрошу Хохулю притащить тебе сюда посмотреть наших детей. Ты им не сделаешь ничего плохого?

— Конечно, нет! — с энтузиазмом завопил Тимка, обрадованный тем, что он сможет посмотреть на маленьких выхухолят. — Конечно, нет! Скажи, пожалуйста, Хохуле, что я очень-очень хочу поскорее посмотреть на ваших детей!

И вот однажды Тимка увидел, как из норы показалась выхухоль с двумя хвостами. Да, он не ошибся — из-под брюха Хохули торчал второй маленький хвостик. Хохуля направилась к берегу, и тут только Тимка рассмотрел, что, прочно обхватив своими маленькими лапками спину матери, на ней пристроился маленький выхухоленок. Он был совершенно такой же, как большая выхухоль — с белым брюхом, коричневатосеребристой спинкой, такими же перепончатыми лапками, длинным носом и чешуйчатым хвостом, — только вдвое меньше взрослого зверя.

— Посмотри за ним, а я сейчас принесу еще трех! — И Хохуля нырнула в воду, и вскоре еще три звереныша ворочались на берегу.

"Какие же они все разные, эти маленькие хохулята! — думал Тимка, рассматривая детенышей, которые копошились на берегу. — Издалека они все совершенно одинаковы, но у первого, что принесла Хохуля, передние лапы почти такие же большие, как задние... Наверное, ему такими лапами будет удобно бегать по земле! — определил Тимка. — А другой с таким широким и плоским хвостом, что уже сейчас он почти такой же, как у взрослой выхухоли, наверное, будет замечательно ловким пловцом..."

Один из детенышей был очень светлый: его спинка была почти такая же белая, как брюшко. Тимка знал, конечно, что есть белые крысы, белые мыши, но никогда не видел летом в природе совсем белых диких зверей.

— Ему, наверное, очень трудно будет дожить до зимы! — вдруг сообразил Тимка. — Его же отовсюду будет видно, бедненького... Не сдобровать ему. — И он с жалостью погладил маленького пушистенького хохуленка.

Последний детеныш ничем по виду не отличался. Зато по поведению его можно сразу же выделить среди всех — очень уж он был подвижный и игривый.

— Ты, наверное, будешь самым главным драчуном среди выхухолей и один на один будешь побеждать любую из ондатр! — решил Тимка.

Время шло. Была уже середина лета. Однажды во время прогулки по берегу озера Тимка недалеко от берега встретил еще одну выхухоль, которая раньше никогда здесь не жила. Он было подумал сначала, что это Хох или Хохуля, но оказалось, что это была совсем чужая выхухоль из другого места.

— Здесь место занято Хохом и Хохулей, — крикнул Тимка, — не мешай им выводить детей!

— Ты говоришь, как выхухоль, но не знаешь, что мы друг с другом не враждуем. Озеро, где я жил, высохло, и все мои родственники разошлись по другим озерам. Здесь хватит места и для меня.

И в самом деле, Хох и Хохуля, дети которых к этому времени подросли, охотно приняли нового жителя в свою нору. Теперь выхухоли часто выплывали из норы на охоту все вместе.

— Какие они симпатичные и добрые, эти выхухоли! — решил Тимка.

Как-то раз Тимке захотелось искупаться. Он нашел недалеко от шалаша небольшое озеро. Около берега было илисто, и только он зашел по колено в воду, как обнаружил пиявок, которые так и норовили присосаться к его ногам. А Тимка давно уже боялся пиявок. Он не мог сам понять почему — ничего больного они не делают, пососут немножко крови и отвалятся, даже врачи прописывают ставить пиявки, — и все же Тимка ужасно боялся пиявок. Нечего и говорить, что купание не состоялось.

— Хох! А к вашим хвостам не пристают пиявки? — вспомнив о своей попытке искупаться, спросил Тимка при очередном разговоре.

— Пиявки? Где они? Покажи-ка поскорее место, где много пиявок? Неужели ты не знаешь, что пиявки — наша любимая еда? Что же ты молчал раньше? — И Хох исчез в норе.

Через минуту на поверхности воды появились все пять мордочек. Они кровожадно поводили хоботками и радостно причмокивали, предвкушая что-то невероятно вкусное.

— Так ты говоришь, что сегодня у нас будет пир?

— Скорее! Веди нас туда, где живут пиявки! Много пиявок! Ура! Поедим! Почмокаем! — радостно вопили выхухоли.

Тимка даже немного растерялся от такого энтузиазма.

— Это место недалеко отсюда, за вашей старицей... — начал объяснять Тимка.

Но Хохуля прервала его:

— Веди,веди скорее, там разберемся!

И вот Тимка побежал, а выхухоли стайкой поплыли к дальнему концу старицы.

— Эй! Тимка! — высунул нос из воды Хох. — Где же пиявки?

— Да они вот здесь, за этим бугром! Там есть небольшое озерцо! Вылезайте из воды и пройдите еще немножко по земле!

Вся компания дружно вылезла на берег и засеменила за ним. Такие они были симпатичные, что Тимка нагнулся и осторожно подхватил беленького детеныша.

— Хохуля! Дай мне одного детеныша! Пусть он будет жить у меня дома! Я его не обижу и буду очень хорошо ухаживать!

— А у тебя дома есть озеро?

— Какое озеро? — не понял Тимка.

— Ну, большое озеро, со всякой вкусной пищей, с мягкими берегами, с илистым дном, с пиявками, со стрекозиными личинками...

— Нет, нет! У меня дома не водится пиявок. Зато у нас есть ванна с чистой водой.

— А какие берега у твоей ванны?

— У ванны нет берегов, у нее есть железные стенки.

— А где же можно копать норы? В железе хорошо выкапывать норы?

— Н-нет, в железе вам трудно будет выкопать нору...

— Ну вот видишь! Так куда же ты его возьмешь? Мне его, конечно, не жалко теперь; он уже подрос и может жить самостоятельно. Все равно скоро мы все разбежимся по водоемам и будем искать новых мест для жизни. Но я не отдам его тебе потому, что у тебя он скоро погибнет.

— Пришли! Приползли! Пришлепали! Приплюхались! — запищали на разные голоса четверо детенышей и, не дожидаясь команды старших, бросились в воду.

Это небольшое озеро, наверное, тоже было раньше старицей, но теперь обмелело, и вода сохранилась только в самой глубокой его части. Следом за молодыми бесшумно скользнули в воду и остальные выхухоли. Поверхность воды успокоилась, но только на одну минуту: вот показался один хоботок, вот блеснули восторженные глазки другого выхухоленька, вот послышалось громкое сопение Хоха:

— Какие они жирные! Какие крупные!

— Какие вкусные, какие мягкие! — вторили ему другие выхухоли.

Тимка принялся наблюдать, как же они хватают пиявок, которых, кстати сказать, совсем не было видно сегодня в озере. Но сколько ни рассматривал, не мог заметить движений выхухолей: их темные спинки совершенно сливались с темным дном и движения их были незаметны; и только изредка, когда какая-нибудь выхухоль поворачивалась набок, в глубине Тимка заметил легкую светлую тень. А вот белого выхухоленька можно было видеть очень хорошо. За ним-то и принялся наблюдать Тимка.

Вот он медленно, как будто крадучись, пробирается по самой поверхности дна, вот что-то привлекло его внимание вниз, и он принялся быстро поворачивать головой и поводить хоботком из стороны в сторону. Вот движения хоботка стали еще более быстрыми, они направлены теперь почти в одну точку. Задвигались лапки-весла, и голова зверя почти скрылась в густом иле. В облачке поднявшейся мути Тимка не мог рассмотреть, что же произошло дальше, но когда выхухоль отплыла в сторону, у нее из уголка рта свешивался хвост пиявки.

"Ах, вот зачем им такой хоботок! Без него плохо было бы выискивать всякую живность в иле", — подумал Тимка.

Наблюдая за Беленьким, Тимка не сразу заметил, как из воды вылезла Хохуля. Она подошла к нему, ткнула своим мягким мокрым носом в руку и положила около него здоровенную жирную пиявку:

— Ты тоже ешь!

— Я не ем пиявок! — в ужасе подпрыгнул Тимка. — Убери скорее эту гадость!

— Странно! Странно! Очень странно! Это же самая вкусная еда, какую только можно себе представить! Ну ладно, подожди! — И Хохуля вернулась в воду.

Прошло несколько минут, и из воды стали вылезать поодиночке все выхухоли и складывать у Тимкиной ноги на большом камне всякую всячину.

Беленький принес и гордо положил огромного прудовика — большую раковину, завитую спиралью. Длиннохвостик принес сразу несколько мотылей — личинок комаров. Веселый принес и с радостным похрюкиванием положил на камень лягушонка. Лягушонок еле двигал лапками и никак не мог прийти в себя после острых зубов выхухоленка. Наконец вылез Хох и торжественно притащил в зубах маленького золотого карасика.

— Ну, ты пока ешь это, а тем временем мы тебе еще принесем кое-что вкусное! — заверила Тимку Хохуля и отправилась к воде.

Через некоторое время на камне возвышалась копошащаяся горка из личинок, ручейников, стрекоз, раковин беззубок, перловиц. В этой же куче ворочались какие-то черные жуки, похожие на плавунцов, поблескивали крылышки стрекоз, извивались земляные червяки, а сверху этот "пирог" украшали белые корешки каких-то подводных растений.

— Спасибо, зверята! Но я совсем не хочу есть, — говорил растроганный Тимка, боявшийся отказом обидеть заботливых зверьков. — Да мне и не съесть этого!

Чтобы не обидеть зверей, Тимка сорвал большой лист лопуха и накрыл всю кучку, уверяя, что придет сюда специально, как только проголодается.

— Ну, попиروвали — и домой! — скомандовал Хох, потирая передними короткими лапками шерсть и похлопывая себя по заметно округлившемуся брюшку. — Завтра можно будет сюда прийти еще раз!

Вытянувшись цепочкой, хохули вперевалочку побежали через бугор, преграждающий путь к их родному озеру.

Уже давно высоко в небе черной точкой мелькала какая-то птица, кругами парившая над речной долиной. Тимка много раз раньше видел эту птицу, иногда и двух сразу, и уже привык к их присутствию. Это были черные коршуны, которых всегда можно узнать в полете по длинному хвосту с развилкой на конце. Пара этих птиц жила где-то неподалеку от реки, в густом прибрежном лесу.

"Киа-а! Киа-а!" — пронзительный крик пронесся над долиной. Так кричит черный коршун, заметив добычу,

"Интересно, кого же на этот раз высмотрел коршун?" — подумал было Тимка, разглядывая парящую птицу.

А она тем временем резко, по спирали, пошла вниз, ближе, ближе, ближе к земле. Когда до земли оставалось уже немного, птица сложила крылья и камнем стала падать прямо вниз.

"Хохулята!" — мелькнуло у Тимки, и он бросился вперед, размахивая руками и крича:

— Кыш! Кыш! Не смей! Прочь!

Только Тимкино вмешательство и спасло жизнь кому-то из выхухолей: почти коснувшись высокой травы, птица резко взмыла вверх.

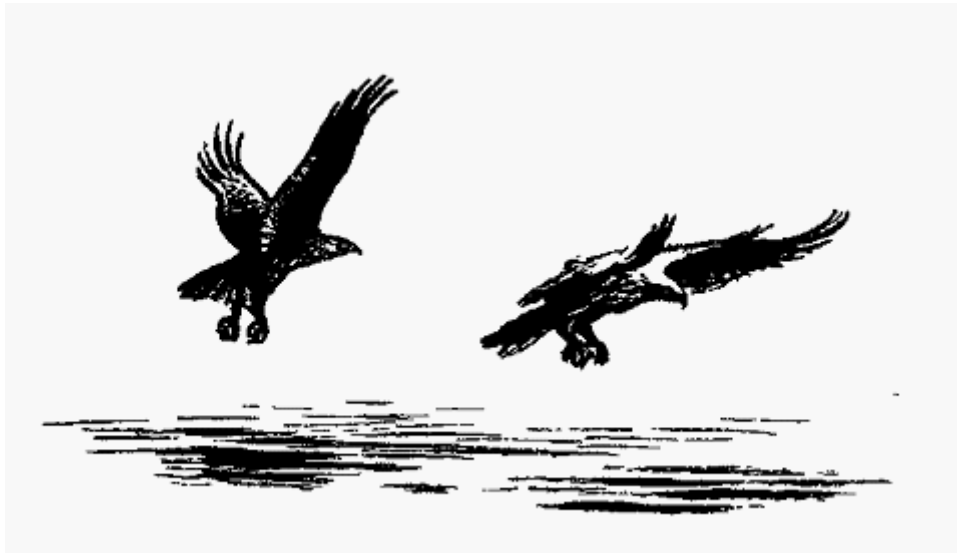
"Киу-киу!" — недовольно прокричал коршун. Разочарование и угроза слышались в этом крике.

К вечеру семья выхухолей снова отправилась на охоту, теперь уже в своем озере.

"Впрочем, какая же это охота? Все, что копошится на дне или в зарослях водорослей, они отправляют себе в рот. Это просто собирательство, как у пигмеев в Африке", — подумал Тимка. Пигмеев он видел по телевизору, в "Клубе кинопутешественников". Тимка любил смотреть эту передачу.

Сначала выхухоли плавали, как и обычно, почти у самого берега, где был Тимкин шалаш; потом их мордочки стали показываться все дальше и дальше. Наконец их уже трудно было рассмотреть вдали, только изредка белел вынырывающий Беленький.

Две тени пробежали по лугу около озера. Тимка вскинул голову и снова увидел двух черных коршунов. На этот раз коршуны настойчиво кружили над озером и опускались все ниже и ниже, как раз там, где плавали выхухоли.

"Эх, шугануть бы их так, чтобы они дорогу сюда забыли! — размышлял Тимка, с тревогой наблюдая маневры птиц. — Видно по всему, специально прилетели сюда, выбрав время, когда выхухоли вышли на кормежку".

Коршуны летали совсем низко над водой, стараясь определить, где же должна появиться для вдоха выхухоль. Но хитрые зверьки тоже почувствовали опасность. Они затаивались под водой на несколько минут, потом тихонечко поднимались к поверхности воды около какой-нибудь травки и высовывали лишь самый кончик носа, так, что никто не смог бы увидеть их со стороны. Сверху их тоже не было видно: темная спинка спасала их от глаз коршунов.

Но вот одна из птиц, выбросив вперед когтистые лапы, бросилась к воде. Там еще никого не было, но из глубины к поверхности медленно поднимался Беленький: у него кончился воздух. Его-то сверху и разглядел коршун и, точно рассчитав место, заранее бросился вниз.

...Легкий всплеск воды, тяжелый удар крыльями о воду, и вот Беленький извивается в лапах коршуна, тяжело поднимающегося над озером.

— Убийца! Вор! Бандит! — Слезы брызнули из глаз Тимки. Чувствуя свое полное бессилие, Тимка упал в траву и горько заплакал.

— Сейчас пойду в лес, — сквозь слезы кричал он вслед птице, — и задушу всех твоих голых, безобразных, кровожадных птенцов!

— Задушишь? — раздался спокойный шамкающий голос. — И тебе их не будет жалко? Не будет жалко? Быстро же ты забыл мой первый закон. Жизнь тяжела для всех. У черного коршуна и без тебя почти все дети погибли. Да, да, погибли. И не жалею Беленького. Не коршун, так лиса съели бы его, такого заметного. Он не приспособлен к жизни, не приспособлен! Вспомни, какие все разные родились выхухолята. Что бы ни случилось, кто-нибудь из них выживет. Не из этой, так из другой семьи.

— Так, значит. Беленький обязательно должен был погибнуть? — все еще всхлипывая, но уже успокоившись, спросил Тимка Хранителя Вита, который в своем обычном берестяном плаще и деревянных башмаках стоял рядом, опершись на сучковатую палку.

— Обязательно! Да ты сам подумай, — терпеливо растолковывал ему старикашка, — сам подумай, что получилось, если бы Беленький выжил? Завел бы свою семью и

оставил после себя таких же белых выхухолят? Не одну, а всех бы выхухолей тогда было очень хорошо видно хищникам, и съели бы тогда их всех... Вот так-то, милый. У меня уж такое правило в моем природном царстве: чуть-чуть не подходит для жизни — смерть тебе! Думаешь, кровожадное и беспощадное правило? Нет! Это только когда посмотришь сверху. А заглянешь подальше вперед — очень доброе, заботливое и нужное правило. Да, доброе и заботливое! Доброе не для твоего ненаглядного, единственного Беленького, а для всех выхухолей, для всех коршунов, для всех стрекоз, для всех живых! Ну да хватит тебя учить! — прервал себя Хранитель Вит. — Лучше сам смотри да мотай на ус, пока в моем царстве находишься да понимать язык моих жителей можешь. Давай-ка ищи другую дверцу, а я, пожалуй, пойду...

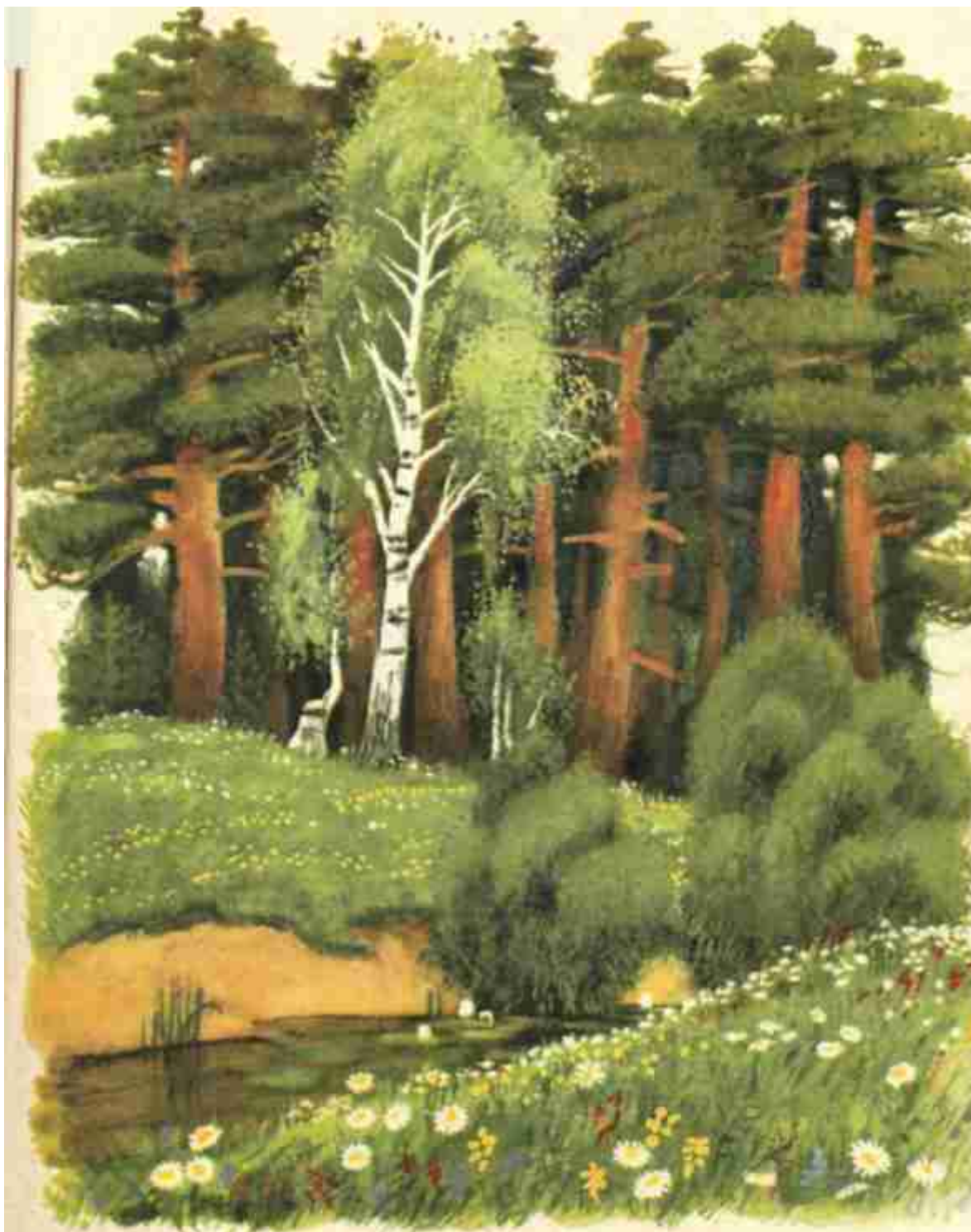
— Подождите, дедушка! — вспомнил Тимка про свои вопросы. — Подождите, пожалуйста! Мне очень хочется узнать, откуда взялись эти противные ондатры в наших озерах. Оказывается, раньше их не было здесь? И еще я не успел спросить, как же все-таки из больших стрекоз получились маленькие? И еще: почему в доисторические времена папоротники и хвощи были деревьями, а теперь стали травой? И еще: как...

— Подожди, подожди! Не тараторь понапрасну! — прервал его Хранитель Вит. — Про ондатру сразу же скажу: завезли ее люди к нам в озера да реки из далеких стран. А охранить от нее выхухоль — нашего исконного русского зверя и мех-то у которого получше, чем у ондатры, — не подумали. И мне-то с этой ондатрой мучение. И как они уживутся дальше, не знаю... Ну, а на остальные вопросы потом, сейчас мне некогда. Пошел я, пошел...

Старик стал уменьшаться, уменьшаться, его плащ из белого стал серым, спина покрылась густой шерстью, руки и ноги превратились в короткие лапки. И вот перед Тимкой уже не старик, а обыкновенная выхухоль. Она приветливо махнула Тимке хвостом, тихонько фыркнула и без всплеска погрузилась в воду.

Оглянулся Тимка, а он уж сидит в Пещере Времен Года и смотрит на озеро, что в уголке летней стены.

ЗНАКОМСТВО С ЛИСАМИ

Еще несколько минут вглядывался Тимка в озеро: не покажется ли там хоботок выхухоли, но оно было спокойно и неподвижно. Постепенно его снова охватила гнетущая тишина пещеры. Надо было действовать.

Тимка еще раз внимательно перебрал камни браслета. В глубине горного хрусталя он с радостью увидел четкий силуэт Хоха. Тот куда-то деловито плыл, гребя всеми лапками и подруливая хвостом.

Рядом с празднично сверкающим ожившим горным хрусталем был скромный непрозрачный камень. Овальной формы, без огранки, сильно выпуклый, он напоминал половинку спелого желудя и был почти того же цвета — золотисто-желтый. Особая прелесть камня заключалась в темно-коричневой узкой полоске, которая пересекала его вдоль, проходя по самой высокой его кривизне. Эта полоска придавала камню загадочность.

— Как точно назвали его тигровым глазом, — пробормотал Тимка вслух, и голос его гулко раздался под сводами пещеры. — Ума не приложу, где же искать такую глазастую дверку в пещере?

Немного помедлив, Тимка решительно направился к осенней стенке и принялся внимательно осматривать ворох красочных листьев.

— Нет, нет... и здесь нет... — ворчал он, но не терял надежды найти именно здесь нужную дверцу.

Чтобы удобнее было искать, он раздобыл небольшую палку и, как заправский грибник, стал разгребать все подозрительные кучки.

— Ага, попалась! — обрадовался было Тимка, почувствовав что-то круглое и твердое.

Он быстро присел на корточки и разгреб листья руками. Прямо перед ним торчала огромная коричневая шляпка белого гриба.

— Вот это гриб! — восхитился Тимка. — Но ты-то мне сейчас совсем не нужен... Вот если бы ты был дверкой из тигрового глаза... — И Тимка снова настойчиво принялся разгребать листья. — Ну, кажется, опять гриб! — решил он, почувствовав под листьями что-то твердое и круглое, но на всякий случай снова разгреб листья вокруг.

Там, как будто ехидно подмигивая, торчал большой каменный тигровый глаз, влажно поблескивая среди листьев. Найти маленькое углубление, вставить туда камень из браслета было минутным делом. Тимка чуть-чуть нажал камешек браслета в углублении дверки и...

"Рр-тяв! Тяв! Тяв!" — только и успел разобрать Тимка в обрушившемся на него шквале ударов и пинков.

Чьи-то когти полосовали ему спину и плечи, а острые зубы рвали рубашку, добираясь до шеи. В Тимке проснулся звериный инстинкт — он принялся в свою очередь рвать зубами кого-то мягкого, шерстистого и упругого, царапать ногтями горячую острую морду, стараясь оторвать от себя это сумасшедшее создание.

— Я Тим...! Тьфу! Тьпу! — отплевывался Тимка, не успевая что-нибудь сказать. — Я Тимка из Пещеры! Тьп, тьф! Меня послал... Тьпу!.. Хранитель Вит!

Наконец ему удалось с большим усилием оторвать от себя это существо. Не удержавшись, Тимка потерял равновесие и покатился по крутому склону вниз, увлекая за собой песок и царапаясь о колючие кустики.

Шлеп! — туча брызг взвилась над ручейком, струившимся по дну глубоченного лесистого оврага. Ошарашенный происшедшим, Тимка заплескался, пытаясь встать, а сверху до него донеслось:

— Уходи! И не приходи больше сюда! Знаю я вас! Сначала заманите, а потом пристрелите или свору собак напустите! Уходи! Убирайся! Не пущу к своей норе! Так и передай своему Хранителю! Тяв, тяв!

Тимке захотелось заплакать от негодования и злости. Он не сделал этой лисе — а это была именно лиса, с роскошным красным хвостом, темно-красной, почти коричневой спиной и нежным белым брюхом, — ничего плохого да и не собирался ничего замышлять против нее! И вот такой прием! Ныли царапины на спине и плечах, горели укусы на шее и груди, струйки крови запеклись на руках, покусанных лисицей.

"Пожалуй, надо убираться отсюда подобру-поздорову! — решил было Тимка, но тут же спохватился: — А как же приказание Хранителя Вита увидеть и понять все? Нет, отсюда уходить нельзя! Ну, а оставаться с этой бешеной лисой тоже невозможно", — спорил он сам с собой.

Он вылез на большой валун, лежавший посредине ручейка, и медленно приходил в себя, осматриваясь. С той стороны, откуда он скатился в ручей, склон оврага был не таким лесистым. Густые кусты орешника переплетались с невысокими рябинками и шиповником. Пониже, совсем у воды, в самой глубине оврага густые заросли малины и крапивы были промяты широкой полосой — здесь прокатился Тимка. Верх оврага зарос большими дубами и соснами. С другой стороны весь склон был покрыт густым лесом.

Тимка сообразил, что, открыв дверцу, он очутился у самого входа в лисью нору, что виднелась у основания сосны, росшей посредине склона оврага. Там была небольшая песчаная площадка, на которой теперь сидела лиса и, позевывая, довольно морщила

свою черную длинную мордочку. Спина у нее была огненно-красная, такого же цвета длинный пушистый хвост с белой кисточкой на конце сейчас спокойно свернулся колечком. Белая грудь переходила в такого же цвета чистенькое брюхо. Лапы, по крайней мере передние, которые были хорошо видны, совсем черные, будто обутые в сапожки.

"Ррр! Ти-уа-вв!" — мягко проворчала и тьякнула, совсем успокаиваясь, лиса. Это был, видимо, сигнал. В тот же момент из норы выглянули сразу пять маленьких черненьких мордочек.

— Придется пристроиться где-нибудь здесь, на безопасном расстоянии, и посмотреть, что будет дальше, — решил Тимка, осторожно поднимаясь с камня и карабкаясь на лесистый склон оврага.

Как он и рассчитывал, отсюда отлично был виден противоположный склон с лисьей норой.

— Сейчас вот найду удобное местечко, где тебя, злюка, будет видно как на ладони, а меня ты и не увидишь! — злорадно приговаривал он, оглядываясь кругом. — Вот это, кажется, то, что мне надо!

Ухватившись за обнаженные корни сосны, он ловко подтянулся вверх и оказался в небольшой песчаной яме, образованной под корнями старого дуба. Отсюда нора была хорошо видна, а Тимку прикрывали небольшие заросли малины. Чтобы лучше видеть нору, раздвинул несколько кустиков и выглянул в получившееся окно.

Нарушенная Тимкиным вторжением, жизнь лисьей семьи потекла своим чередом. И снова время чудесным образом раздвоилось — одно, нормальное, время текло для Тимки, а другое, словно уплотненное, убыстренное, — для всего окружающего. Вечерами Тимка наблюдал, как лис и лисица отправлялись на охоту. Возвращались они только под утро. Лисица, утомленная, разваливалась на площадке около норы, а лисовин выбирал себе место для отдыха где-нибудь поблизости. В это время из норы вылезали лисята и принимались играть. Со звонким тьяканьем, наскакивая друг на друга, прыгали по маме-лисице, кусали и тормозили ее за лапы, за уши, покусывали морду. Лиса как будто не обращала никакого внимания на эти игры, лежала, блаженно закрыв глаза и вытянувшись. Наконец, когда ей надоедала эта суматоха, она легко стряхивала малышей.

"Рр-тяв! Ррр-тявв!" Лисята замирали на месте, а лисица, тихонько ворча, уходила на два-три шага в сторону от площадки перед норой, ложилась под куст шиповника и продолжала сладко дремать. Тут наступало время игр лисят друг с другом.

"Урр! Урр! Тя-яяв! Ауув!" — кидались друг на друга, притворно сердито кусались, тьякали и злобно урчали лисята. Наигравшись досыта, они разбегались по сторонам площадки и, свесив языки и глубоко дыша, ложились отдыхать.

Очень скоро Тимка научился различать всех лисят. Особенно выделялся один крупный лисенок, который неизменно во время драк оказывался победителем. Он же отличался и особенно неугомонным нравом: когда другие лисята, лежа и высунув языки, млели на солнце, он всегда исследовал окрестности — то, наострив уши, разыскивал стрекочущего где-то рядом кузнечика, то выкапывал какой-то корешок на склоне, то до изнеможения пытался забраться на косо растущий ствол сосны. Не дожидаясь уроков матери, этот лисенок — Тимка назвал его Курносый за особенно вздернутый нос — первым бросался на полузадушенных землероек и полевок, которых приносили малышам, когда те немного подросли и их надо было учить охотиться.

"Что заметил Курносый на этот раз?" — спрашивал себя Тимка, внимательно наблюдая за затаившимся в траве лисенком.

А тот ловко прыгал и схватывал кузнечика, пытавшегося скакнуть подальше.

"Чамк!" — только облизнулся Курносый.

— Ага! Вкусный оказался кузнечик, — решил Тимка.

Потом уж, глядя на Курносого, принялись за ловлю кузнечиков и другие лисята. А Курносый тем временем опять придумал новую игру — ловить бабочек.

Скок — и мимо! Скок — и мимо! Но не унывает Курносый, упрямый оказался. Скок! Есть! Только крылья от крапивницы полетели в разные стороны. Однако бабочка не по вкусу пришлась лисенку. Перестал он за ними гоняться. Теперь сидит облизывается около цветущей таволги. А на ее белой шапке несколько пчел копошится, не бояться совсем Курносого.

Щелк! — сразу трех пчел зажал Курносый во рту.

— Ай! Тицай! Тицаф! Ай-ай! — Он завизжал, закрутился на месте, трясая головой с раскрытым ртом. — Тью! Тьфу! Ай-ай-ай! — Глаза вытаращил, по земле начал кататься. Больно ему, а кто обид чик — непонятно. Такие маленькие пчелки разве могут так кусаться?

Встревоженная стоном лисенка, мать-лисица поднялась со своего места.

— Тяв! Тяв! Что случилось? Пчела укусила? — И назидательно добавила: — Так тебе и надо! Учись уму-разуму. Тяв!

Но и тут Курносый не раскис. Катался-катался по земле, стонал-стонал да и обнаружил, что боль сразу же утихает, если нос в мягкую землю зарыть! Уж потом он вдоволь посмеялся над своими братцами и сестричками, мучавшимися от пчелиных укусов. А сам больше пчел без дела никогда не схватывал. Но что всего больше удивило Тимку, наблюдавшего за этим Курносым, так это то, что он всегда оказывался самым послушным из всех лисят. Стоило матери тревожно тьякнуть, как Курносый первым стрелой бросался к норе и первым скрывался в ее спасительной черноте; стоило матери призывно тьякнуть, как Курносый первым оказывался возле нее.

Старый лисовин не принимал участия в играх малышей, но Тимка видел, как он внимательно наблюдал издалика, со своей лежки, за ними, готовый броситься на всякого, кто посмеет нарушить их покой.

"Да, за такими беспечными лисятами нужно наблюдать внимательно!" — не раз думал Тимка, видя, как тот или другой лисенок бесстрашно носится по склону оврага, с каждым днем все дальше и дальше убегая из-под надзора родителей.

С особенной опаской наблюдал Тимка за появляющимся время от времени над оврагом большим ястребом-тетеревятником: он-то хорошо запомнил теперь, после нападения на выхухолена Беленького, какими опасными могут быть хищные птицы. Но то, что знал Тимка, еще не знали маленькие лисята...

Темная тень пробежала по склону оврага и на мгновение остановилась над лисьим семейством, беспечно игравшим на солнышке.

— Урр! Урр! — Лисица едва успела тревожно зарычать.

И только Курносый метнулся стрелой к кусту шиповника. Остальные лисята испуганно прижались к земле, распластались и недоуменно глазели по сторонам. В воздухе послышалось легкое стремительное шуршание, темная тень как будто упала с неба и накрыла собою одного из лисят. Приглушенный визг, треск крыльев, яростное тьяканье лисицы и злобное ворчание старого лиса слились для Тимки в один клубок звуков.

— Я так и знал, — прошептал Тимка, наблюдая, как громадная птица тяжело поднималась все выше и выше, держа в лапах безжизненное желтое тельце одного из лисят. Как это ни странно, но Тимка не особенно расстроился. — Сейчас в этой борьбе за жизнь победил ястреб, а завтра, кто знает, может быть, и лисица!

Четыре оставшихся лисенка сбились в кучу и поспешно залезли в нору, а разъяренная мать еще долго прыгала вверх и злобно тьякала. Во все следующие дня, вылезая из норы, играя на песке, охотясь за полевками или занимаясь ловлей насекомых, лисята нет-нет да и поглядывали на небо.

Но жизнь шла, и скоро пережитый страх был забыт. Лисята сильно подросли и снова уходили все дальше от норы. И вот наконец они стали ходить по вечерам на Охоту

самостоятельно. Тимке видно было, что мать и отец издали сопровождали их, но тем не менее подросшие лисята теперь стали уже вполне самостоятельными.

"Урра!" — обрадовался Тимка, увидев первую крупную добычу, притащенную Курносым.

Это была серая куропатка, которую Курносый схватил, когда она сидела на гнезде. И принес добычу к норе совсем так, как приносили убитых птиц отец и мать — с перекусанной шеей, закинув на плечи, волоча крыльями по земле. Потом и другие лисята стали приносить кто водяную крысу, кто полевок или мелких птиц.

— Ну, вот уж это ты зря принес! — осуждающе пробормотал Тимка, увидев однажды утром, как один из самых маленьких лисят притащил большую белую курицу, похищенную в ближайшей деревне. — Теперь-то люди узнают, что поблизости есть лисицы, и вам придется плохо! — с огорчением предположил Тимка, и он не ошибся.

Взрослые лисы, когда возвращались к норе, всегда приходили не прямо, а делая большие круги около норы, запутывая следы, и в самом конце пути скакали по камешкам ручья. Так же поступали, по примеру родителей, и все молодые лисы. Но в этот раз, когда Воришка — так окрестил его Тимка — притащил курицу, он появился прямо с той стороны, откуда по утрам и вечерам слышалось пение петухов и изредка доносился лай собак. День прошел тихо, и Тимка совсем было успокоился. На следующее утро он с ужасом увидел, что Воришка снова принес курицу и снова появился прямо со стороны деревни. Воришка принялся разрывать курицу на куски чуть поодаль от норы, где вчера разорвал первую. Мать-лисица недовольно заворчала на него. Скоро почти весь склон оврага покрылся легкими белыми перьями, которые так и летели из-под клыков и лап Воришки.

"Убегайте отсюда, пока не поздно! — хотелось крикнуть Тимке лисьему семейству. — Убегайте, пока не поздно!" Тимка хорошо знал, что люди не прощают зверям и птицам вторжения в свои владения, и был уверен, что час расплаты за воровство близок. Так оно и случилось...

— Уррр! Внимание! — Старая лисица настороженно подняла уши, прислушиваясь.

Насторожился и разлегшийся было в тени сосны недалеко от норы Курносый. Далеко-далеко заливисто залаяли собаки. Первым вскочил старый лис и решительно направился прямо в ту сторону, где лаяли собаки.

"Хочет увести их от норы", — догадался Тимка. И действительно, скоро собачий лай удалился куда-то в сторону и совсем затих. Лисица успокоенно опустила голову на лапы. Она не знала еще, что, кроме собак, на их поиск пошли и охотники-следопыты.

Эти охотники давно знали, что в заросшем густым лесом глубоком овраге несколько лет назад были лисьи норы. И сейчас они прямоком направились к оврагу, оставив собак бегать за хитрым лисом.

И опять первой услышала опасность мать-лисица. Она еще не знала, насколько серьезна эта опасность — появление людей в лесу. Изредка в лесу встречались люди, но они никогда не забирались в густо заросший овраг. Может быть, и на этот раз они пройдут мимо? Лисята внимательно следили за матерью, тоже настороженные и немного испуганные.

"Урр! Внимание! Опасность!" Треск сучьев послышался совсем близко. Больше медлить было нельзя.

"Тяв! Рр-тяв! За мной!" — только и сказала лисица и решительно бросилась прочь от норы в противоположную сторону. Но лисята пока оставались на месте. Еще не было в их жизни случая, чтобы родная нора не укрыла их от опасности. Лисица остановилась на секунду и призывно тявкнула еще раз.

"Рр-тяявв! Р-явв! За мной! Скорее!" Словно подброшенные пружиной, за ней ринулись Курносый и еще один лисенок. Двое других нерешительно тронулись сначала за матерью, а потом остановились, жалобно заскулили и шмыгнули один за другим в темное отверстие норы. Все затихло.

Тимке вдруг захотелось быстро спуститься вниз и выгнать лисят из норы, выгнать их оттуда прочь, отправить их за матерью. Но руки и ноги сделались ватными и не слушались. Так часто бывает во сне: хочешь бежать от опасности, а не можешь сдвинуться с места.

— Вот где живут эти разбойники! — раздался мужской голос, и на полянку у норы вышел высокий человек с ружьем за плечами.

За ним появился второй с плотно набитым рюкзаком и лопатой в руках.

— Да, тут доказательство налицо, — поддержал он первого, оглядывая усеянную белыми перьями окрестность норы. — А вот и нора!

— Наверное, пустая, — предположил первый, с ружьем.

— Сейчас посмотрим! — откликнулся второй, снимая с плеч рюкзак и аккуратно распуская завязку.

Из рюкзака тотчас выпрыгнул небольшой лохматый пес, белый, с рыжим пятном на правой стороне головы. Голова у него была странная — почти квадратной формы, как будто обрубленный впереди клин. Коротенький хвост вертелся со скоростью пропеллера из стороны в сторону. Но вот пес решительно бросился к норе и, чуть помедлив у входа, ловко прямо-таки ввернулся внутрь.

— Кажется, что-то есть! Не зря я выпросил этого фокса в городе! — Высокий охотник прислушался к звукам, доносившимся из-под земли, и потянулся за ружьем, прислоненным к стволу дерева, росшего неподалеку.

— погоди, не стреляй, Митрич: попробуем взять живьем, — предложил тот, что принес собаку.

Шум в норе приближался из глубины к входу. Рычание, приглушенная возня — и вот из норы показался хвост лисицы, а затем она и сама выползла, яростно отбиваясь от наседавшего на нее пса. Оказавшись на поверхности, лисица рванулась в сторону и хотела было пуститься наутек, но фокстерьер, мгновенно изловчившись, схватил ее за горло. Так и накрыли их обоих плащом, крепко прижали лисицу к земле, с трудом оторвали от нее вцепившегося фокса. Лисенок извивался, пытался укусить людей, но его судьба была решена: крепкая тесемка опутала передние и задние ноги и затянулась мертвым узлом на морде.

— А ну полезай-ка теперь в мешок! — приговаривал высокий, запихивая спеленатого лисенка в рюкзак.

— Митрич! Смотри-ка: в норе, верно, еще лиса осталась!

И в самом деле, фокстерьер, не успев даже немного поотдышаться, снова рванулся и исчез в темном отверстии. Тимка с тяжелым чувством наблюдал всю эту картину: он уже предвидел исход неравного поединка.

— Вот и лопата не понадобилась, — удовлетворенно проговорил низенький, плотно увязывая мешок с двумя лисятами. — За две курицы — два лисенка, не так уж плохо!

— Малых-то взяли, а старые ушли, да, видать, и других молодых с собой увели! — проговорил высокий, собирая разбросанные около норы вещи. — Ну да ладно, в этом году лисы больше сюда не вернутся, это уж точно!

Через некоторое время снова, и теперь уже надолго, установилась тишина около разоренного лисьего логова.

Выбрался Тимка из своего убежища и еще раз удивился, как быстро кругом шло время: казалось, еще пять минут назад было позднее лето, а вот уже пожелтели березовые листья, и земля уже прихвачена первым морозцем.

"Как же мне узнать, что делается теперь с моими лисятами?" — подумал было Тимка, пробираясь через густой молодой ельник.

Здесь, под густыми еловыми ветками, было совсем-совсем темно. Но вот ельник остался позади, а в лесу было по-прежнему темно. Взглянул Тимка на небо и поежился: громадная свинцовая туча закрыла весь небосвод, острый, пронизывающий ветер раскачивал вершины голых берез, шумел еловыми лапами. Вот мелькнули первые снежинки и посыпались, понеслись по лесу, аккуратно покрывая белой пеленой все вокруг. Снег шел и час, и другой, и всю ночь, а наутро весь лес стоял неестественно тихий и неподвижный.

— Ну вот и замечательно! — обрадовался Тимка, ничуть не испугавшийся этого белого безмолвия. — Теперь-то я найду своих лисят!

Говоря так, он вспомнил, как они с папой каждый год старались попасть из города в лес сразу после первого снегопада и как папа учил его азбуке зимнего леса. Конечно, Тимка еще не был отличником или даже "хорошистом", как иногда называли в его школе четверочников, но разобрать, где пробежала лиса, он мог уверенно.

— Тут уж не запутаешься... — бормотал Тимка, выглядывая среди деревьев, не мелькнет ли где-нибудь такая заметная цепочка лисьих следов.

Немало пришлось исколесить ему лесных гривок, косогоров и оврагов, пока наконец он не нашел того, что хотел, — ровную цепочку следов. Да, сомнений не было: здесь совсем недавно прошла лиса. То, что прошла лиса, а не собака, по следу определить было совсем не трудно — аккуратно, след в след, ступали лапки, и все отпечатки как будто по ниточке выведены вдоль одной линии, а две передних подушечки с коготками чуть отставлены вперед от трех задних.

— След небольшой, видно, лиса молодая, — размышлял Тимка. — Придется пойти по следу, иначе ничего не увидишь.

Говоря так, Тимка, конечно, подражал отцу, который спокойно и уверенно разбирался в лесных следах, и всегда все получалось, как он говорил. Тимка сначала не верил, что можно догнать лису или зайца по следу, но они вместе с отцом не раз это делали потом, чтобы полюбоваться издали на охотящуюся лису или вышугнуть зайца из чащобы.

Прошел Тимка аккуратно около следа с полкилометра и вы шел на опушку леса. Здесь ровная строчка кончилась. По следам было видно, как зверь бросался то в одну, то в другую сторону, разрывал лапами тонкий снежок и еще не особенно мерзлую землю.

"Мышковала..." — опять по-взрослому и с удовольствием, что правильно разобрался, подумал Тимка, увидев следы охоты за мышами. Здесь действительно лисица хорошенько поохотилась на колонии полевых мышей, сильно размножившихся этой осенью.

И тут Тимке повезло. Пока он раздумывал, что делать дальше, чтобы побыстрее встретить лису, она сама пожаловала к нему в гости. В разгар охоты она на время потеряла осторожность и случайно оказалась совсем близко от опушки, где замер Тимка. Да, сомнения больше не оставалось: это был Курносый, тот самый лисенок, который тогда следом за матерью убежал от охотников, пришедших к норе. Какой он стал большой и красивый! Только вздернутый нос остался такой же смешной и заметный. И тут Тимке пришла в голову счастливая мысль поговорить с Курносым.

— Тяв-тяв! — затыкал Тимка неожиданно для себя звонким голосом. — Тяв-тяв!

Лисица вздрогнула, метнулась было в сторону, потом настороженно остановилась, повернулась носом к Тимке и чуть опустила голову набок.

— Тяв-тяв! Я Тимка! Здравствуй, Курносый! Я так рад, что снова встретил тебя живым и здоровым! Тявв!

— Рр! Ти-яв-лв! Я ведь не знаю тебя! Чего тебе нужно от меня? Тия-вв! Рр! Откуда ты знаешь наш язык? — недоверчиво оттявкнулся лис.

— Я пришел от Хранителя Вита и давно знаю тебя. Тяв! Еще с тех пор, как ты — тяв-тяв! — играл с другими лисятами у норы в овраге.

— Урр! Так это ты привел охотников к норе? Ррр! — подозрительно и все более настораживаясь, спросил лис. Шерсть на его загривке слегка приподнялась и теперь грозно топорщилась. Оскаленная морда смотрела на Тимку.

— Нет-нет! Охотников привел к норе твой глупый брат, который стащил курицу в деревне! Помнишь, сколько белых перьев летало у норы? Тявв!

— Тяв-тяв! Мы все тоже так решили, — немного успокоился Курносый. — Но что ты хочешь от меня? Р-яв!

— Где твой брат и родители?

— Брат и мать погибли от какой-то страшной болезни. У них выпали волосы, шуба стала холодной, а все тело сильно чесалось. Я боялся к ним подходить. Тяв! Тяврр! Отец ушел в другие места, и я его давно не встречал. Теперь здесь хозяин я! Тя-тяв! — И лис гордо выпрямился и мотнул хвостом из стороны в сторону. — Не подходи ко мне! Тя-тяв-тявв! — И лис отпрыгнул от направившегося было в его сторону Тимки. — Я терпеть не могу всяких двуногих с их ружьями, собаками, капканами! Я не боюсь тебя, но не доверяю тебе и твоему Хранителю Виту. Прощай! Тяв-авау-ай! — И, решительно повернувшись, Курносый большими прыжками понесся прочь.

"Вот так поговорили! — обиженно подумал Тимка. — Так я, пожалуй, никогда не вернусь в пещеру".

— Ну вот это уж напрасно, — раздался знакомый голос рядом с Тимкой, затем что-то пронеслось мимо него и шлепнулось на землю рядом с лисом.

Еще мгновение, и лис, жалобно скуля, повернулся к Тимке и, поджав хвост, затрусил к нему рысцой. На его спине, уютно устроившись, сидел Хранитель Вит в своем неизменном берестяном плаще.

— Это уж ты напрасно путаешь меня с людьми, — повторил он еще раз, теперь уже определенно обращаясь к Курносому. — Вот люди, те действительно часто портят природу, не задумываясь ни о завтрашнем дне, ни о жизни своих внуков и правнуков. А мы с тобой, — тут старик потрепал Курносого за ухо и ласково щелкнул по носу, — мы с тобой и есть та самая живая природа, которая все свои сегодняшние заботы меряет завтрашней меркой. Вот ты уродился и смелым, и на ученье податливым, и осторожным в меру — вот и принимайся к жизни, ищи для себя подругу, размножайся. Научился мышковать получше, так будь уверен, найдется и полевка, которая от твоего носа укроется, и тетеревишка, который от тебя спасется. В их потомстве еще похитрее твари встретятся и с твоими будущими лисятами потягутся: кто кого победит в борьбе за жизнь? Вот так без конца живое изменяется да изменяется. А я слежу за всем этим делом

да радуюсь, когда что-нибудь не только новое, но я толковое получается... Ну, беги теперь. — И Хранитель Вит приподнялся, чуть взлетел и опустился рядом с Тимкой.

Но Курносый, вместо того чтобы стремглав улепетнуть подальше, медленно подошел к Тимке и сел рядом с ним на снег, внимательно рассматривая во все глаза Хранителя Вита.

"Как будто привязали его глаза туда!" — мелькнуло у Тимки.

Лис сидел теперь совсем рядом, и рука Тимки сама собой осторожно подвинулась и что есть мочи схватила его за пушистый рыжий хвост.

"Рртявь! Ррав-тяв!" И Курносый, обернувшись, вцепился сильными зубами в руку. Тимка отпустил лисий хвост и отдернул руку. Старик как будто и не обратил внимания на потасовку, только погладил Курносого по голове и сказал:

— Молодец! Будь всегда начеку! А теперь — беги! Живо! — И уже обращаясь к Тимке: — Ты зачем его трогал? Помешал тебе его хвост, что ли? Получил по заслугам. Хулиганов мой браслет не защищает. Имей это в виду на будущее. Слышал, что я лисице рассказывал? Слышал? Хорошо! Это я не столько Курносому, сколько тебе говорил. За храброе поведение с лисицами да за находчивость твою за этой дверкой. Конечно, это ты уже и сам знаешь, только еще не сложилось у тебя в голове все. Ну давай действуй дальше, глядишь, все же удастся хорошего человека из тебя смастерить!

Хорошего,
полезного,
нужного,
не вредного!
Хорошего,
полезного,
нужно...
не вред..го!
...рошего,
поле...го... —

затих голосишко Хранителя Вита.

"Куда же он пропал? Что еще за новые фокусы?" — заволновался Тимка. Бросился он к тому месту, где только что стоял Хранитель Вит, — до самой земли в снегу воронка, а в земле — отверстие небольшое, и из него парок даже вьется. Нагнулся Тимка к самой дырочке — побольше она стала. Попробовал засунуть туда голову — пролезла свободно. Недолго думая Тимка спрыгнул в яму. Видит — и дальше ход есть. Он смело пополз дальше. А ход прямо вниз идет, и далеко внизу светлое пятно виднеется. Тимке хочется поскорее до него добраться, спешит, от стен отталкивается. Но вот ход расширился, и полетел Тимка прямо вниз головой куда-то в пустоту.

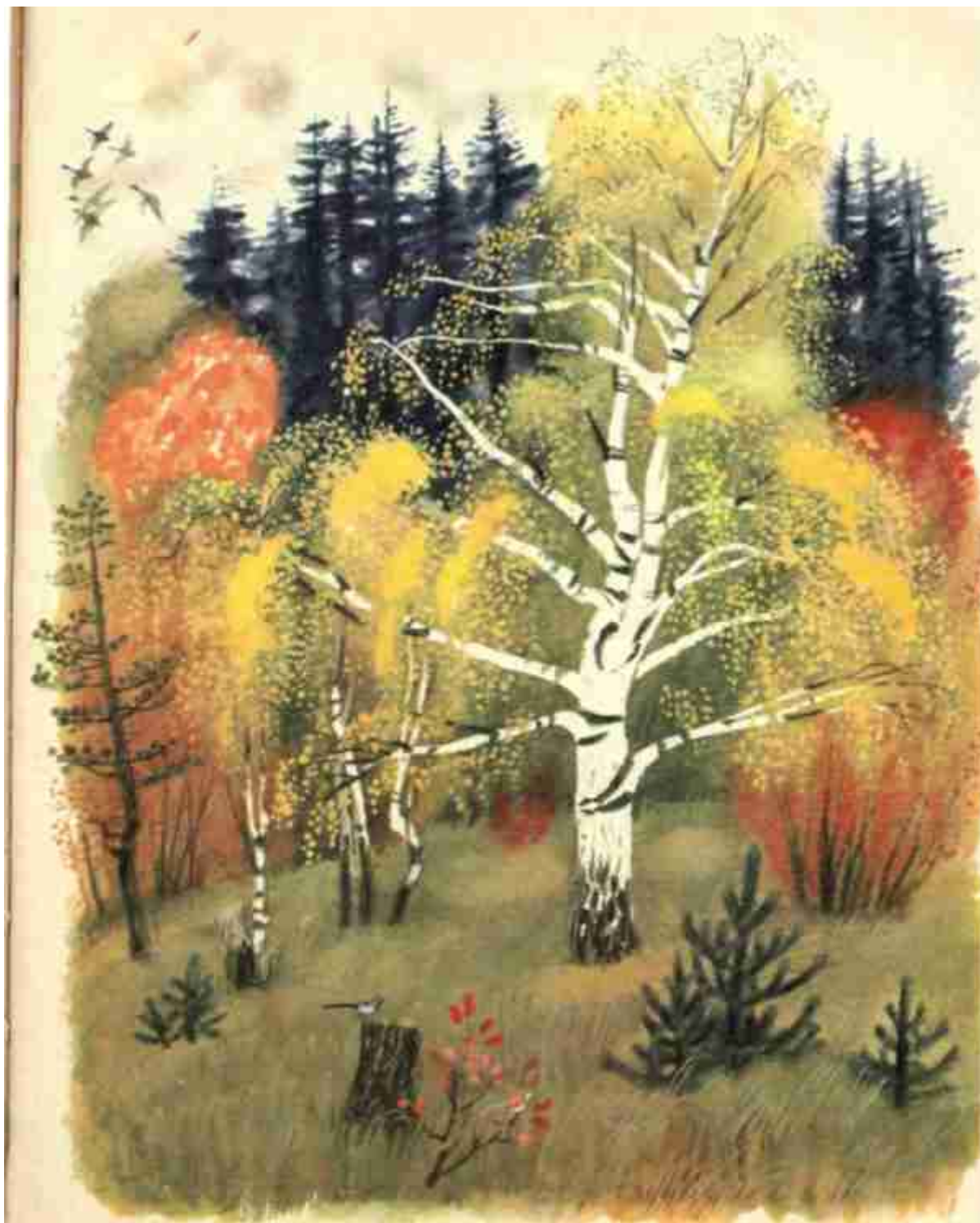
"Как Алиса в Кроличьей норе, — мелькнуло в голове. — Сейчас попаду тоже, наверное, в Страну Чудес".

Шлеп! — Тимка с размаху шмякнулся на мягкий моховой пол в Пещере Времен Года.

Рука у Тимки болела. В тех местах, где прошлись зубы Курносого, запеклись капельки крови. Но злобы не было в душе. Он даже не особенно жалел, что схватил лиса за хвост: ему так давно хотелось подержаться за лисий хвост, не упускать же такой удачный случай!

— Но главное — я, кажется, понял, как изменяется все кругом: родился хитрый лисенок или ловкая стрекоза, и они оставят после себя таких же детей. Но эти дети будут бороться за жизнь тоже с хитрыми существами, которые только и выжили среди жуков, мышей, птиц. Вот здорово! — продолжал восторженно размышлять Тимка. — Пройдет несколько поколений, и все могут измениться! Лисы заставят изменяться мышей, а мыши — лис!!!

СТРАШНАЯ ЛЕСТНИЦА

— Ну, будем считать, что и второй класс моей школы ты окончил, — задумчиво прошамкал Хранитель Вит, стоя посредине Пещеры Времен Года. — Теперь пора и в третий класс, — продолжал старик. — Придется мне, пожалуй, на время отложить кое-какие свои дела и отправиться вместе с тобой. Да-да, в третий класс вместе с тобой! Ну-ка, какой там у тебя следующий камень в браслете? Голубой сапфир? Очень хорошо... Просто прекрасно... Сейчас и я такой достану, сейчас... — Он полез рукой под плащ и вытащил сделанную из точно такого голубого сапфира небольшую палочку, размером со столовую вилку.

Хранитель вспрыгнул на березовый пенек, торчащий из пола, смешно помотал ножками, повернулся к Тимке спиной и, как будто дирижируя невидимым оркестром, начал плавно размахивать рукой с зажатой в ней палочкой. От палочки разлетались вокруг мягкие голубые полосы света, и в пещере стало все голубоватым. У основания пенька что-то скрипнуло, и зеленый, покрытый мягким мохом пол пещеры начал медленно уползать в сторону, открывая начало широкой каменной лестнице, ведущей глубоко вниз.

— Вперед! — приказал старик Тимке, указывая рукой с палочкой, и первый побежал вниз по полированным широким ступеням.

Не раздумывая Тимка поспешил за ним.

Прямая, без поворотов и площадок лестница спускалась, казалось, в бесконечность. Справа и слева от лестницы ничего не было видно; и тут только Тимка сообразил, что лестница светится неярким мягким голубоватым светом.

"Как будто из луны сделана", — подумал Тимка.

— Ну и не из луны вовсе, — вздрогнул Тимка от голоса Хранителя, который, не оглядываясь, стучал деревянными башмаками не много впереди. — Не из луны, из селенита она — лунного камня, значит. А светиться ее я специально заставил... чтобы не спотыкаться, не спотыкаться...

Они спускались глубже и глубже. Время от времени лестницу пересекали небольшие площадки, сбоку от которых скорее угадывались, чем виднелись какие-то громады, слышались непонятные шорохи и звуки, доносились странные запахи: вот явственно послышался шум леса, вот донеслось журчание ручья, бегущего по камням, тревожно застрекотала где-то сорока... Тимка решительно ничего не понимал.

— Ну, начнем, пожалуй, отсюда. — Старик резко остановился, и Тимка чуть было не врезался в него с разгона.

Они стояли на очередной небольшой площадке лестницы. Слева слышался шелест набегавших на берег волн. Один шаг навстречу этим звукам — и Тимку ослепил дневной свет.

Они стояли на самом берегу небольшого каменистого острова, справа и слева от них берег уходил далеко в море, образуя глубокую и тихую бухту. Из воды тут и там поднимались большие то округлые, то острозубые скалы. У самой воды скалы густо обросли раковинами, водорослями.

Старик быстро поднес к губам деревянную свистульку, которая висела у него на шее, и пронзительно свистнул дважды: "Фью-ить! Фью-ии-ить!" Затем опустился на колени и стал внимательно всматриваться в прозрачную глубину. Тимка последовал его примеру. В темной холодной воде плавно покачивались огромные лентообразные водоросли; то там, то здесь проносились небольшие рыбешки. И вдруг откуда-то из глубины, раздвигая заросли морской капусты, поднялось очень странное существо. Оно приблизилось к берегу, высунуло морду и спокойно положило голову на мокрый камень у самых ног Хранителя Вита.

— Здравствуй, капустница! — И старикашка ласково погладил

зверя по голове.

Это был очень большой зверь длиной с легковую машину. Больше всего Тимка поразила его кожа — корявая и шишковатая, как будто огромный кусок спекшегося шлака. Голова, по сравнению с огромным туловищем, казалась очень маленькой. Вместо носа было подобие небольшого хобота, верхняя губа спускалась складкой вниз, она была покрыта белыми толстыми щетинами, ушей не было видно. Хранитель легонько почесал зверя в том месте, где должна была бы быть шея, и капустница стала сползать в глубину. Только тут Тимка заметил две ноги или нет, скорее две руки с ма-аленькими копытцами вместо пальцев. Животное, ловко перебирая по прибрежным камням этими руками, сползало глубже и глубже. Вот оно развернулось, будто демонстрировало себя во всей красе.

— А где же задние ноги? — не выдержал Тимка. — И почему у нее дельфиний хвост? Кто это?

Но старикашка приложил палец к губам и взглядом показал направо. Тимка повернулся, чтобы взглянуть на берег, и вздрогнул от неожиданности: совсем рядом с ними на каменистом берегу группа бородатых людей, одетых в какие-то длиннополые одежды, сталкивала в воду большой неуклюжий челн!

Хранитель сделал предостерегающий жест рукой и тихо проговорил:

— Ничего у них не спрашивай... Они нас не видят. Смотри внимательно и все запоминай.

Лодка тем временем отошла от берега и под сильными ударами весел вышла на чистую воду недалеко от группы скал. Здесь люди перестали грести и принялись что-то высматривать кругом, потом снова заработали веслами. Тут и Тимка увидел на поверхности чью-то большую темноватую спину. Она то появлялась, то скрывалась в набегавших небольших волнах. Зверь, видно, не торопился уходить. Время от времени над водой появлялась усатая голова, с шумом выдыхая порцию воздуха и вдыхая свежий.

— Это же та капустаница, которую я только что видел! — прошептал чуть слышно Тимка.

Лодка подошла почти вплотную к зверю, и тогда человек, стоящий на носу, размахнулся и с силой воткнул ему в бок длинную палку с блеснувшим на конце металлическим лезвием. Гребцы дружно налегли на весла, и лодка быстро отошла от животного, которое принялось с силой сгибаться и бить широким плоским хвостом по поверхности воды. Постепенно удары становились все слабее и наконец совсем прекратились. Люди на лодке, видимо только и ожидавшие этого момента, принялись ловить безжизненную тушу и, привязав ее у основания широкого хвоста, стали медленно и с видимым трудом подгребать к берегу. Тут только Тимка обратил внимание на разбросанные на берегу кровавые куски мяса, костей и внутренностей. Тем временем к месту причала лодки бежало еще несколько человек, радостно крича и размахивая большими ножами, видно готовясь разделывать убитое животное.

Тимке стало не по себе от этого кровавого зрелища.

— Пойдем отсюда, — повернулся он к Хранителю Виту, — я не хочу больше смотреть, как убивают тюленей.

— Если бы тюленей... — как-то сумрачно откликнулся тот. И вдруг неожиданно резко и громко вскрикнул, обращаясь прямо к Тимке; — Всего двадцать семь лет! Двадцать семь лет понадобилось, чтобы истребить эту беззащитную морскую корову! Совсем! До единой!

Помолчал, словно спорил сам с собой, и сильной рукой схватил Тимку за плечо:

— Ну скажи, мешала она кому-нибудь? Нет! Лучше стало вам, когда ее истребили? — И сам ответил: — Конечно, хуже! Смотри-ка, сколько теперь водорослей будет зря расти на скалах! Да здесь десятки тысяч морских коров могли бы кормиться морской капустой! Разводи, промышляй, да только с умом...

Помолчал, волосы на бороде, разлетевшиеся было в стороны, немножко улеглись, хотя то и дело с них все еще слетали белые искорки.

— Ладно, хватит, пошли дальше... И ведь не дикари же были эти, как их, землепроходцы, первооткрыватели, мореплаватели, — снова начал кипятиться Вит. — Варвары они были, вар-ва-ры! Вот кто! Хуже дикарей! Дикари хоть и поглупее, да у них оружия никакого не было серьезного... Ну, теперь пойдем посмотрим еще что-нибудь. Рядом здесь, рядом...

В следующее мгновение Тимка и старикашка стояли на площадке лестницы. После яркого дневного света здесь казалось совсем темно.

— Дедушка, — начал Тимка, — а где мы сейчас были? Где жили морские коровы?

Тимка уже понял, что они только что побывали где-то в прошлом и видели то, что еще не видел в наше время ни один человек на Земле.

Тимке было жалко этих беззащитных и неповоротливых морских коров, и он шумно шмыгал носом.

— "Где, где"! — передразнил он Тимку. — На кудыкиной горе! Сначала все испортят, а потом охают да ахают, а то и совсем позабудут, что сами сотворили! — И, внезапно успокаиваясь, уже тихо объяснял: — Про Тихий океан слышал? Берингово море знаешь? Вот на

острове Беринга мы и были... Чего носом шмыгаешь? Слезами делу не поможешь, не поможешь. Поздно... Пошли дальше. — И старик проворно застучал по ступенькам вниз.

Тимка умел быстрее всех в классе бегать по лестнице, и в школе ему не раз попадало от дежурных старшеклассников, но тут он едва поспевал за своим повелителем.

— Стоп! Кажется, здесь. И помни: нас никто не видит, разговаривать бесполезно. Ну пошли... — сказал старик и исчез.

Тимка нерешительно двинулся в темноту. Вот кончается освещенная голубым мерцающим светом каменная площадка, еще шаг в непроглядную темноту и... Он оказался в обыкновенном густом лесу. Оглянувшись быстро кругом, не бежит ли кто-нибудь, — нет, вроде никого не видно. Тихо в осеннем лесу, стоят буровато-желтые дубы, трепещут красные осиновые листочки, темнеет еловая непролазная зелень, ноги заплетаются в высокой некошенной траве. Лес как лес, хоть иди грибы ищи, как где-нибудь недалеко от Москвы, на Пахре, где Тимка часто с мамой и папой собирал грибы. Однако чувство тревоги не покидало Тимку.

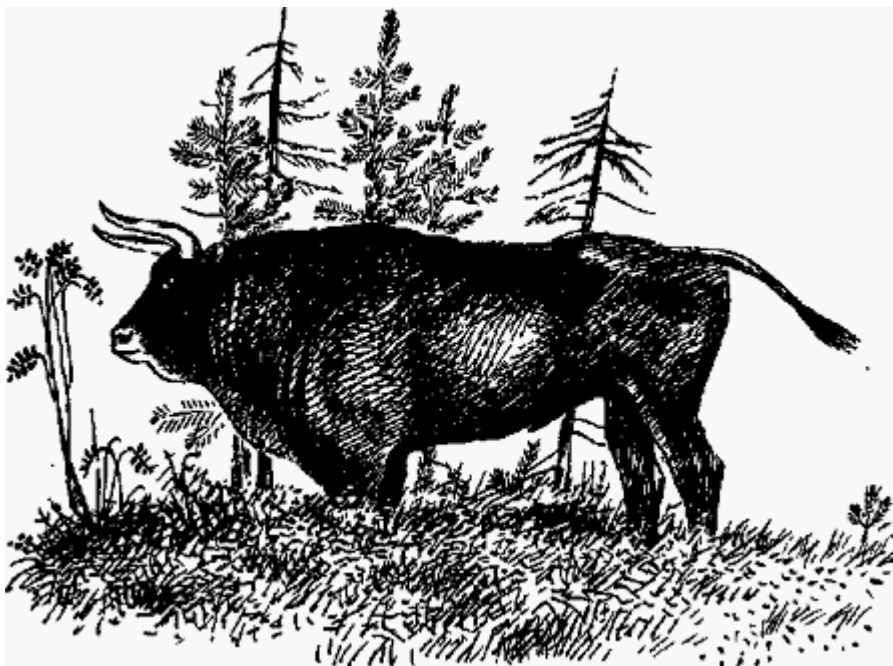
"Ведь не зря же я попал сюда — наверное, опять должен появиться кто-то уже совсем вымерший. Но кто же мог жить в наших лесах раньше? Все звери мне знакомы: зайцы, лисы, волки, белки, лоси, барсуки, всякая мелкая мышиная живность, да землеройки, да ласки и куницы... — лихорадочно перебирал в уме Тимка. — Кто же еще жил раньше? Лес совсем как у нас: видно, я недалеко оказался от нашего времени... — размышлял Тимка, постепенно успокаиваясь. — И все же я, пожалуй, лучше подожду немного", — решил он и оглянувшись, ища какого-нибудь уютного уголка на этой лесной полянке.

Но не успел он сделать и шагу, как услышал треск сучьев и нарастающий топот тяжелых ног.

"Лишь бы не мамонт", — почему-то непроизвольно мелькнуло в голове Тимки. К счастью, это действительно был не мамонт, а "кто-то" размером с лошадь или корову.

— А, лось... — разочарованно протянул было Тимка, заметив мелькнувшие между деревьями длинные рога, и тут же вспомнил, что такие острые, неветвистые рога не бывают у лося.

"Зубр! — понял Тимка и похолодел от страха. Он знал, что зубры страшны в ярости и без всякого промедления бросаются на любого, кто потревожит их покой. — Будь что будет, останусь стоять неподвижно, где есть", — решил Тимка, с тревогой наблюдая за выбежавшим на поляну зверем.

Черно-бурые, покрытые короткой шерстью бока его вздымались от быстрого дыхания; длинный и, как показалось Тимке, голый хвост все время находился в движении, хлопая то по одному, то по другому боку; наверху крупной и широкой головы расходились в разные стороны острые; гладкие длинные рога. Их кончики были направлены вверх и вперед. Что-то удивительно знакомое почудилось Тимке во всем облике этого зверя. А тот с явным любопытством уставился на Тимку, чуть нагнув голову и скосив большой черный глаз. При виде этого большого и черного глаза Тимка приободрился.

— Ты не зубр, — тихонько проговорил он, — у зубра длинная шерсть и маленькие сердитые глаза. Я, помню, видел его в зоопарке. Кто же ты тогда?

От звуков Тимкиного голоса зверь вздрогнул, сначала чуть больше нагнул голову, потом поднял ее вверх, вытянул шею и... замычал, раскрывал рот.

"Ммм-ы! Ммы!" — низкий утробный звук разнесся над лесом.

И откуда-то издалека раздался ответный крик:

"Ммы! Му-у!"

— Дикая корова! Вот это да! — обрадовался Тимка и, совсем забыв об опасности, шагнул навстречу этому черному быку.

Но тот мгновенно метнулся в сторону, фыркнул недовольно и вломился в густые заросли кустов. Через секунду только удаляющийся треск сучьев напоминал о происшедшем на полянке.

Неведомо откуда появился Хранитель Вит в своей обычной одежде и встал рядом. Посматривает на Тимку внимательно.

— Видал? Выли и такие звери в наших лесах. Были, да сплыли! Последнего-то убили на королевской охоте в 1627 году. Все! Как не бывало! А впрочем, от этих-то хоть следочек для вас остался: все ваши коровы пошли от таких туров. А сколько зверья да птицы бесследно уничтожил человек в своем невежестве! Даже мне сосчитать трудно... И какое зверье погибло! Цены бы им сегодня у вас не было. Лелеяли бы да выхаживали бы теперь, ан нет: ни одного не осталось... не осталось... Пойдем-ка, покажу кое-что еще.

Старик круто повернулся, взмахнул рукой, и они тотчас очутились на ступенях той же самой светящейся лестницы. Несколько ступеней вниз прошли молча. И вот, как и в прошлый раз, один только шаг в сторону от освещенной площадки лестницы волшебным образом изменил все вокруг?

Тимка сначала опять не понял, где он. Тянул теплый ветерок. Странные высокие существа сновали в сумрачном вечернем свете, Вот одно из них промчалось почти рядом, обдав густым смрадным потным запахом. Тимка едва успел рассмотреть это создание: что-то вроде большого волосатого человека или обезьяны на двух ногах. В руках — если эти толстенные волосатые конечности можно было назвать руками — оно держало громадный камень. Пыхтя от напряжения, оно тащило этот камень куда-то вперед, туда же спешили еще и еще такие же существа. То тут, то там раздавались короткие гортанные крики, низкого тона мычание, громкое сопенье и хмыканье. Тимка с Хранителем медленно и осторожно двинулись вперед за этими волосатыми чудищами и подошли к крутому обрыву. Внизу, на глубине нескольких метров, было дно глубокого каменистого оврага, наверное, русло небольшой речки. Там, внизу, медленно шевелилось что-то большое и бурое, и на эту-то шевелящуюся тушу и сбрасывались один за другим камни.

"Да ведь это же охота на мамонта! — вдруг догадался Тимка. — Я видел такую картинку в музее".

— Вот именно на мамонта! — подхватил старик, опять подслушав Тимкины мысли. — Тут охота, там охота — глядишь, через десяточек тысяч лет и не осталось на Земле мамонтов...

— Но ведь он такой большой и сильный и, наверное, редко попадает в ловушки! — попробовал было возразить Тимка.

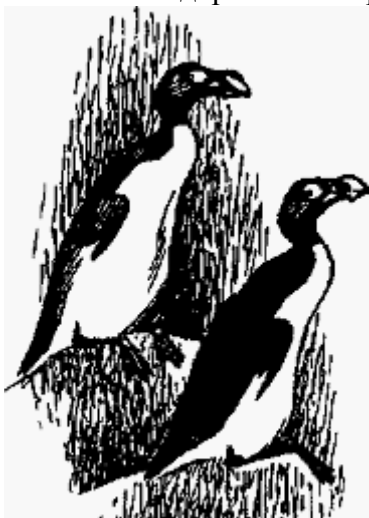
— Вот-вот! А тигр маленький? А слон маленький? Сколько их осталось у вас под носом на Земле сегодня? Молчишь? Так я тебе скажу: тигров да носорогов осталось несколько сотен, а слонов — ну, может, несколько тысяч... ты-сяч... То-то же... На каждого человека в среднем одна стотысячная часть слона. Хор-ро-шо живете! Дроби в школе проходил? Вот и соображай, сколько это будет! С мамонта да с пещерного медведя все и началось — тогда еще только камнями, палками да огнем работали... Ладно, пошли на другую ступеньку.

— Ты подумай только, — неожиданно снова обратился старик к Тимке, пока они спускались дальше по лестнице, — подумай: чуть ли не все самые интересные животные уже уничтожены. Вот по смотри-ка, какими были берега Европы, пока тут не похозяйничали твои предки. — И с этими словами он быстро шагнул в темноту.

Вспыхнул свет, и Тимка оказался опять на берегу какого-то моря. Но это было не далекое дальневосточное море с суровыми скалами. Нет, это было, наверное, Балтийское море, с его тихими свинцовыми волнами, мягкими красками и живописными валунами. И тут же Тимка вздрогнул от неожиданности: прямо рядом с ними на пологом песчаном берегу бродили огромные черно-белые... пингвины. Тимка изумленно оглянулся: за ними чуть поодаль возвышался довольно крутой склон коренного берега. На многочисленных площадках, образованных на некрутом берегу, тут и там двигались такие же большие птицы. Выше по склону, у самого обрыва, стояли густой зеленой стеной обыкновенные сосны, некоторые из деревьев цеплялись за край осыпи и росли на крутом склоне.

— Вот здорово! — обрадовался Тимка. — Значит, раньше пингвины жили у нас?

— Нет, голубчик, это совсем не пингвины! Посмотри-ка внимательнее: разве у пингвинов крылья такие? Разве у пингвинов есть такой хвост? Это знаменитая бескрылая гагарка! Га-гар-ка! — терпеливо объяснял Хранитель. — Ты, видно, и не слышал про них ничего? Жаль-жаль! Мил-ли-оны, миллионы птиц гнездились по берегам Европы. Гнездились, пока не появились здесь твои братья — люди. Для них-то гагарка оказалась легкой добычей — подходи с палкой и бей, летать не умеет, убежать не может... Да если хочешь знать, в глубокой древности человек, может быть, потому и оставался жить по берегам в Европе, что здесь было вдоволь мяса. Да не додумались, чтобы приручить этих птичек! Что ты! Кому это было нужно? Проще перебить всех

 по берегам! Перебили... Потом уж и за острова принялись. И знаешь, когда убили последнюю гагарку? Совсем недавно — в 1844 году, твой прадед тогда еще был жив. Теперь, слышал я, за каждую сохранившуюся скорлупу от яйца гагарки платят в тридцать раз больше золота, чем она весит, а толку что? Не воротишь ее, пропала безвозвратно...

Старик опять по-особенному повернулся на одной ноге, резко махнул рукой с сапфировой палочкой, как будто закрывая от глаз Тимки все вокруг, и тотчас же они вновь очутились на полутемной лестнице.

— Дедушка! Но ведь это все было давно-давно! И мамонтов давно уничтожили, и капустницу и гагарку! Сейчас-то никого так не уничтожают!

— Если бы так! — с горечью откликнулся Хранитель Вит. — А ну-ка посмотри наверх!

Он махнул рукой, и вместо сумрака подземной лестницы над ними распростерлось голубое небо. Вдали виднелось большое озеро, рядом стояли заросли камыша.

— Смотри, смотри вон на ту точку! — командовал Хранитель Вит.

Тимка присмотрелся и увидел летящую прямо на них пару больших светлых птиц. Они летели довольно высоко, метрах в пятидесяти над зарослями озера, и заметно снижались. Длинные голенастые ноги, сложенная и плотно прижатая к туловищу шея — все сразу же выдавало, в них журавлей.

— Мы в Америке, недалеко от берега Мексиканского залива, — прошептал старик. — Это летит на зимовку из Канады одна из последних десяти пар белых американских журавлей. Еще в позапрошлом году их было тридцать три, а вот сейчас... — Он остановился на секунду, и тотчас же из зарослей камыша взметнулся пучок пламени, и до слуха Тимки донесся несильный хлопок патрона, снаряженного бездымным порохом. — А вот сейчас осталось только девятнадцать... — И Хранитель замолк, провожая взглядом падающую птицу.

— Зачем же он убил ее? Ведь журавлей не едят! — возмутился Тимка.

— А зачем ты разорил гнездо дрозда? — со злостью откликнулся старик. — Разве тебя дома не ждала бабушка с готовым обедом? Что покраснел? Ну с этим браконьером у меня разговор будет короткий... Я отучу его брать в руки ружье! — И с этими словами Хранитель Вит крепко схватил Тимку за руку, подпрыгнул вверх, пролетел с ним вместе немного и бесшумно опустился в воду.

На воде, в том месте, где они только что опустились, закачались два высоких и острых, как ножи, стебля осоки. Как раз в этот момент из зарослей с легким шорохом выплыла темно-зеленая резиновая надувная лодка, сверху искусно замаскированная

пучками травы. Молодой парень с ружьем, повешенным поперек шеи, ловко управлял ею, стоя сзади и гребя одним широким веслом.

Рраз! — лодка напоролась на два торчащие стебелька осоки.

Тцирр-к! Тциррк! — лопнули сразу и борта у лодки, и надувное дно, разрезанные двумя зелеными ножами.

Пп-уфф! — вздохнула лодка, выпуская разом весь воздух.

Превратившись в мятый мешок, она быстро уходила под воду. Парень в лодке растерялся, но, погрузившись по плечи и почувствовав под ногами дно, приободрился и попробовал пробираться к берегу пешком. Не тут-то было! Переплетенные корни и стебли подводных растений не дали ему сделать и шагу, а илистое мягкое дно постепенно уходило все глубже и глубже. Побарахтавшись немного, он с отчаянием снял с себя ружье и бросил его вниз. Идти стало легче, но до берега было еще очень далеко.

— Если к вечеру не выберется, то здесь и погибнет, — уверенно прошептала осока, покачиваясь в воде. — А тем временем подумает, как надо себя вести в природе...

— Так-то вот, а ты говорил "прошлые времена", "давным-давно"! — передразнил старикашка Тимкины интонации.

— Ну хватит торчать здесь в воде. Пойдем на лестницу. Посмотрим еще что-нибудь свеженькое. — С этими словами говорящая осока согнулась в три погибели, выпрямилась резко, и... Тимка живой и невредимый стоял на лучистой лестнице.

— А ну давай посмотри-ка вниз!

Тимка послушно взглянул вниз с площадки. Перед ним открылся безбрежный океан. Сырой сильный ветер рвал снасти на небольшом судне, нырявшем в волнах. На самом носу судна была укрепена маленькая, как будто игрушечная, пушчонка, а около нее стоял, крепко держась за натянутый канат, человек в полушубке. Вот он махнул рукой, показывая что-то впереди, и кораблик ловко развернулся в направлении темного пятна, медленно поднимавшегося из глубины. Вот на секунду показалась большая плоская голова с двумя длинными щелями, вверх взметнулся фонтан брызг, поднятый сильной струей воздуха.

"Кит!" — сообразил Тимка.

В тот же момент из пушечки вылетел длинный снаряд с прикрепленной на конце толстой белой веревкой. Этот белый хвост сильно замедлял полет снаряда, и можно было глазом уследить за его направлением.

Еще мгновение — и снаряд вонзится в тело кита.

— Ну, этому-то я уж помешаю на этот раз! — решительно прошамкал старик и, сложив губы трубочкой, несильно дунул в сторону летевшего снаряда.

Тотчас же, будто натолкнувшись на невидимое препятствие, снаряд замер в воздухе и, вместо того чтобы лететь вперед, с плеском шлепнулся вниз, в воду. Белый канат по инерции еще пронесся вперед, но, увлекаемый тонущим снарядом в глубину моря, заструился белой змейкой вниз.

— Ну вот, чуть не загарпунили еще одного большого кита. Знаешь, сколько таких китов осталось в океане? Пять лет назад было три тысячи с небольшим, а в этом году — уже меньше тысячи. На будущий год их останется меньше двухсот, а еще через пару лет — фьють! — Старик сделал выразительный жест вскинутой вверх рукой с сапфировой палочкой.

Все исчезло, и они опять оказались стоящими на площадке светящейся лестницы. Молчаливый и подавленный Тимка не решался больше ничего спрашивать и время от времени громко сопел.

— Ну хватит на сегодня уничтоженных. Тут всего и не пересмотришь...

— Неужели столько уже уничтожено? — вырвалось у Тимки.

— Столько? Ха-ха! Да еще пятьдесят раз по столько! Тебе лет сколько?

— Двенадцать скоро будет, — нерешительно откликнулся Тимка.

— Так вот, пока ты живешь на свете, наверное, уже уничтожили столько же животных и растений. В этом веке люди каждый год обязательно расправляются с каким-нибудь видом без остатка! — И вдруг голос его сорвался на пронзительный крик: — Завтра же плакать будете: "Ах, как жалко!" Сегодня, сегодня об этом заботиться надо! — Борода его разлетелась широким веером, и с каждого волоска побежали яркие сердитые искры. — Запомни все, что я сказал сейчас, — строго прикрикнул он на Тимку, — запомни, да покрепче!

САМОЕ СТРАШНОЕ

— А теперь — вверх! — вскрикнул старик, крепко схватил Тимку за руку у волшебного браслета и подпрыгнул вместе с ним в воздух. Подпрыгнул к сложил вместе ноги, да так быстро, что деревянные башмаки стукнулись друг о друга.

И в тот же момент Тимка почувствовал, что несется вверх, вдоль голубоватой мерцающей лестницы. От мелькающих внизу ступенек у Тимки закружилась голова, и он закрыл глаза. Но вот его ноги коснулись мягкого пола. Он стоял в Пещере Времен Года, а рядом на березовом пеньке сидел Хранитель Вит.

— Все видел, все понял, — затараторил Хранитель скороговоркой, — по глазам вижу! А забудешь — посмотри на браслет.

Тимка тотчас взглянул на браслет: в глубине голубого сапфира засветилась лестница.

— Да тут и вправду большого ума не надо, все ясно и понятно: уничтожать всякую живность без толку нельзя, потому как самим же хуже будет. Только запомни это накрепко. Я за всем уследить не могу... бегаешь-бегаешь. А никак не поспеваю за всем углядеть, — продолжал Хранитель Вит и совсем другим, добрым и усталым, голосом добавил: — Потому-то и занимаюсь с такими вот, как ты. На помощь тоже надеюсь, понимаешь? Ведь ты еще не видал самого страшного...

— А что же самое страшное? — не выдержал Тимка.

— Это ты и должен теперь увидеть. Пошли. — И старичок жестом приказал Тимке подойти к летней стене пещеры.

Тимка смело двинулся вперед и вступил на узкую лесную тропочку, еле заметную среди густой зеленой травы.

— Иди и смотри внимательно кругом. Внимательно смотри! С тропки не сворачивай, встретимся — все расскажешь. Посмотрю, разберешься ли на этот раз, научился ли чему-нибудь у меня! Ну иди же! — поторопил Тимку хранитель, заметив, что тот слишком замедлил шаг.

Тимка шагнул вперед, а за его спиной затихал тонкий, дребезжащий голосочек:

Сохранять и изучать,
Что природа может дать.
И тогда леса и воды,
Звери, птицы и поля
Будут нужными народу —
И украсится земля!

Еще секунда — и песенка замерла позади. Тимку окружил шум летнего леса: шорох листвы, короткий деловитый треск птиц, хлопотливо снующих в поисках пищи. От нагретых горячими солнечными лучами стволов сосен исходил густой запах смолы, деловито прогудел шмель, под елкой засопел еж и бесстрашно подкатился колючим шариком к самым ногам... Лес жил своей обычной жизнью.

Крутой поворот тропинки вывел Тимку на берег тихой лесной речки. Все здесь было до удивления знакомо и поразительно напоминало его любимые места. Вот здесь, на берегу этого ом уточка, где река замедляет свое быстрое течение и дно как будто проваливается в глубину, Тимка в прошлый раз, когда приходил ловить рыбу, поставил в воду рогульку для удочки. Так и есть — вот она, стоит, еще даже не успела завянуть свежая кора на ней!

— А это что за поплавок болтается у самого берега? Да это же мой, на оборванной леске! Я тогда запутал леску и чересчур сильно дернул удочку... А ну, кто съел моего кузнечика? — С этими словами Тимка наклонился, подхватил конец лески, плававший у самого берега, и потянул ее на себя.

Поплавок сначала было послушно направился к берегу, но вдруг замер и задрожал. Это дрожание передалось и руке: на том конце лески, упруго сопротивляясь, забилося что-то живое.

— Тише, тише, тише, — приговаривал сам себе Тимка, осторожно подтягивая добычу к берегу.

Вот в глубине блеснуло, и на мелководе у прибрежной травы заходил кругами на натянутой до предела леске большой красавец голавль длиной не меньше чем в две Тимкиных ладошки. Тимка еще сильнее натянул леску, подтягивая рыбу к берегу, и — трах! — леска оборвалась у самого крючка, и голавль оказался на свободе. Тимка оторопело уставился на обрывок лески и сердито отбросил его в сторону. Леска повисла на ветвях ольхового куста, росшего на берегу, и поплавок закачался как маятник, поблескивая на солнце своими гладкими мокрыми боками. Большая темно-синяя стрекоза-красавка уселась было на поплавок, но, видно, не понравилось ей здесь, и она перепорхнула на ветку, пониже к воде. А поплавок продолжал раскачиваться вперед-назад, вперед-назад, вперед... Тимка проследил глазами за его движениями и вдруг вспомнил:

— Вперед! Скорее вперед! Где же тропка?

Тропка шла вдоль самой речки, аккуратно огибая заросли густого кустарника, ныряя в лесистые овражки, сбегаяющие к реке, перешлепывая через низинки и заболоченные луговинки...

Тимка заспешил по ней вдоль речки. Он невольно все прибавлял и прибавлял шаг, пока чуть не побежал вприпрыжку. Да и трудно было оставаться спокойным, когда вот-вот, за тем поворотом реки, откроется вид на крутой берег с дачным поселком и его

дачей. Но чем ближе оказывался Тимка к знакомому повороту, тем медленнее и медленнее он двигался. Что-то странное и незнакомое чудилось ему кругом.

— Странно, — бормотал Тимка, — под этим мостиком я раньше мог свободно плавать, а теперь тут по колено.

Он сбежал с тропки к самой воде и, сбросив сандалии, прыгнул в воду.

Так и есть — меньше чем по колено.

— Вот новости, — размышлял он вслух, — мостик-то был совсем новый! Его построили только прошлой весной... А сейчас все бревна потемнели и покрылись какой-то слизью. Фу ты, как противно пахнет от реки! — Тимка потянул носом и скорчил недовольную гримасу. — В такой воде и купаться-то противно! Что же это случилось с рекой?

Внимательно осматриваясь кругом, он обратил внимание на ровную невысокую насыпь, тянувшуюся на противоположном берегу из-за бугра прямо к реке, чуть повыше мостика. Насыпь кончалась у самой реки, и из нее торчала широкая труба. Черная, дурно пахнущая вода широкой струей выливалась из трубы и водопадом сбегала в речку. По реке от этого места расходились широкие маслянистые круги.

"Ага! Значит, уже построили в совхозе станцию, — сообразил Тимка, вспомнив, как бабушка читала в газете о намечавшемся строительстве в Ильинском, на другом берегу реки, самой крупной в районе машиноремонтной совхозной станции. — Но ведь ее должны были построить только через два года! — спохватился Тимка, начиная понимать происходящее. — Так и есть! Во-о-он как поднялись молодые посадки: раз, два, три, четыре, пять развилки на елках, а сажали их этой весной... Неужели прошло пять лет с тех пор, как я попал в Пещеру?" — Тимка в волнении даже сел.

Теперь нет никакой надежды на возвращение... Его все давным-давно забыли.

"Значит, я вырос на пять лет, — продолжал размышлять Тимка, — и теперь, наверное, ростом уже с папу..." Тут его взгляд упал на грязные, покрытые потеками мазута ноги, обутые в сандалии.

— Эге-ге! Тут что-то не то! — радостно вскрикнул Тимка. — На мне мои старые сандалии! Не мог же я вырасти так, чтобы ноги остались по-прежнему маленькими!

Тимка радостно вскочил на ноги и двинулся к теперь уже близкому повороту.

Тут тропка подходила к самому берегу реки и шла по низкому заливному лугу. Раньше на этом лугу ребята очень любили ловить стрекоз и собирать дикую клубнику. Теперь это место было неузнаваемо: сухая, старая трава покрывала сплошь весь луг, кое-где виднелась голая болотистая земля.

"Мертвая река, мертвый луг", — подумал Тимка с горечью и оглянулся, ища хоть какой-нибудь зелени,

Зелень была только там, где кончалась низина, у пригорка с посадками.

В этом углу луга когда-то был маленький прозрачный ключик, всегда холодный и чистый. Сюда он и направился. Вместо ключика оказалась грязная глинистая яма. Тимка внимательно осмотрелся кругом. Весь овраг, сбегавший здесь к реке, был голым. Раньше, пять лет назад, здесь трудно было пробраться в зарослях ольхи и осины, берез и

густых елок. Сейчас кое-где торчали большие еловые пни, а по самому дну оврага пролегла глубокая канава с отвесными глинистыми берегами.

"Видно, весной тут текли бурные потоки", — глядя на канаву, решил Тимка.

— Ква! Кваак! — услышал Тимка под ногами.

Рядом по узенькой полоске зеленой травы, еще переваливаясь с боку на бок, прыгала большая лягушка.

— Эй! Ран! — вспомнил Тимка свою встречу с такой же лягушкой за малахитовой дверкой в пещере. — Расскажи, что здесь случилось?

— Квак! Квааа!

— Да ты не понимаешь меня! — огорченно сообразил Тимка и вдруг вспомнил про волшебный браслет. Он потер пальцем малахит и вдруг снова заговорил по-лягушачьи: — Ква! Кваак! Ран, здравствуй! Я Тимка из Пещеры Времен Года!

— Здравствуй, Тимка! Кваа! Плохо! Очень плохо! Бежать! Скорее! Дальше!

— Что случилось, Ран! Квааак!

— Не знаю! Плохая вода! Нет зелени! Все погибли в воде — и комары, и стрекозы, и мои икринки! Или погибать, или уходить отсюда! Помоги, Тимка!

— Прыгай ко мне на руку, Ран! Я перенесу тебя в другое место с чистой водой! — пообещал Тимка и подставил лягушке руки, сложенные лодочкой. — Посиди пока у меня в кармане. Кваа! Здесь хоть и сухо, зато чисто и нет грязной воды. Квак!

А тропинка вела все дальше по реке. Вот и заветный поворот. Тимка помедлил секунду и решительно шагнул вперед. И, пораженный, замер...

Там, где раньше на зеленом пригорке среди многочисленных берез стоял их небольшой дачный поселок, теперь справа и слева появились новые дома. Они тесно окружали пригорок, сбегали к самой реке.

Нет, теперь уже не к реке, а к небольшому грязному ручью, еле видимому в широком русле старой речки. Напротив поселка, на противоположном берегу, на месте соснового бора, куда не раз Тимка ходил собирать маслята, торчали голые пни. Клубы черного дыма застилали горизонт. Между Тимкой и поселком пролегал глубокий овраг, которого раньше вообще здесь не было. По песчаным склонам оврага кое-где лепились одуванчики. И тут только Тимка с удивлением сообразил, что это единственные цветы, которые он видит вокруг себя.

— Куда же пропали ромашки? Куда исчезли синие колокольчики? Почему не видно ни красных россыпей полевой герани, ни огоньков гвоздики? Что здесь случилось? — вырвалось у Тимки. — Как здесь противно и страшно!

— Хе-хе! Страшно! Хе-хе! Противно! Вот и я говорю — страшно и противно! — раздался знакомый шамкающий голос. Хранитель появился, как всегда, неожиданно.

— Это ты нарочно сделал? — воскликнул, обращаясь к нему, Тимка. — Нарочно, чтобы меня испугать? Да?

— Ха-ха! Как бы не так! — задребезжал старикашка. — Вы слышали? — Он картинно всплеснул руками. — Нет, вы только подумайте! Говорят, что это сделал я! Нет, не я это сделал! Я не только прошлое могу показать, но могу и в будущее заглянуть. Вот и ты посмотри со мной, полюбуйся, что здесь будет.

— Дедушка, но куда же делась река? Воды-то ведь в ней совсем нет!

— Лес по берегам свели, вода и перестала держаться под землей. Ну ясно, ключи да родники поэтому и иссякли. А овраг-то, овраг, видал, какой вырос! — И Хранитель Вит горестно махнул рукой в сторону песчаной пропасти. — Того и гляди, твой поселок в него свалится... И какая же живность останется жить в такой грязище да пылище? Тут не просто съели мамонта или гагарку... — Старик помолчал и протянул, растягивая слога: — Пу-сты-ня!

— Тр-р-прр! — На Тимкино плечо вдруг опустилась большая стрекоза.

— Прости, пожалуйста, я не расслышал, что ты сказала! — ничуть не удивился Тимка и быстро прикоснулся пальцем правой руки к янтарному камню в браслете.

— Трр! Прр! Я улетаю отсюда! Улетаю навсегда! Нечего есть! Негде жить! Ни мне, ни моим детям! Прощай! Трр! — И стрекоза пропала в высоте.

Тимке стало не по себе.

— Я не хочу жить в такой грязной пустыне! — растерянно прошептал он.

— Вот и я тоже не хочу! — живо откликнулся Хранитель Вит. — Давай вместе действовать: что можешь, делай ты, а что могу — я. Сейчас у тебя силенок мало, знаю, — перебил он готовый вырваться у Тимки вопрос. — Подрастешь, научишься всяким там человеческим делам — много силы получишь.

— А почему вы не можете запретить злым людям портить природу! — наконец-то решился Тимка задать вопрос, который давно-давно вертелся на языке. — Ведь вы такой сильный и всё можете! Накажите тех, кто портит природу!

— Эхе-хе! Глупая твоя голова, глупая! Всего никто не может делать! И это очень правильно, да. Придется, видно, тебе открыть кое-какие тайны... Я могу исчезать и появляться где хочу, могу командовать деревьями, травами, птицами, зверьем всяким, могу показать да объяснить, что к чему в природе. Но я не могу убить ни одного живого существа. И не хочу!

— Ну пойдем-ка, — продолжал Хранитель, — покажу тебе еще кое-что.

И с этими словами он быстро передел правый башмак на левую ногу, а левый — на правую. И в тот же момент они очутились на скамейке огромного старого парка. Таких старых парков еще встречается много вокруг Москвы.

Хранитель Вит и Тимка теперь сидели на краю большой тенистой липовой аллеи. Выла весна. Позади скамейки виднелись громадные дубы, а рядом с ними поднимались группки молодых кленов, рябинки, елки. Сверху слышались деловитые крики скворцов, а в елках трещал дрозд. Но вот в дальнем конце аллеи показалась странная зеленая машина — цистерна, вроде обыкновенной поливальной машины.

Машина двигалась медленно-медленно, а по сторонам от нее шли два закутанных с ног до головы человека с масками на лице. В руках у них были шланги с длинными

трубками. На конце каждого шланга широкие головки — как на обыкновенном душе, — и из этих шлангов рассыпался желто-зеленый фонтан. Жидкость оседала мелкими капельками на листьях лип, на траве, на окрестных лужах, на дорожке и покрывала все желтым налетом.

— Что они делают? — удивился Тимка.

— А ты спроси у них сам, — отозвался Хранитель. — Спроси, спроси, не бойся, только смотри, чтобы они тебя не облили этой гадостью.

— Тетеньки, скажите, пожалуйста: зачем вы все красите в желтый цвет?

— Уходи отсюда, мальчик! — глухо донеслось из-под маски. — Это ядовитая жидкость от вредителей.

— Чтобы парк был красивым и здоровым! — откликнулась и вторая маска.

Машина медленно проехала мимо спрятавшихся за толстые стволы Тимки и Хранителя.

— Слышал: "Чтобы был красивым и здоровым"! — передразнил старик голос поливальщицы. — А теперь смотри, что будет дальше. — И он показал на ближайшую ветку дерева.

Тимка наклонил к себе ветку. Лениво перебирая лапками по стебельку, ползла гусеница. Вот она остановилась, как будто задумалась, и принялась жевать окрашенный лист. Быстро-быстро работали крепкие челюсти. Вот уже листа как не бывало. Гусеница деловито перебралась на соседний, и все повторилось снова. В этот-то момент сверху появился дрозд. Он совсем не испугался Тимки, будто его и вовсе не было здесь, внимательно поглядел на гусеницу круглым черным глазом, сначала правым, потом левым. Потом цап! — и полетел в сторону, крепко зажав гусеницу в клюве.

— Небось маленьких обжор полетел кормить! — вслух подумал Тимка.

— Да-да-да! — подхватил Хранитель Вит. — Но что из этого получится? Вот вопрос тебе! Вот вопрос! — Помедлил и тронул Тимку за руку: — Пойдем-ка к гнезду, посмотрим.

У гнезда шла обычная суетливая жизнь. Взрослые птицы беспрестанно приносили и засовывали корм в жадно открытые ярко-желтые рты птенцов. Конечно, чаще всего это были зеленые ленивые гусеницы, наевшиеся отравленной листвы. Прошло немного времени, за которое птенцы изрядно подросли. Тимка не удивлялся: он уже давно привык, что сейчас он мог увидеть за минуты то, что в природе идет месяцами. Но чем взрослее становились птенцы, тем делались все более скучными и неподвижными. Теперь они даже не тянулись клювами вверх, когда прилетали родители. Еще немного, и все птенцы погибли.

Этого еще долго не хотели понять родители и носили, носили, носили отравленных гусениц...

— Видал? — окликнул Тимку Хранитель. — Вот тебе и "Красивый парк". Посмотри-ка, что делается в том гнезде пеночки — она тоже кормит птенцов такими же гусеницами.

Тимка раздвинул густые ветви маленькой елочки и заглянул в отверстие гнезда пеночки. На дне его лежали неподвижные крохотные тельца пяти птенчиков.

— А теперь посмотрим, что будет в этом парке на будущий год. Закрой-ка на минутку глаза, — приказал Хранитель, и Тимка почувствовал на лице попеременно зной лета, прохладу осени, стужу зимы. — Ну, гляди, — услышал Тимка голос старика.

Открыл глаза, огляделся.

То же самое место. Совсем ранняя, весна. Наверное, апрель, распускаются почки на деревьях.

— Весна как весна, — проговорил Тимка, обращаясь к Хранителю.

— А ты послушай повнимательнее, — тихо заметил Хранитель Вит в ответ.

Тимка прислушался. Тишина кругом. Тихо-тихо, только шелестит ветер сухим листом.

— Я ничего не слышу.

— Вот то-то и оно! Весна-то молчаливая настала!

Весенний лес казался мертвым... Распускались в тишине листья, лес одевался зеленью. Тимка взглянул на знакомую веточку и ахнул: по ней ползла точно такая же гусеница, как и в прошлом году. Вот она подобралась к молоденькому листу, сожрала один и деловито перебралась на соседний. Все повторилось снова, только дрозда не было.

Кругом стояла тишина.

"Как это страшно — молчаливая весна..." — подумал Тимка.

Тишина была такая же полная, как в волшебной Пещере Времени Года, Тимка и не заметил поэтому, как они очутились опять посредине пещеры.

— Ну понял теперь, что самое главное на Земле? — зазвучал в тишине голос Хранителя Вита.

— Жизнь! — уверенно откликнулся Тимка, и перед ним мгновенно пронеслись картины уничтожения стеллеровой коровы; вот Ран, спасающийся от зловонной реки; вот мертвые птенцы на дне гнезда...

— А зачем, зачем человеку живое? Может, и без лесов, и без зверей, и без цветов, и без птиц проживете? Проживете? Проживете? — смешно затараторил Хранитель. — Нет, дружок! — И он стал сразу очень серьезным. — БЕЗ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕК ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ. Не веришь? — перебил он Тимку, который хотел что-то сказать. — Тогда давай напоследок еще чудеса посмотрим. Далеко ходить не будем, пожалуй. — Старикашка оглянулся. — Вот этот пенек нам и пригодится.

ЧУДЕСА НА ПНЕ

Тимка уже несколько раз видел этот небольшой березовый пенек посередине пещеры. Пень как пень, ничем особенным не выделялся. А Хранитель Вит тем временем распахнул плащ, снял свой широкий кожаный пояс, в несколько рядов украшенный самоцветами, и надел этот пояс на пень. Отошел он в сторону, любовался на опоясанный пенек и повернулся к Тимке:

— Нравится? Красиво?

— Ну и что дальше? — нетерпеливо отозвался. Тимка, не понимая, что собирался делать старик.

Шершавая поверхность пня тем временем преобразилась — сделалась гладкой, глянцевой, блестящей. Она засветилась зеленоватым светом, и по ней побежали красные искорки.

"Как в телевизоре, — подумал Тимка. — Только там экран голубоватый, а искры темные..."

— Смотри, смотри! — властно приказал Хранитель Вит.

На ровном срезе березового пня вдруг появилась крохотная, но самая настоящая лесная страна. Тимка присмотрелся: среди крохотных, как игрушечные, незнакомых деревьев мелькали стада крохотных слонов, проскакивали юркие антилопы, вышагивали важные пестрые жирафы. На берегу большого зеленого озера лежали, высунув над водой большие широкие серые морды, десятки бегемотов, громадная стая фламинго — красно-черных цапель, — розовым облаком пронеслась над озером и скрылась вдали...

— Я знаю, где это! Это — Африка! — обрадовался Тимка.

— Смотри дальше, — оборвал его Хранитель Вит.

Дальше Тимка заметил, что из зарослей вышла группа полуобнаженных темнокожих людей. В руках мужчин были луки и колья. Вот люди собрались на опушке леса, стали разжигать костер, строить хижины из веток. Вот несколько человек охотников ушли опять в лес, а группа других с факелами в руках отправилась на берег озера. Еще мгновение — и огонь широкой полосой побежал по сухим тростниковым прибрежным зарослям. За ним оставалась широкая полоса черной земли. На ней копошились люди, вскапывая и сажая что-то. Число хижин в поселке тем временем увеличилось, и всё новые и новые участки зарослей вокруг озера предавались огню. На безлесых участках появлялись новые и новые небольшие поля. Поля плодоносили не долго. Забрасывая их, люди выжигали новые участки кустарников и леса. Так год за годом перед глазами Тимки за минуты промелькнуло не одно столетие. Чем дальше, тем быстрее менялся облик когда-то лесной страны. Поселок рос и постепенно превратился в небольшой город. Леса кругом почти исчезли, озера превратились в сухие болота и пустоши, птицы и звери отступили в дальние нетронутые леса. На месте вырубок и гарей, на полях все чаще стали крутиться зловеющие суховеи, поднимая высоко вверх тучи сухой почвы и унося ее куда-то далеко. Вот обнажились голые скалы, скрытые до того покровом густых кустарников, вот безжизненная пустыня подобралась к самым полям поселка, вот уже заносится песком дома.

Жители пытались остановить пески, прорывали каналы и наполняли их водой из больших озер, но песок засыпал их. Строили высокие каменные стены на пути песка, но песок засыпал и стены. Сажали деревья на песке, но деревья высыхали, не найдя плодородной почвы, а песок поглощал их...

Город становился все безлюднее, и вот уже последние жители покидают это безжизненное место. Только ветер переносит горы песка с места на место, засыпая то, что когда-то называлось городом. Куда ни смотрел Тимка, теперь всюду был только песок: красный, серый, желтый. Из песка вздымались обнаженные, нагретые солнцем безжизненные скалы.

Тимка не мог сказать, сколько прошло времени, он даже забыл, где находится. Но вот пустыня стала удаляться, удаляться, и на широкой поверхности пня появились очертания Африки. Широкая желтая полоса Сахары пролегла у Средиземного моря, захватывая чуть ли не четверть всего континента.

— Ну вот, — со злорадством проговорил старик, — видел теперь, как люди сделали своими руками Сахару? Сделали и ушли... В пустыне долго не проживешь.

— А я думал, Сахара всегда была пустыней, — задумчиво сказал Тимка.

— Вот тебе и "думал"! — передразнил его Хранитель Вит. — Мало вы еще знаете о том, как надо жить на Земле. Плохо будет, если... — Тут лесовик начал расти, расти, превратился в громадного чернокожего джинна, голова которого потонула где-то в прозрачной голубизне свода пещеры, и голос его оттуда загремел громовыми раскатами: — **Если — вы — потеряете — пение — птиц — и — шелест — листьев!..**

Громадная фигура внезапно потеряла четкие очертания, и вот вместо джинна рядом с Тимкой чуть покачивается столб голубого дыма, а сверху несутся и несутся слова:

— Человек стал человеком, покоряя природу, теперь он должен стать разумным хозяином своего богатства!

Столб дыма осел, и Хранитель Вит в своем березовом плаще снова оказался рядом с Тимкой.

— Это мой третий великий закон, — продолжал он. — **Закон разумного отношения человека к живому.** — Между прочим, между прочим... этот закон не секретный! Много людей его знает. И знает, и выполняет!!! Да, выполняет! И тогда все хорошо бывает. Ну-ка посмотри еще раз сюда. — И Хранитель Вит снова показал на пень.

Поверхность пня на этот раз была розоватой, и по ней пробегали голубые искры. Потом их стало больше, больше, и вот яркое голубое небо засияло над желтой пустыней. Из-за ближнего бархана вынырнул небольшой вездеход, из него выскочили люди с треногами и трубами, что-то мерили, ставили какие-то рейки и вбивали колышки. Вскоре из-за того же бархана показался бульдозер. Он легко убрал со своего пути кучу песка, расчищая ровную дорогу. За ним шел мощный канавокопатель. Песок так и летел в сторону, и пустыню прорезала глубокая канава.

За канавокопателем двигались еще машины, и после них стенки канавы становились гладкими и блестящими.

"То ли бетоноукладчики, то ли какие-то опрыскиватели", — решил Тимка.

Еще секунда — и по каналу побежал поток мутной, пенистой воды. Пустыня кругом стала расцветать зелеными красками: то тут, то там появлялись зеленеющие поля, группы деревьев, огромные сады, поселки. Вот на большое искусственное озеро село несколько красноголовых аистов. Бывшая пустыня ожила.

— Ожила, ожила пустыня! — с восторгом закричал Тимка. — Да, можете, можете кое-что хорошее делать, — подхватил Вит. — Слышал небось о лесных полосах в степи? Тоже хорошее дело! Да мало ли их, хороших дел? — И сам себя перебил: — Мало, для живой природы очень мало!

В это мгновение Тимка почувствовал жжение на запястье около браслета. Он поднял руку, чтобы выяснить причину, и увидел: последний камень браслета — черно-красный гранат — начал светиться в самой своей глубине. Густое алое пламя то разгоралось, то почти пропадало.

"Как красный светофор на перекрестке", — подумал Тимка.

Ему захотелось поближе рассмотреть этот чудный камень, и он повернул браслет вокруг руки. Браслет скользнул по запястью, слегка задержался на ладонке и легко соскочил в другую руку, которую едва успел подставить Тимка. Вот чудо! Весь браслет был теперь наполнен настоящей жизнью, каждый камень, казалось, говорил с Тимкой своим голосом: из темно-зеленой, с извивающимися водорослями глубины малахита посматривал Ран, как бы приглашая прогуляться по болоту; покачивался подорожник, сливаясь своими цветочными стебельками с прожилками яшмы; черно-синим вороновым крылом переливался агат; в глубине янтаря трепетала крыльями стрекоза; из прозрачной глубины горного хрусталя, как из льдинки, смотрела на Тимку хохуля, а тигровый глаз, как живой, то расширялся, то сужался, и Тимке казалось, будто сам Хранитель Вит подмаргивает; тревожно и печально мерцала лунным светом уходящая вниз лестница в глубине сапфира...

Браслет лежал на ладонке и, как показалось на секунду Тимке, чуть-чуть вздрагивал. Тимка покрепче хотел схватить его, чтобы снова надеть на руку. "Что же это такое? Никак не получается!" — испугался Тимка, Браслет выскользнул из пальцев, упруго выворачивался. Тимка накрыл его другой рукой, зажал было в ладошках, но в тот же момент какая-то сила разжала его руки, и браслет повис в воздухе.

— Мой! Не отдам! Он мой! — в отчаянии закричал Тимка, рванулся вслед за браслетом и хотел схватить.

Но тот как будто не подпускал к себе. Вот Тимка уже быстро бежит за уплывающим браслетом в темную глубину пещеры. Все быстрее и быстрее летит браслет, а ноги Тимки становятся ватными, непослушными, цепляются за неведомо откуда появившиеся на полу кочки, бугорки... Все темнее и темнее становится в пещере, и все ярче и ярче разгораются цветными огнями камни браслета. Красные, зеленые, синие, желтые, голубые лучи сплетаются вместе, в одну сияющую и мерцающую вдали звездочку... Тимка вдруг почувствовал огромную усталость и неудержимо захотел присесть или прилечь, чтобы отдохнуть на таком мягком и теплом полу пещеры. Ноги его подкосились, и он опустился вниз.

...Нежаркий солнечный луч запрыгал по лицу Тимки, и легкий предвечерний свежий ветерок пробежал по его голым ногам. Тимка вздрогнул и открыл глаза. Потом протер их рукой, привстав на колени. Он лежал на куче теплого сухого песка в той самой яме, куда он спрыгнул давно-давно, — может быть, даже несколько лет назад, — наблюдая за муравьиной дорожкой. Солнце, которое тогда было высоко над соснами, теперь пробивалось лучиками у самой земли. Последний лучик из покидающих глубину песчаной ямы, наверное, и разбудил Тимку. Еще не вполне очнувшись, Тимка разглядывал все вокруг. Что-то блеснуло в песке — он нагнулся и увидел полузасыпанный пинцет.

— Мамин пинцет! — Тимка хотел было его схватить, но тотчас отдернул руку. Ему стало неприятно. — Кажется, помню... Все вспомнил! И Пещеру Времен Года, и Вита! А где же волшебный браслет? — Он схватил себя за запястье — никакого браслета не было. — Пещера, — продолжал вспоминать он, — где же пещера?..

Тимка внимательно, на четвереньках, исследовал все стены песчаной ямы, но, кроме плотных слоев песка с глиной, ничего не нашел. Несколько обескураженный, он поднялся на ноги и выглянул из ямы. Рядом, в густой листве садов, за зеленым бугром, виднелись крыши дач. Пологий склон, усаженный молодыми соснами, сбегал к широкой речке. Предвечернее небо, зеленовато-розовое, безоблачное, окончательно его успокоило.

— Вот это был сон! — вслух подумал Тимка.

В кармане что-то зашевелилось. Тимка сунул туда руку и в испуге отдернул ее: там было мокро и скользко.

— Этого не может быть, — пробормотал в замешательстве Тимка, вытаскивая из кармана большую лягушку.

А лягушка спокойно уселась на раскрытой ладони и слегка жмурилась от дневного света.

— Ран, милый Ран! Я забыл тебя выпустить в чистую воду! Прости меня, пожалуйста, пойдем скорее к реке! — Одним прыжком Тимка выскочил из ямы и бросился к реке.

Река тоже была совсем такой же, как и раньше: у противоположного берега плавали лилии, только теперь они были почти все закрытые, где-то за поворотом реки привычно кричал коростель... У реки, на лугу, шарахнулось несколько лягушек. Тимка присел на корточки, опустил руку с лягушкой к земле, и ласково прикоснулся к ее спинке:

— Ну, прыгай скорее!

Та немного помедлила, приподнялась на передних лапах, посмотрела, оглянулась на Тимку и... высоко подпрыгнув, исчезла в густой траве.

— Выходит, все-таки я действительно был в Пещере Времен Года! Откуда же иначе взялся бы Ран в моем кармане? — И тут же заспорил сам с собой: — Но где вход в пещеру? И как доказать, что я там был?

Так, споря сам с собой, Тимка медленно брел по тропке вдоль берега реки к поселку. В одном месте тропка резко изгибалась вправо, обходя глубокую канаву, образовавшуюся там, где весенние потоки, скатывающиеся с распаханного склона наверху, нашли себе самый короткий путь вниз.

Тимка резко остановился. Эта маленькая канавка была на том самом месте, где он видел в мрачной картине Хранителя Вита огромный овраг! Да-да! Еще в прошлом году он мог перепрыгнуть эту канавку, а теперь она так разрослась, что никто из ребят не может это сделать. А что же будет на следующий год? И еще на следующий?

Тимка с волнением огляделся кругом. Надо было что-то делать...

Тимка еще раз огляделся. Теперь он смотрел на все другими глазами. Лилии на реке... Да они совсем, как тогда, когда он попал в пещеру к Хранителю. Но ведь в прошлом-то году их было на реке гораздо больше! И вон той плешины обгорелой не было в прошлом году посередине бора на том берегу реки! И островок на реке, куда любили они уплывать на плоту с ребятами на целый день, стал почти голым. А ведь там росло столько молодых березок! Из некоторых они сделали шесты для плота, другие просто изломали, когда качались и играли в парашютистов.

— Тимка! Как тебе не стыдно! Где ты так долго пропадал? Я тебя полдня по всему поселку ищу. Скоро родители приедут с работы, а он без обеда целый день. Вот достанется тебе от них! — встретила его бабушка у калитки.

— Бабушка! Сколько сейчас времени?

— Скоро восемь. Самое время ужинать. Ты мне скажи, где ты бегал до сих пор?

— А какой сейчас год? — никак не мог успокоиться Тимка.

— Тимофей! Немедленно отвечай, что с тобой случилось! — взволнованно потребовала бабушка в ответ на последний вопрос. — Вот, бедный, проголодался как! Давай-ка скорее мой руки — и за стол!

— Вот это да! Прошел всего один день... Как же это могло быть? Но Ран-то сидел у меня в кармане! — сам с собой тихонько разговаривал Тимка.

— Что ты там бормочешь, Тимоша?

— Да это я так... Чтобы руки лучше мылись...

На этом мы и оставим Тимку и кончим наш рассказ. Но не потому, что прекратились удивительные приключения Тимки, а потому, что он взял с нас слово пока молчать о приключениях его и его друзей — Зеленых Рыцарей — в царстве Хранителя Вита. Да-да! Очень скоро Тимка с двумя друзьями снова попал во владения Вита, и приключения их на этот раз оказались еще более необыкновенными. Но об этом в следующий раз, если, конечно, Тимка снимет с нас клятву молчания.